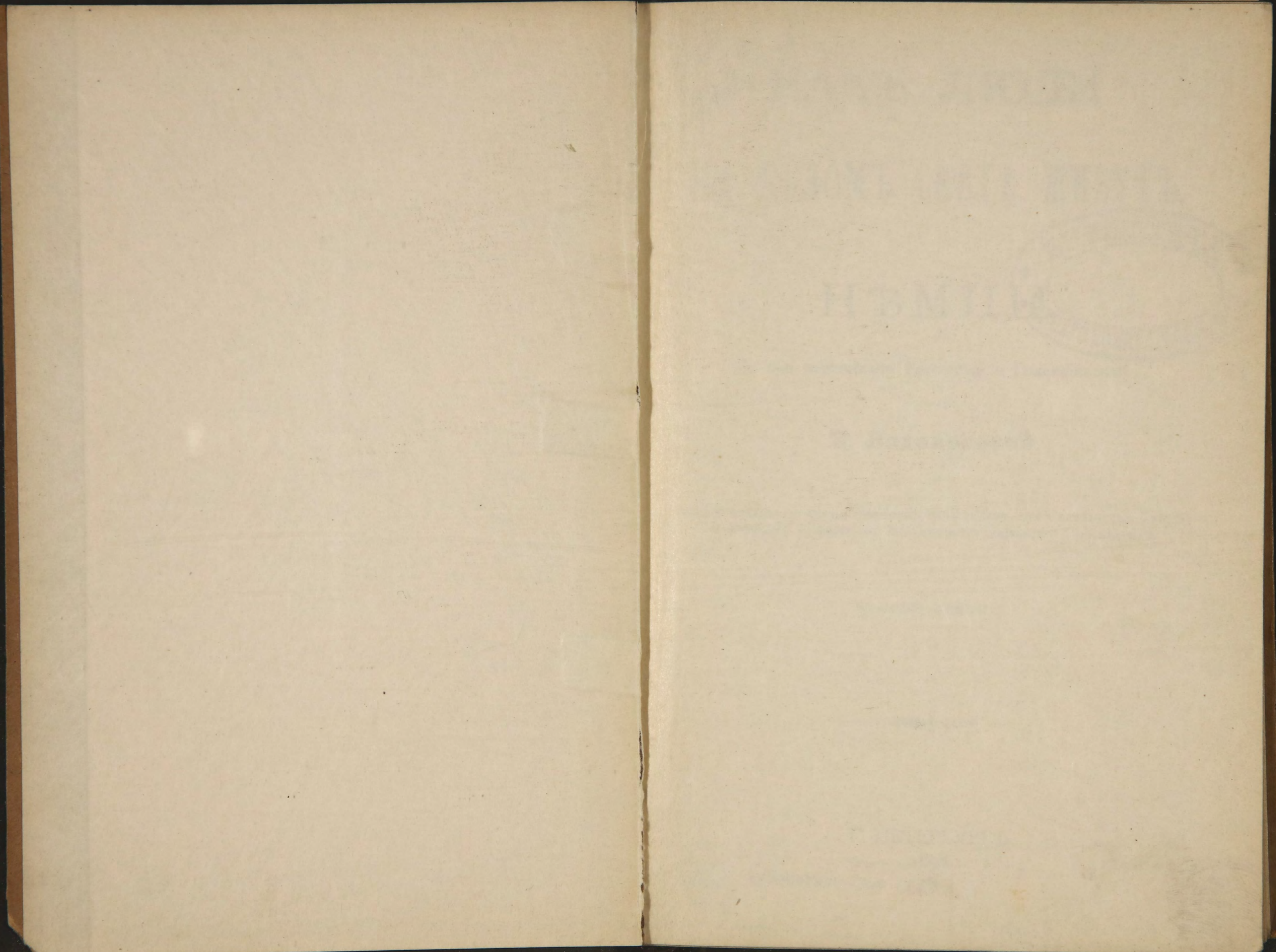

15393.

15393
~~7760/2~~

КАКЪ ЛЮДИ

НА БѢЛОМЪ СВѢТѢ ЖИВУТЬ.

НѢМЦЫ.

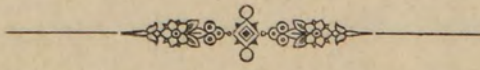

Съ 8-ю картинками Васнецова и Голембiовскаго.

Е. Водовозовой.

Первое изданiе одобрено Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ и Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенiя.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1898.

39

Библиотека ИИФ СССР

12

79483

Рисунки дозволены цензурою. С.-Петербургъ, 17 іюня 1898 г.

Текстъ книги напечатанъ въ Типографіи Стасюлевича: Спб. Вас. Остр., 5 лив., 28.

Картинки и обертка отпечатаны въ Типографіи Гоппе: Вознесенскій проспектъ, д. 53.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Подъ общимъ названіемъ «*Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ*» я издаю рядъ книжекъ, содержащихъ описаніе наиболѣе характерныхъ народовъ западной Европы. Цѣль этихъ книжекъ познакомить читателей съ нравами и обычаями названныхъ народовъ, съ ихъ радостями и невзгодами, съ ихъ трудомъ и заработкомъ, съ выдающимися чертами семейной и общественной жизни всѣхъ сословій, а также съ образомъ правленія въ тѣхъ государствахъ, гдѣ онъ вполнѣ прочно установился и отражается во всей жизни, нравахъ и привычкахъ народа. Вмѣстѣ съ этимъ я считаю необходимымъ дать вполнѣ ясное представленіе о земледѣльческой и промышленной дѣятельности каждаго народа, по скольку она имѣетъ значеніе въ его жизни.

На вопросъ, постоянно мнѣ предлагаемый, войдутъ ли въ серію книжекъ «*Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ*» всѣ народы, описанные въ моемъ трудѣ «*Жизнь Европейскихъ народовъ*», считаю долгомъ отвѣтить вполнѣ ясно и опредѣленно. Въ это новое изданіе не войдетъ описаніе жизни и нравовъ нѣмцевъ Австріи, бельгийцевъ, датчанъ, шотландцевъ,

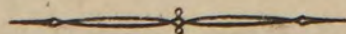

португальцевъ, сербовъ-лужичанъ, словенцевъ, словаковъ, а, можетъ быть, еще и нѣкоторыхъ другихъ.

Изъ новой серіи книжекъ, издаваемыхъ мною подъ названіемъ «Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ», уже появились: 1) Англичане, 2) Турки, 3) Итальянцы, 4) Нѣмцы, 5) Испанцы, 6) Чехи, Поляки, Русины, 7) Болгары, Сербы и Черногорцы. Каждая книжка имѣетъ вполнѣ самостоятельное значеніе.

Въ одной изъ газетныхъ рецензій было заявлено, что новая серія книжекъ «Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ» не что иное, какъ перепечатка моихъ очерковъ изъ «Жизни Европейскихъ Народовъ». Это совершенно не вѣрно уже потому, что въ книгахъ «Жизнь Европейскихъ Народовъ» очерки о томъ или другомъ народѣ, большею частью, вдвое болѣе по объему очерковъ, появившихся въ книжкахъ подъ названіемъ «Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ это вовсе и не простое сокращеніе, а полная переработка съ новыми главами, которыхъ нѣтъ въ книгахъ «Жизнь Европейскихъ Народовъ». Предпринимая изданіе книжекъ «Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ», я имѣла въ виду всѣхъ тѣхъ, кто не можетъ приобрѣтать дорогихъ книгъ и не имѣетъ досуга для чтенія большихъ по объему сочиненій, особенно же тѣхъ читателей, которые требуютъ болѣе популярнаго изложенія.

Е. Водовозова.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

НѢМЦЫ.

	СТР.
Берлинъ.—Первое впечатлѣніе.—Городская желѣзная дорога.—Быстрый ростъ столицы.—Постройки, улицы и мостовая.—Улица Липъ.—Бранденбургскія ворота.—Пассажъ.—Паноптикумъ.—Акваріумъ и его значеніе.—Зоологическій садъ.	1
Гостиницы, рестораны, пивныя и кондитерскія.—Гостиницы.—Нѣмецкій ресторанный.—Сценки изъ жизни въ загородныхъ ресторанахъ-пансіонахъ.—Ѣда.—Несмѣтное число пивныхъ заведеній и значеніе пива для нѣмца.—Пивной погребъ подъ ратушей.—Пивные сады и ихъ обстановка.—Зданіе лотереи:	15
Развлеченія.—Театры-рестораны.—Кафе-концерты.—Народный театр.—Танцевальныя залы.	29
Военное сословіе.—Главный штабъ и его значеніе.—Служба, обученіе и жизнь солдатъ и офицеровъ.	35
Высшее и среднее сословія.—Характеръ нѣмцевъ.—Ихъ недостатки и достоинства.—Напыщенный этикетъ.—Страсть къ титуламъ.—Любовь къ музыкѣ и пѣнію.—Рѣзкое различіе между сословіями.—Жизнь, взгляды и понятія аристократовъ и чиновниковъ.—Домашняя жизнь и обстановка.—Домашняя ѣда.—Прислуга и ея отношеніе къ своимъ господамъ.—Нѣмецкая дѣвушка.—Предложеніе брака черезъ посредство газетъ.—Польтерабендъ.—Свадьба.—Семейная жизнь.—Хозяинъ дома и нѣмецкая женщина	45
Жизнь и нравы студентовъ.—Германскіе университеты.—Студенты: ихъ одежда и внѣшность.—Фуксы: ихъ вступленіе въ университетъ, жизнь и отношеніе къ буршамъ.—Кнейпа.—Пивные долги.—Лишеніе пивной чести.—Пивной судъ.—Студенческія пѣсни.—Ночныя серенады.—Результаты попойки.—Карцеръ.—Студенческія дуэли.—Пивныя награды.—Процессіи и торжества.—Некорпоративные студенты.	87

Лютеранская вѣра.—Какъ и почему появилась новая вѣра.— Лютеръ и его отношеніе къ католичеству.—Какъ лютеранская религія учитъ смотрѣть на духовныхъ лицъ.—Характерныя черты лютеранства.—Ученіе о таинствахъ.—Какъ происходятъ кре- стины.—Церкви.—Отношеніе германскихъ лютеранъ къ религіи.— Пасторы	105
Рейнъ.—Его значеніе для нѣмцевъ и обожаніе, которымъ онъ пользуется.—Замки и соборы.—Скала Лорелен.—Рейнгау и его вино.	113
Шварцвальдъ.—Природа страны и ея жители.—Ихъ одежда и занятія: деревянныя издѣлія, плетеніе изъ соломы и часовая промышленность	120
Эссенъ.—Крупновскіе заводы.—Каменноугольныя залежи . .	128
Баварія.—Значеніе пива для баварца.—Пивныя революціи.— Религія народа.—Крестьянскій домъ.—Крестьянская аристокра- тія.—Положеніе работниковъ въ семействѣ баварскаго крестья- нина.—Кулачные бойцы.—Поединки и состязанія.—Сатирическія пѣсенки.—Тайный народный судъ.—Любовь баварца къ танцамъ и представленіямъ.—Деревня Обераммергау.—Крестьяне-актеры: ихъ жизнь и представленіе драмы страстей Господнихъ	132
Народное образованіе въ Германіи	154
Сельское хозяйство.—Помѣщики и крестьяне.—Поземельная собственность.—Помѣщики: ихъ жизнь и помѣстья.—Зажиточные крестьяне и ихъ отношеніе къ бѣднякамъ.—Положеніе крестьянъ средняго достатка.—Горе-горькая судьба безземельныхъ и мел- кихъ землевладѣльцевъ.—Земледѣльческіе рабочіе.—Все усили- вающееся выселеніе съ родины.	165
Ремесленники и служащіе	183
Рабочіе.—Фабричное законодательство.—Положеніе рабочихъ: ихъ заработокъ и продолжительность рабочаго дня.—Пища и жи- лище.—Ткачи	193
Что дѣлаютъ германскіе рабочіе для улучшенія своего положенія и что устроило для нихъ правительство.—Ра- бочіе союзы.—Стачки.—Бойкотъ.—Страхованіе.	201
Государственное устройство	215
Объявленія.	229

ПЕРЕЧЕНЬ РИСУНКОВЪ.

	СТР.
1. На лицевой сторонѣ обертки: типы нѣмцевъ. Мужчина и женщина слѣва—средняго сословія; двѣ женщины и мужчина справа—зажиточные крестьяне Баваріи.	
2. Задняя сторона обертки: пирушка нѣмецкихъ студентовъ.	
3. Уличная сценка въ Берлинѣ	10
4. Типы нѣмцевъ средняго и высшаго классовъ общества.	44
5. Типы нѣмокъ средняго и высшаго классовъ общества.	84
6. Жители Шварцвальда и ихъ домашняя обстановка. .	124
7. Баварцы. Наверху слѣва—дружка во время свадьбы; внизу слѣва—свадебный музыкантъ	138
8. Танцы баварцевъ	144

Н Ъ М Ц Ы.

БЕРЛИНЪ.

Первое впечатлѣніе.—Городская желѣзная дорога.—Быстрый ростъ столицы.—Постройки, улицы и мостовая.—Улица Липъ.—Бранденбургскія ворота.—Пассажд.—Паноптикумъ.—Акваріумъ и его значеніе.—Зоологическій садъ.

Изъ всѣхъ старыхъ и новыхъ городовъ Германской имперіи,—этой страны крови и желѣза, картечи, пушекъ и войнъ,—Берлинъ самый промышленный и торговый городъ; въ то же время онъ служитъ столицею Германіи и мѣстомъ жительства германскаго императора. Нѣмцы считаютъ Берлинъ и центромъ образованія, учености и искусствъ, но это лишь излишнее пристрастіе къ своей столицѣ: науки и искусства не менѣе, а часто даже болѣе, процвѣтаютъ въ другихъ городахъ Германіи.

Берлинъ расположенъ на песчаной равнинѣ, а потому всѣ окрестности его однообразны и скучны: березы и сосны чередуются между собой, почва неплодна, вездѣ одинъ песокъ. Но за жалкими окрестностями начинаются лѣса: большая часть предмѣстій нѣмецкой столицы чрезвычайно богата ими.

Берлинъ, сравнительно съ другими столицами Европы, городъ совсѣмъ молодой, новый, а потому-то онъ и не имѣетъ ни развалинъ, ни старинныхъ укрѣпленій, ни остатковъ средневѣковыхъ замковъ. Особенно поражаетъ въ немъ его ростъ: онъ чрезвычайно быстро расширяется и увеличивается; въ то-же время онъ продолжаетъ постоянно украшаться и улучшаться. Еще лѣтъ сорокъ тому назадъ многія улицы столицы находились за чертою города и представляли собою луга, гдѣ косили сѣно, или пустыри, заваленные кучами мусора. Расширяясь, Берлинъ все болѣе подвигается къ лѣсу. Грюневальдъ (что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ зеленый лѣсъ) дѣйствительно представляетъ чудный, огромный лѣсъ; сплошною полосою тянется онъ чуть не отъ воротъ Берлина до города Потсдама, то-есть верстъ на двадцать пять. Столичнымъ жителямъ чрезвычайно легко и удобно прогуливаться въ своихъ лѣсахъ, которыми почти со всѣхъ сторонъ окруженъ Берлинъ: они могутъ добраться до нихъ за грошевую плату, какъ въ безчисленныхъ омнибусахъ, такъ и на паровой конкѣ, а также по замѣчательной городской желѣзной дорогѣ столицы.

Отправиться по городской желѣзной дорогѣ можно изъ любого пункта, — поѣзда идутъ каждая пять минутъ. Близость громадныхъ и прекрасныхъ лѣсовъ, необыкновенная дешевизна и удобства сообщенія даютъ возможность не только богатымъ людямъ, но и громадной массѣ рабочихъ проводить лѣтомъ праздничное время въ лѣсу, на чистомъ воздухѣ. Школьники и школьницы, по 50—100 человекъ, подъ предводительствомъ учителя или учительницы, весело распѣвая пѣсни, тоже отправляются въ лѣсъ почти каждый праздникъ, а иногда и въ будни, если только позволяетъ погода. Сколько бѣдныхъ дѣтей Берлина выросли бы, не видя ни лѣса, ни цвѣтовъ, если бы не дешевизна и

удобства сообщеній. Усвоивъ уже въ раннемъ дѣтствѣ привычку къ прогулкамъ, познакомившись съ сельскими занятіями, съ деревьями, птицами, цвѣтами, толковые рассказы о которыхъ дѣти слышали отъ своихъ учителей во время своихъ частыхъ посѣщеній загородныхъ мѣстностей, нѣмцы навсегда приобрѣтаютъ замѣчательную любовь къ природѣ, научаются понимать ее и ухаживать за цвѣтами и деревьями. Какое пріятное зрѣлище представляютъ эти берлинскіе лѣса въ хорошую лѣтнюю погоду! По всѣмъ тропинкамъ и дорожкамъ, всюду толпы народа; здѣсь и тамъ дѣти бѣгаютъ съ хохотомъ или, собравшись въ кружокъ, вертятся съ пѣснями,—и только бумажки, въ которыя были завернуты ихъ бутерброды (куски хлѣба съ масломъ) бѣлѣютъ на зелени, указывая мѣста, гдѣ они только-что рѣзвились и закусывали.

Еще недавно эта столица нѣмцевъ страдала отъ недостатка воды и отъ зловоній, но, вмѣстѣ съ быстрымъ ростомъ, Берлинъ также быстро улучшается во всѣхъ отношеніяхъ, становится городомъ несравненно болѣе чистымъ, здоровымъ, опрятнымъ и болѣе удобнымъ для жизни и сношеній жителей между собой. Открытые стоки и канавы, на днѣ которыхъ застаивалась грязь, распространявшая зловонія, совершенно уничтожены съ устройствомъ подземныхъ каналовъ, куда теперь и стекаютъ съ улицъ всѣ нечистоты. Вмѣсто открытыхъ рынковъ, въ которыхъ такъ быстро портились съѣстные припасы, теперь повсюду устроены крытые рынки. Большую пользу жителямъ принесло и снабженіе столицы чистой водой, для чего нѣмцы устроили прекрасные водопроводы.

Въ послѣднее время нѣмецкая столица совершенно заново обстроилась и украсилась рядомъ новыхъ садовъ, огромнымъ числомъ парковъ, бульваровъ и роскошныхъ зданій; однимъ словомъ, Берлинъ въ настоящее время уже

успѣлъ обзавестись всѣми послѣдними изобрѣтеніями и усовершенствованіями.

Громадное большинство берлинскихъ улицъ вымощено каменными плитками или асфальтомъ, что даетъ возможность ежедневно очень аккуратно и чисто мыть мостовую, а это избавляетъ жителей отъ пыли даже въ лѣтнее время. Чуть забрезжится свѣтъ, по всѣмъ улицамъ можно видѣть бочки для поливки, огромные мусорные ящики, щетки и другія орудія, краснорѣчиво свидѣтельствующія о томъ, что улицы не только очищены отъ вчерашней грязи и сора но, и на-чисто вымыты. Естественно, что воздухъ отъ этого настолько чистъ и свѣжъ, на сколько это позволяетъ климатъ страны. Очищенію и упорядоченію воздуха помогаютъ не только лѣса предмѣстій, но и зелень въ самой столицѣ, которую встрѣчаешь всюду, — такое множество здѣсь садовъ, парковъ и бульваровъ, обсаженныхъ деревьями, которыя, давая тѣнь, значительно смягчаютъ жаръ знойнаго лѣта. Множество широкихъ улицъ и садовъ устроено даже въ тѣхъ частяхъ города, гдѣ живетъ бѣднѣйшая часть населенія. Правда, самые старые и пользующіеся дурною славою уголки Берлина еще не подверглись полному преобразованію, но и они весьма улучшились и очистились уже вслѣдствіе того, что и тутъ проходитъ теперь «городская желѣзная дорога», при устройствѣ которой пришлось сломать много старыхъ построекъ и зданій, еще недавно тоже распространявшихъ страшныя зловонія. Всѣ эти улучшения и преобразованія за послѣднія двадцать лѣтъ немедленно отразились на здоровьѣ населенія: въ 1870 г. умирали 31 ч. на 1000, а черезъ пятнадцать лѣтъ только 20 ч. вмѣстѣ съ этимъ народонаселеніе быстро увеличивается: пятнадцать лѣтъ тому назадъ жителей считали немногимъ болѣе милліона, а теперь уже гораздо болѣе полутора милліона.

Не смотря однако на различныя усовершенствованія, которыя дали возможность въ послѣднее время очистить Берлинъ и уничтожить его зловонія, вредныя испаренія, облака пыли и снабдить его чистой водой, еще до сихъ поръ въ немъ существуетъ не мало помѣщеній, вредныхъ для здоровья. Когда гуляешь по улицамъ, безпрестанно наталкиваешься у тротуаровъ на отверстія, въ которыя приходится спускаться на 10 и 20 ступеней. Вотъ въ этихъ-то полуподземныхъ жилищахъ или подвалахъ живутъ люди самыхъ разнообразныхъ профессій. Эти подвалы превращены въ лавочки для молока, масла, здѣсь устроены также пекарни, колбасныя, лавчонки для посуды и мебели, но болѣе всего пивныхъ. Такимъ образомъ эти подвалы преимущественно заняты бѣдными торговцами и ремесленниками, которые нанимаютъ здѣсь обыкновенно двѣ комнаты, — одну для жизни своей семьи, всегда чрезвычайно многочисленной, другую — для своего товара или произведеній своего ремесла. Этихъ полуподземныхъ жителей въ Берлинѣ насчитываютъ болѣе 118.000 ч.: ихъ такъ много потому, что такого рода помѣщенія несравненно дешевле остальныхъ, между тѣмъ они даютъ возможность бѣдному люду имѣть лавочку на улицу, выставить свой небогатый товаръ и незатѣйливыя произведенія своихъ рукъ.

Въ Берлинѣ существуютъ и болѣе жалкія помѣщенія. Въ только-что описанныхъ погребахъ на улицу свѣтъ и воздухъ проникаютъ хотя и черезъ единственную дверь, но все же здѣсь не совсѣмъ темно и душно. Гораздо хуже въ погребахъ, находящихся въ узкихъ дворахъ, сзади построекъ, — даже и такихъ помѣщеній насчитываютъ въ Берлинѣ болѣе 11.000. Всѣ эпидеміи въ столицѣ начинаются именно съ жильцовъ этихъ жалкихъ подваловъ.

Въ Берлинѣ, какъ уже было замѣчено, обращено особенное вниманіе на облегченіе и удешевленіе путей сооб-

щенія. Нѣмцы вообще усвоили прекрасную привычку много ходить пѣшкомъ: мѣстные жители лишь при большомъ достаткѣ берутъ экипажъ, а потому ихъ здѣсь несравненно меньше, чѣмъ въ другихъ столицахъ. Вмѣсто нихъ, въ каждомъ уголкѣ Берлина можно удобно пользоваться омнибусами и конножелѣзными дорогами, перекрещивающими улицы Берлина по всѣмъ направленіямъ. Кромѣ общественныхъ каретъ, здѣсь проведена «городская желѣзная дорога»; она проходитъ вокругъ города и поперекъ его, по громаднымъ насыпямъ или по высокому, снабженному арками помосту. Поѣздъ этой «городской желѣзной дороги» то идетъ буквально среди города, въ иныхъ мѣстахъ чрезвычайно близко отъ домовъ, то несется по желѣзному мосту черезъ улицу и летитъ надъ крышами, то вдругъ пробѣгаетъ между домовъ, въ специально для этого устроенныхъ проходахъ. Черезъ каждыя пять минутъ изъ разныхъ концовъ города отходятъ городскіе поѣзда и перевозятъ жителей изъ одного конца столицы на другой. Не легко было построить эту дорогу: пришлось разрушить длинные ряды домовъ, удалить остатки старыхъ построекъ, во многихъ мѣстахъ, гдѣ рыхлая почва, вбивать сваи, пересѣчь каналы и рукава рѣки Шпре мостами, воздвигнуть множество громадныхъ вокзаловъ.

Въ Берлинѣ нѣтъ ничего оригинальнаго. Шпре протекаетъ въ центрѣ города, дѣлитъ его на сѣверную и южную части и имѣетъ видъ скорѣе узкаго канала съ мутною, грязною водою, чѣмъ многоводной рѣки: такимъ образомъ она ни мало не украшаетъ города. Ровныя, прямыя улицы Берлина на первый взглядъ представляются очень красивыми съ ихъ дворцами, богатѣйшими гостиницами, огромными магазинами и роскошными домами, но однообразіе построекъ придаетъ имъ казарменный характеръ.

Берлинъ изъ всѣхъ столицъ Европы распланированъ

наиболѣе правильно: прямота, длина, равномерная ширина, прямоугольное расположеніе улицъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ старыхъ частей города, вошли въ пословицу. Видно, что ровныя, широкія, прямыя улицы Берлина были выстроены сразу, по приказанію начальства, потому-то онѣ, какъ и все въ этой столицѣ, носятъ какой-то казенный характеръ. Эти ровныя, прямыя, широкія улицы устроены такъ, чтобы на нихъ свободно могли двигаться многочисленныя войска. И дѣйствительно, вмѣсто гула оживленной толпы, а по вечерамъ звука музыкальныхъ инструментовъ, пѣсенъ, смѣха и остротъ южныхъ городовъ Испаніи, Франціи и Италиі, вы скорѣе услышите здѣсь бой барабана и рѣзкій свистъ флейты, прерываемый шумомъ колесъ военныхъ орудій. Однако, несмотря на то, что Берлинъ можно считать городомъ военнымъ по преимуществу, при вѣздѣ въ него удивляешься, какъ мало солдатъ встрѣчается на улицахъ. Это объясняется тѣмъ, что войска въ городѣ, ради дешевизны, квартируютъ въ предмѣстьяхъ и окраинахъ. На центральныхъ улицахъ войска массами можно видѣть только во время смотровъ и парадовъ.

Въ улицахъ Берлина васъ поражаетъ отсутствіе живой человѣческой дѣятельности; тутъ не встрѣтишь ничего подобнаго ни лондонскимъ проповѣдникамъ, ни южнымъ уличнымъ ораторамъ и мастерамъ, жизнь которыхъ проходитъ на улицахъ; никогда не придется вамъ здѣсь натолкнуться и на оригинальную народную сценку. Въ чинномъ спокойствіи проходятъ передъ вами толпы людей и проѣзжаютъ экипажи, отнюдь не отличающіеся блескомъ. Въ такомъ большомъ городѣ, какъ Берлинъ, существуютъ, конечно, и щегольскіе частные и наемные экипажи, но они совсѣмъ теряются среди огромнаго числа омнибусовъ и «дрожекъ», какъ здѣсь называютъ извозничьи наемныя кареты. А вотъ и чисто нѣмецкая колымага, которую,

какъ въ Берлинѣ, такъ и въ другихъ городахъ Германіи, встрѣчаешь особенно часто, — это телѣга пивовара съ сотнею пивныхъ бочекъ. Не мало можно встрѣтить телѣжекъ съ пескомъ, запряженныхъ одною лошадыю. Несмотря на то, что въ Берлинѣ такъ много песку, хозяйки ежедневно запасаются имъ для мытья половъ и посуды. Такъ же часто можно встрѣтить и маленькую телѣжку, запряженную одною или двумя собаками и нагруженную кувшинами съ молокомъ, зеленью, фруктами или бѣльемъ. На собакахъ въ Берлинѣ перевозятъ только тяжести: развѣ иной мальчикъ, распродавъ въ городѣ свой товаръ, самъ сядетъ въ телѣжку, запряженную собаками, и быстро пронесется по дорогѣ за городомъ. Собакъ здѣсь употребляютъ вмѣсто лошадей, потому что ихъ содержаніе несравненно дешевле. Не смотря на то, что онѣ оказываютъ берлинскому населенію множество услугъ, ихъ обыкновенно кормятъ весьма плохо, и большинство ихъ имѣетъ по истинѣ жалкій видъ. Запряжены собаки безъ хомута, съ широкимъ ремнемъ на груди, прикрѣпленнымъ другимъ ремнемъ вокругъ тѣла; ихъ запрягаютъ безъ всякихъ дугъ, въ одиночку или по парѣ въ дышло. Чрезвычайно интересно смотрѣть, какъ эти умныя животныя дружно тянутъ свою тяжесть; хозяинъ идетъ по тротуару и только посвистываетъ или поманиваетъ ихъ за собой, а собаки сами бѣгутъ за нимъ по улицѣ.

Хотя постройки въ Берлинѣ въ большинствѣ случаевъ отличаются болѣе или менѣе казарменнымъ характеромъ, но между ними не мало роскошныхъ зданій. Ихъ характерная особенность — выдающіяся впередъ окна съ выступами, которые, начиная съ перваго этажа, доходятъ до самаго верха. Чрезвычайно много домовъ съ балконами и колоннами; нерѣдко стѣны домовъ сверху до низу, даже окна и двери, украшены цвѣтами и листьями лѣпной работы.

Улица Липъ—главная и самая людная улица Берлина. Однако названіе ея не совсѣмъ подходящее: она не исключительно обсажена липами, да и не представляетъ особеннаго богатства какихъ бы то ни было деревьевъ. Эта знаменитая улица раздѣляется четырьмя рядами деревьевъ, изъ которыхъ только нѣкоторыя принадлежатъ къ семейству липъ. Каждый, пріѣхавшій въ Берлинъ, тотчасъ отправляется посмотрѣть эту улицу и бываетъ обыкновенно пораженъ, когда вмѣсто могучихъ вѣтвистыхъ деревьевъ, которыя онъ предполагалъ найти здѣсь, онъ видитъ ряды деревьевъ, не отличающихся ни особеннымъ ростомъ, ни объемомъ, ни богатствомъ листвы. Есть тутъ и липы, но въ перемежку съ каштанами и кленами.

Улица Липъ не уступаетъ шириной хорошей площади; съ правой и съ лѣвой ея стороны тянутся деревья; здѣсь и тамъ разставлены самыя простыя скамейки для сидѣнья и стоитъ нѣсколько деревянныхъ домиковъ, въ которыхъ продаютъ фрукты, трости и напитки; на небольшихъ колоннахъ наклеены объявленія и афиши о развлеченияхъ каждаго дня и ночи. Съ обѣихъ сторонъ этой улицы устроены дороги для каретъ и всадниковъ. Улица Липъ застроена великолѣпными зданіями, обрамленными широкими, прекрасными тротуарами. Здѣсь находятся богатѣйшіе гостиницы, магазины, дома-дворцы иностранныхъ пословъ, статуи и монументы мужей, содѣйствовавшихъ величію Германіи. Въ глубинѣ улицы Липъ—Бранденбургскія ворота, украшенныя колоссальною колесницею, запряженною четырьмя, ставшими на дыбы, конями. Всѣ торжественныя вѣзды въ Берлинъ совершаются черезъ эти ворота; такимъ образомъ онѣ представляютъ парадный вѣздъ въ столицу.

Берлинъ вообще, и въ особенности улица Липъ, отличаются необыкновеннымъ богатствомъ всевозможныхъ ста-

туй, хотя, правда, далеко не всегда прекрасныхъ. Бюсты императоровъ (покойныхъ и нынѣшняго) украшаютъ танцевальныя залы, рестораны и портерныя. Надъ берлинскими зданіями взвышается цѣлый лѣсъ флаговъ, и прусскій ¹⁾ орелъ съ распростертыми крыльями витаетъ повсюду; онъ сидитъ на вершинѣ колоннъ, простираетъ свои крылья надъ дворцами и общественными зданіями, надъ дверьми почтовыхъ и полицейскихъ учрежденій, надъ остроконечными касками солдатъ и полицейскихъ.

Въ улицѣ Липъ, по дорогѣ, назначенной для ѣзды, проѣзжаетъ множество экипажей, начиная отъ первобытныхъ деревенскихъ телѣгъ и маленькихъ телѣжекъ, влекомыхъ собаками, и кончая каретами и дрожками. Женщины съ пирогами и плодами, продавцы газетъ съ своимъ товаромъ, няньки съ дѣтьми разгуливаютъ взадъ и впередъ. Каждый день вечеромъ, въ хорошую погоду, улица Липъ биткомъ набита народомъ, сидящимъ на скамейкахъ, и гуляющими. Но даже и при огромномъ стеченіи публики вы не будете здѣсь свидѣтелемъ оригинальной сценки изъ жизни рабочаго люда, васъ никто не затянетъ здѣсь въ оживленный споръ. Этотъ центръ жизни нѣмецкой столицы поражаетъ томительнымъ однообразіемъ. Старушки въ очкахъ, сидя на скамейкахъ, вяжутъ чулки, потягивая нитки изъ клубковъ, опущенныхъ въ корзиночки, которыя висятъ на рукѣ у каждой изъ нихъ. У ихъ ногъ дѣти играютъ или спятъ въ колясочкахъ; чтобъ успокоить ихъ, онѣ постоянно покачиваютъ ногой коляску, не переставая вязать, судачить и сплетничать. Молодыя дѣвушки вяжутъ кружева тамбурнымъ крючкомъ или вышиваютъ. Богатыя магазины въ этой улицѣ не привлекаютъ иностранцевъ и публика не толпится передъ

¹⁾ Большая часть Германской Имперіи занята Прусскимъ королевствомъ съ главнымъ городомъ Берлиномъ.

ихъ окнами: нѣмцамъ не извѣстно парижское искусство заманчиво и изящно раскладывать товары.

На солнечной сторонѣ улицы Липъ находится «императорская галерея» или «Пассажъ», напоминающій нашъ петербургскій пассажъ, но несравненно болѣе его величественный. Хотя архитектура постройки не отличается ни особенною легкостью, ни изяществомъ, но берлинцы считаютъ свой пассажъ верхомъ совершенства и съ восторгомъ указываютъ на его высоту, на его дѣйствительно величественные размѣры, на массу позолоты, на богатство украшеній магазиновъ. Но не магазины пассажа, не его ресторанъ привлекаютъ къ себѣ публику, а Паноптикумъ (въ буквальномъ переводѣ это слово означаетъ: все видимое). Паноптикумъ берлинскаго пассажа занимаетъ два этажа и состоитъ преимущественно изъ собранія восковыхъ фигуръ въ человѣческой ростъ. Въ верхнемъ этажѣ, въ залѣ государей, вы найдете нынѣшняго нѣмецкаго государя съ его супругою и наслѣдникомъ, англійскую королеву Викторію, однимъ словомъ—королей и королевъ всей Европы; затѣмъ слѣдуютъ нѣмецкія и иностранныя знаменитости. Въ маленькихъ комнаткахъ и закоулкахъ вы наталкиваетесь на изображенія самыхъ разнообразныхъ сценъ въ лицахъ и притомъ всегда въ натуральную величину. Вотъ сценка изъ жизни итальянскаго народа, затѣмъ сценка изъ жизни африканскихъ негровъ и т. д. Въ нижнемъ этажѣ пассажа фигуры выполнены болѣе грубо и аляповато. Интереснѣе другихъ—уголовная исторія, изображенная въ семи группахъ: 1) сценка изображаетъ моментъ грабежа и убійства, 2) арестъ преступника въ кабачкѣ, 3) убійцѣ показываютъ трупъ убитаго, 4) сценка суда присяжныхъ, 5) убійца въ тюрьмѣ, 6) его ведутъ на казнь и, наконецъ, 7) палачъ топоромъ отрубаетъ голову преступнику.

Но самое замѣчательное не только въ улицѣ Липъ, но во всемъ Берлинѣ—акваріумъ, пользующійся всесвѣтной извѣстностью, которымъ берлинцы имѣютъ полное право гордиться. Кромѣ удивительныхъ животныхъ, собранныхъ изъ глубины океана и которыя продолжаютъ здѣсь вести такую же жизнь, какъ и прежде, въ акваріумѣ существуетъ и гигантскій птичникъ, а также множество пресмыкающихся и млекопитающихъ. Тутъ вы увидите животныхъ то африканскихъ пустынь, то дѣвственныхъ лѣсовъ Австраліи, то встрѣчаете тѣхъ изъ нихъ, которые водятся на вершинахъ высочайшихъ горъ, то такихъ, которые живутъ въ самыхъ безднахъ морей.

Самыя разнообразныя змѣи лежатъ на пескѣ и на зеленомъ мху: нѣкоторыя изъ нихъ обвились вокругъ ствола дерева, другія растянулись по краямъ бассейна. Между ящерицами обращаетъ вниманіе хамелеонъ и другіе пришельцы жаркихъ странъ. Въ особыхъ ящикахъ помѣщаются насѣкомыя, скорпіоны и огромный паукъ, ловящій птицъ, о которомъ рассказываютъ столько страшныхъ сказокъ. Въ концѣ галлерей, представляющей область пустынь, —высокій гротъ, стѣны котораго наглядно показываютъ главныя наслоенія земной коры. Сверху низвергается пѣнящійся водопадъ, кругомъ летаютъ птицы, бросающіяся въ глаза своими перьями яркихъ цвѣтовъ, а позади лѣниво отдыхаетъ огромная черепаха. Въ громадномъ птичникѣ, которому нѣтъ равнаго по полнотѣ, около 1.500 свистящихъ, поющихъ, щебечущихъ и говорящихъ птицъ, окруженныхъ ползучими растеніями и роскошною тропическою растительностью. Эти пернатые плѣнники весело порхаютъ, совершенно примирившись со своимъ плѣномъ. За рѣшеткой этого громаднаго птичника—дѣятельная жизнь и движеніе: здѣсь увидишь необыкновенное разнообразіе цвѣтовъ пернатыхъ, услышишь ихъ непрерывный

шумъ. Каждая птица старается, кажется, перекричать всѣхъ остальныхъ, и такъ какъ почти всѣ онѣ кричатъ и свистятъ въ одно и то-же время, то сотни разныхъ звуковъ до того смѣшиваются въ одинъ общій хоръ, что неприятные взвизги и крики теряютъ свою рѣзкость и дѣлаются не только сносными, но и приятными. Попугаи яркихъ цвѣтовъ, хохлатые какаду потрясаютъ воздухъ оглушительными криками по срединѣ, а снизу слышны рѣзкіе крики морской чайки. Дроздъ поетъ свою чистую, какъ звукъ флейты, пѣсню, сорока щебечетъ, голубь воркуетъ, пѣтухъ выкрикиваетъ куку-реку, а пѣвчія птицы, не обращая никакого вниманія другъ на друга, поютъ хоромъ, каждая свое.

По широкой и высокой галлерей, окружающей птичникъ, тянутся освѣщенные сверху гроты (пещеры), въ которыхъ рѣзвятся разные представители млекопитающихъ и рыбъ. На одномъ концѣ корридоръ, ведущій въ гротъ, — здѣсь производится искусственное разведеніе рыбы въ самомъ огромномъ размѣрѣ. Тамъ, гдѣ темный корридоръ кончается скалами, — настоящій морской акваріумъ (водоемъ). Каждый изъ большихъ бассейновъ представляетъ отдѣльное море, въ которомъ находятся представители видовъ, ему свойственныхъ; морскія растенія, тѣ-же самыя, что и въ дѣйствительности, устилаютъ его дно.

Другое чудо Берлина — Тиргартенъ (въ переводѣ это означаетъ: садъ животныхъ), роскошный паркъ съ чудными рощами, лугами и съ маленькими озерками. Тиргартенъ по истинѣ прелестное мѣсто. Не смотря на совершенную правильность пересѣкающихъ его аллей, въ немъ не мало живописныхъ уголковъ. Разъ вы вступили въ его тѣнистыя аллеи, васъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ стѣны деревьевъ, которыя защищаютъ отъ солнца и вѣтра, отчасти даже отъ дождя. Тиргартенъ находится сейчасъ за

Бранденбургскими воротами. Въ немъ вы найдете и роскошныя цвѣтники, и дико запущенныя мѣстности, которыя нерѣдко напоминаютъ чисто сельскія картины природы. По всѣмъ направленіямъ его пересѣкаютъ прямыя и извилистыя тропинки и широкія аллеи, которыя обыкновенно кончаются или «пивнымъ садомъ», или «танцевальной залой». Уже черезъ нѣсколько минутъ ходьбы отъ Бранденбургскихъ воротъ вы можете найти въ Тиргартенѣ мрачныя лужайки, куда никогда не проникаетъ солнце, гдѣ рѣдко можно даже встрѣтить прохожаго.

Тиргартенъ получилъ свое названіе отъ оленей и другихъ животныхъ, которыя когда-то жили здѣсь въ дикомъ состояніи; тогда онъ простирался до середины теперешняго города и представлялъ мѣсто охоты. Но правительство уже давнымъ давно рѣшило проложить правильныя дороги, аллеи, цвѣтники и бассейны черезъ его чащу и устроить гулянья и мѣста развлеченій. Въ Тиргартенѣ не мало тѣнистыхъ аллей и для ѣзды въ экипажахъ: въ праздничные дни вечеромъ въ нихъ толпится все, что есть въ столицѣ знатнаго, а въ боковыхъ аллеяхъ и на лужайкахъ гуляетъ множество рабочихъ. Ночью освѣщены только немногія изъ его аллей, и, вѣроятно вслѣдствіе темноты, онъ служитъ ночлегомъ для всѣхъ несчастныхъ, не имѣющихъ крова.

Въ праздничные дни множество народа направляется къ зоологическому саду, который, занимая огромное пространство, находится на одной изъ оконечностей Тиргартена. По совершенству своего устройства, берлинскій зоологическій садъ—одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ. Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ онъ представлялъ дикій пустырь, превратившійся теперь въ прелестный ландшафтъ разнообразныхъ холмовъ, озеръ и живописныхъ островковъ, ручейковъ, фонтановъ и тѣнистыхъ

рощъ. Помѣщенія какъ пернатыхъ, такъ и звѣрей устроены такъ, чтобы давать имъ полную возможность движенія. Большая часть животныхъ лѣтомъ помѣщены въ большихъ клѣткахъ, а зимою въ просторныхъ помѣщеніяхъ, которыя нагрѣваются теплымъ воздухомъ. Животныя свободно размножаются въ этомъ саду и успѣшно выкармливаютъ свое потомство.

ГОСТИНИЦЫ, РЕСТОРАНЫ, ПИВНЫЯ И КОНДИТЕРСКІЯ.

Гостиницы.—Нѣмецкій ресторанъ.—Сценки изъ жизни въ загородныхъ ресторанахъ-пансіонахъ.—Бѣда.—Несмѣтное число пивныхъ заведеній и значеніе пива для нѣмца.—Пивной погребъ подъ ратушей.—Пивные сады и ихъ обстановка.—Зданіе лотереи.

Въ Берлинѣ множество богатѣйшихъ гостиницъ, которыя имѣютъ видъ настоящихъ дворцовъ, въ каждомъ изъ нихъ свое телеграфное отдѣленіе, съ телефоннымъ кабинетомъ, изъ котораго можно разговаривать не только съ жителями нѣмецкой столицы, но и съ другими городами, а также и подъемныя машины. Когда посѣтителю лѣнь взбираться на четвертый и пятый этажъ, то онъ въ первомъ этажѣ входитъ въ маленькую комнатку съ диваномъ и нѣсколькими стульями, и всю эту комнатку поднимаютъ въ самый верхній этажъ. Въ такихъ первоклассныхъ гостиницахъ множество номеровъ, вездѣ превосходно освѣщенныхъ электричествомъ; при томъ въ каждой изъ нихъ можно найти огромныя комнаты для чтенія, богато снабженныя журналами и газетами на всевозможныхъ языкахъ; наконецъ вы непременно увидите здѣсь и зимній садъ. Въ этихъ гостиницахъ не только останавливаются богатые иностранцы, — въ ихъ обширныхъ залахъ и зимнемъ саду даютъ концерты, всевоз-

можныя представленія и балы, на которые собирается весь Берлинъ.

Еще несравненно болѣе въ Берлинѣ всевозможныхъ ресторановъ. По воскреснымъ днямъ, какъ богатые, такъ и бѣдные, всѣ отправляются съ своими женами, чадами и домочадцами, часто съ маленькими дѣтьми на рукахъ, обѣдать въ тотъ или другой ресторанъ. Это происходитъ отчасти потому, что трактирная плата очень дешева, а также и вслѣдствіе того, что праздничные дни нѣмцы любятъ проводить въ обществѣ, за городомъ или по крайней мѣрѣ внѣ дома. Цѣна за обѣдъ, смотря по ресторану, разумѣется, различная; но какова бы она ни была, даже и при большомъ семействѣ, на тѣ же деньги дома нельзя такъ хорошо пообѣдать. Это даетъ возможность ресторанамъ имѣть огромное число посѣтителей и вести свое дѣло въ высшей степени добросовѣстно. Въ дешевыхъ ресторанахъ не подаютъ полотняныхъ салфетокъ, — салфетки здѣсь изъ писчей бумаги, чтобъ избѣжать стирки и кражи. Эти бумажныя салфетки испещрены объявленіями и пожеланіями въ такомъ родѣ: «хорошаго аппетита», «на здоровье» и т. п. Во многихъ ресторанахъ обѣдать садится до 3-хъ тысячъ челов. Посѣтители знакомятся между собою очень быстро: это происходитъ главнымъ образомъ оттого, что хозяева ресторановъ средней руки, особенно загородныхъ, предсѣдательствуютъ за столомъ, сидя на стулѣ, предназначаемомъ въ семействахъ для хозяина дома, и знакомятъ своихъ гостей тотчасъ съ вновь прибывшими, употребляя всѣ усилія, чтобы завести общій разговоръ.

Въ загородныхъ или отдаленныхъ мѣстностяхъ Германіи существуютъ рестораны съ пансіонами. Въ такихъ пансіонахъ посѣтитель не имѣетъ права останавливаться на одну ночь, а долженъ провести по крайней мѣрѣ не-

дѣлю, но зато жизнь ему обходится здѣсь гораздо дешевле, чѣмъ въ гостиницахъ. Столоваться здѣсь могутъ не только жильцы, но и всѣ желающіе. Вотъ тутъ-то патріархальныя семейныя отношенія посѣтителей между собой особенно оригинальны. Хозяинъ или хозяйка такого ресторана-пансіона прилагаютъ всѣ усилія, чтобы перезнакомить между собой публику, оказываютъ каждому изъ нихъ множество услугъ. Жизнь въ такомъ пансіонѣ-ресторанѣ носитъ семейный характеръ, особенно тогда, когда онъ принадлежитъ особѣ женскаго пола. Въ такихъ случаяхъ передъ вами какъ будто не посѣтители трактира, а близкіе другъ другу люди. Хозяйка всегда на лицо, во время обѣда на предсѣдательскомъ мѣстѣ. Она замѣчаетъ, кто мало беретъ какого кушанья, заставляетъ прислугу еще поднести, сама подкладываетъ то тому, то другому, дѣтямъ грозитъ пальцемъ, когда мало ѣдятъ, уви-
7983
7984
7985
7986
7987
7988
7989
7990
7991
7992
7993
7994
7995
7996
7997
7998
7999
8000
8001
8002
8003
8004
8005
8006
8007
8008
8009
8010
8011
8012
8013
8014
8015
8016
8017
8018
8019
8020
8021
8022
8023
8024
8025
8026
8027
8028
8029
8030
8031
8032
8033
8034
8035
8036
8037
8038
8039
8040
8041
8042
8043
8044
8045
8046
8047
8048
8049
8050
8051
8052
8053
8054
8055
8056
8057
8058
8059
8060
8061
8062
8063
8064
8065
8066
8067
8068
8069
8070
8071
8072
8073
8074
8075
8076
8077
8078
8079
8080
8081
8082
8083
8084
8085
8086
8087
8088
8089
8090
8091
8092
8093
8094
8095
8096
8097
8098
8099
8100
8101
8102
8103
8104
8105
8106
8107
8108
8109
8110
8111
8112
8113
8114
8115
8116
8117
8118
8119
8120
8121
8122
8123
8124
8125
8126
8127
8128
8129
8130
8131
8132
8133
8134
8135
8136
8137
8138
8139
8140
8141
8142
8143
8144
8145
8146
8147
8148
8149
8150
8151
8152
8153
8154
8155
8156
8157
8158
8159
8160
8161
8162
8163
8164
8165
8166
8167
8168
8169
8170
8171
8172
8173
8174
8175
8176
8177
8178
8179
8180
8181
8182
8183
8184
8185
8186
8187
8188
8189
8190
8191
8192
8193
8194
8195
8196
8197
8198
8199
8200
8201
8202
8203
8204
8205
8206
8207
8208
8209
8210
8211
8212
8213
8214
8215
8216
8217
8218
8219
8220
8221
8222
8223

и услугами. Вновь прибывшіе черезъ минуту уже болтають съ хозяйкой обо всемъ, и сколько бы она ни угощала ихъ ягодами, кофе и молокомъ, она такъ поставитъ дѣло, что вы даже и не посмѣете предложить ей за это плату. Черезъ часъ, когда вамъ отведутъ номеръ, вы должны будете за все платить аккуратно, но за это первоначальное угощеніе отъ васъ желаютъ получить только довѣріе. Кромѣ того тутъ хозяйка узнаетъ о вновь прибывшемъ семействѣ все, что ей нужно. За обѣдомъ одному изъ пріѣзжихъ она совѣтуетъ прогуляться въ такомъ-то мѣстѣ, матерямъ рекомендуетъ нянекъ, гувернантокъ, учительницъ, и всѣ эти услуги она выполняетъ безкорыстно, хотя для этого ей нерѣдко приходится терять не мало времени, словомъ, она употребляетъ всѣ усилія, чтобы прославиться своею любезностью и обѣдами своего пансіона. Къ тому же тѣ, которымъ ей удастся оказать услугу, всегда будутъ служить для ея пансіона самою лучшею рекламою, а это очень выгодно. И дѣйствительно, ея хлопоты увѣнчиваются успѣхомъ: молва о ея пансіонѣ распространяется далеко за предѣлы данной мѣстности, и часто извѣстный актеръ или актриса, а иногда и цѣлая труппа, путешествуя по близости, заявляютъ хозяйкѣ, что завтра они явятся къ ней на вечернее собраніе, — а это публичное признаніе ея порядочности весьма выгодно. Завтра утромъ въ мѣстныхъ газетахъ уже будутъ говорить о томъ, что такіе-то актеры выразили желаніе спѣть, сыграть или семейнымъ образомъ провести вечеръ въ ея ресторанѣ. Въ такихъ случаяхъ если она приготовляла ужинъ на 1.000 чел., завтра она должна приготовить его по крайней мѣрѣ на 3.000.

При ресторанѣ-пансіонѣ обыкновенно двѣ столовыхъ: одна, въ которой обѣдаютъ ежедневно, въ самомъ зданіи, а другая въ саду. Въ этой послѣдней обѣдаютъ по воскре-

сеньямъ, когда стеченіе публики особенно многочисленно; тутъ стоитъ и рояль. Каждый вечеръ сюда собираются всѣ жильцы и вмѣстѣ проводятъ время: старушки вяжутъ чулки и платки, молодежь по очереди поетъ, играетъ на фортепіано, декламируетъ стихи, устраиваетъ игры, танцы. Однимъ словомъ, тутъ каждый день происходятъ музыкально-литературно-танцевальные вечера съ играми. «Всѣ должны быть полезны обществу!» кричитъ хозяйка, которая присутствуетъ и здѣсь. Эта особа положительно вездѣ-сущая: когда въ столовой всѣ веселятся и нѣсколько минутъ не предстоитъ перерыва, она вбѣгаетъ въ кухню, засучиваетъ рукава и начинаетъ рубить говядину. Черезъ минуту она опять уже въ столовой и составляетъ для кадрили пары изъ молодежи или уговариваетъ того или другого изъ общества спѣть или сыграть. «Нѣтъ, нѣтъ, я не могу», отвѣчаетъ барышня на ея просьбу процѣть что-нибудь. «Это невозможно, — у васъ такіе поэтическіе глазки, — если не поете, навѣрно декламируете съ одушевленіемъ». И барышня, побѣжденная этимъ доводомъ, краснѣя и сбиваясь, нерѣдко какъ настоящая школьница во время экзамена, декламируетъ какой-нибудь отрывокъ изъ хрестоматіи, который она долбила еще на школьной скамьѣ. Но все равно, — ей громко аплодируютъ, а за ней выходитъ, привѣтливо улыбаясь и раскланиваясь на всѣ стороны, ея 50-лѣтняя тетушка, садится за фортепіано и, громко ударяя по клавишамъ своими костлявыми пальцами и высоко поднимая руки, дребезжащимъ голосомъ начинаетъ пѣть старинный романсъ «Любимые глаза» или что-нибудь въ этомъ родѣ. «Теперь въ игры!» кричитъ молодежь. Всѣ бросаются разставлять стулья, и черезъ минуту и 60-ти-лѣтніе старики, и 18-ти-лѣтнія дѣвушки, однимъ словомъ и старые и малые, бѣгаютъ и веселятся, какъ дѣти. «Въ носы! въ носы!» кричитъ очень полная 40-

лѣтняя дама. «О, да, это очень забавная игра», говоритъ сосѣдъ, весьма пожилой человѣкъ. И всѣ дамы, изъ которыхъ много почтенныхъ матерей, съ живостью выбѣгаютъ за дверь, а мужчины, оставшись одни, уговариваются между собой, какую даму каждый изъ нихъ желаетъ имѣть подлѣ себя. Затѣмъ каждая дама подходитъ къ тому, на кого она рассчитываетъ болѣе другихъ. Если она ошиблась, онъ вмѣсто отвѣта дѣлаетъ ей «носъ» руками. Хотя эта дѣтская наивность и простодушіе во взрослыхъ со стороны кажутся очень забавными, но нѣмцамъ средняго класса эти маленькія забавы очень нравятся. Они такъ дѣтски простодушно бѣгаютъ, смѣются. По всему видно, что у собравшихся никогда не являлось никакихъ сомнѣній, разочарованій, разъядающихъ вопросовъ, никакой червякъ не подтачиваетъ ихъ существованія, и они, какъ дѣти, счастливы всякими пустяками.

Вдругъ подъ окнами раздается хоровое пѣніе; всѣ смолкаютъ, прислушиваются. «А, знаю,—это семейство знаменитаго ученаго и профессора Р.», говоритъ хозяйка. «Онъ каждый годъ совершаетъ пѣшкомъ путешествіе съ своимъ семействомъ и никогда не проходитъ мимо моего ресторана!» Всѣ поспѣшно выбѣгаютъ въ садъ и окружаютъ профессорское семейство: старушку за 50 л., профессора—за 60, сына—студента, дочь 16 л. и дѣвочку—лѣтъ 9—10. Путешественники сидятъ вокругъ стола, на которомъ красуются уже осушенные ими кружки пива. Старуха мать и ея дочери съ дорожными мѣшками въ рукахъ, у мужчинъ надѣты дорожныя сумки. Старушка и ея дочери въ ту же минуту достаютъ свою работу и вяжутъ что-то крючкомъ. Старый, почтенный профессоръ, облокотясь на свой дорожный посохъ, глядя въ даль, затягиваетъ торжественный гимнъ, не обращая вниманія на публику, которая все прибываетъ; ему подтягиваетъ его

семейство. Этотъ гимнъ прославляетъ Творца и его міро-
здание; въ немъ есть и аріи для отдѣльныхъ голосовъ:
арію птички, благословляющей солнечный лучъ, поетъ
10-ти-лѣтняя дѣвочка. Въ хорѣ, подхватившемъ за нею
пѣсню, зазвучали и трели соловья, и кукованье кукушки,
и нѣжное чириканье малиновки. Ручеекъ, арію котораго
пѣла молодая дѣвушка, прославлялъ все явленія природы.
Въ хорѣ, послѣдовавшемъ за солисткой, слышались и
раскаты грома, и вой вѣтра, и журчанье ручейка. А вотъ
раздается соло почтеннаго профессора: онъ проситъ Творца
не оставить его пашню своею милостью. Его хозяйка-про-
фессорша умоляетъ небо послать миръ и счастье ея семей-
ству и кровь всемъ несчастнымъ. Молодой батракъ-сту-
дентъ обѣщаетъ при всѣхъ невзгодахъ не роптать на
судьбу, если только голубые глазки Лизхенъ будутъ къ
нему иногда благосклонны.

Это пѣніе, проникнутое глубокимъ чувствомъ, произ-
водитъ на окружающихъ сильное впечатлѣніе, и по окон-
чаніи его все стоятъ неподвижно. Но вотъ все стали тѣс-
ниться къ путешественникамъ и наперерывъ приглашать
ихъ въ столовую. Когда они вошли въ залу, студентъ
тотчасъ сѣлъ за рояль и живо заигралъ веселый вальсъ;
его сестры были немедленно приглашены кавалерами, и все
пустились въ плясъ.

Далеко не каждому по вкусу нѣмецкая кухня (тутъ
мы говоримъ только о ѣдѣ въ ресторанахъ), особенно по-
тому, что нѣмцы употребляютъ слишкомъ много сахара,
кладутъ его чуть не во всякое кушанье, приправляютъ
имъ нерѣдко даже рыбу и огурцы; къ тому же нѣмецкая
кухня тяжела и неудобоварима. Вотъ главные изъ нѣмец-
кихъ кушаній: поджареная говядина съ лимонными кор-
ками, гвоздикой, перцемъ, хлѣбными крошками и яйцами, —
она облита соусомъ, который приправленъ масломъ, ли-

моннымъ сокомъ и сахаромъ; вареная красная капуста, напитанная уксусомъ, подслащенная сахаромъ и которую подаютъ съ жареной щукой. Въ большомъ ходу *сыръ изъ печени*: онъ состоитъ изъ свиной печени и сала, срубленныхъ вмѣстѣ и смѣшанныхъ съ гвоздикой, яйцами и хлѣбными крошками. Нерѣдко подаютъ брюкву, начиненную жиромъ и жареной телятиной и отваренную въ мясномъ отварѣ; ее подаютъ съ соусомъ. Обиліе сахару и пряностей не по вкусу иностранцамъ; но и они не нахвалятся нѣкоторыми кушаньями. Болѣе всего получили извѣстность ихъ жареная куропатки, жареная дичь, жареный заяцъ въ сметанѣ, а ихъ окорока и нѣкоторыя другія кушанья пользуются громкою извѣстностью. Не менѣе прекрасны ихъ компоты, которые, какъ и салатъ, подаютъ къ жаркому: компотъ изъ сливъ, ананасовъ, изъ земляники, вишенъ. Эти компоты напоминаютъ наше варенье, только они гораздо жиже его и менѣе сладки. Любовь къ пиву проявляется и въ кушаньяхъ: даже въ порядочныхъ ресторанахъ нерѣдко подаютъ супъ изъ пива; соусъ изъ пива съ угрями и карпомъ, а говядина, вареная въ пивѣ и крѣпко приправленная разными пряностями, — любимое кушанье нѣмцевъ. Въ большомъ употребленіи также гороховая колбаса: ее готовятъ изъ гороховой муки, жира и лука, срубленныхъ вмѣстѣ; все это смѣшивается и прессуется. Изъ этой колбасы варятъ и супъ; для этого ее рубятъ на куски, бросаютъ въ кипятокъ—и супъ готовъ. Эта гороховая колбаса чисто національное кушанье и въ общемъ употребленіи. Родная сестра гороховой колбасы, столь же любимая и распространенная среди нѣмцевъ, — сосиска, которою они такъ любятъ закусывать.

Главное удовольствіе нѣмцевъ—провести ночь за пивомъ. У нихъ каждую минуту является множество самыхъ основательнѣйшихъ причинъ для выпивки: пріѣздъ друга,

жажда, которая томить ихъ, кажется, не переставая днемъ и ночью, горе, радость, какое-нибудь особенное семейное или общественное событіе, однимъ словомъ все заставляетъ ихъ нѣсколько разъ въ день зайти въ трактиръ или въ пивной садъ и каждый разъ опорожнить нѣсколько кружекъ пива. Пиво до такой степени нѣмецкое изобрѣтеніе, что вся Германія, смѣло можно сказать, течетъ этимъ пѣнистымъ напиткомъ янтарнаго, блѣдно-желтаго, бураго или молочно-бураго цвѣта. Въ Германіи пиво пьютъ всѣ классы общества: торговецъ и рабочій приводитъ все свое семейство въ пивной садъ наслаждаться національнымъ напиткомъ; женихъ, съ скромнымъ общественнымъ положеніемъ, отправляется туда же съ невѣстой. Всѣ свои воспоминанія, надежды, радости, политическія и общественныя событія студенты тѣсно связываютъ съ пивомъ, которое они выпиваютъ въ несмѣтномъ количествѣ. Аристократія освѣжается пивомъ въ своихъ салонахъ; высшія государственныя власти находятъ въ пивѣ вдохновеніе и подкрѣпленіе. Очень и очень многіе въ этой странѣ злоупотребляютъ своимъ пристрастіемъ къ пиву, которое у нѣкоторыхъ развиваетъ различныя желудочныя болѣзни, общую одутловатость тѣла, «пивную лихорадку» и, въ крайнемъ случаѣ, даже полный идиотизмъ. «Пивная лихорадка» свойственна исключительно Германіи. Ея характерный признакъ — томительная и непрестанная жажда къ пиву; при этомъ нервы все болѣе разстраиваются, и больной доходитъ до галлюцинацій.

Несмотря на то, что во всей Германіи пиво продаютъ въ ресторанахъ, которыхъ такое множество во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, въ увеселительныхъ заведеніяхъ, въ театрахъ, въ танцевальныхъ залахъ, всюду существуетъ еще множество пивныхъ садовъ и, наконецъ, просто пивныхъ, — такую пивную вы найдете въ подвалѣ

одного изъ четырехъ домовъ. Однимъ словомъ, здѣсь нѣтъ такого частнаго и общественнаго учрежденія, гдѣ пиво не играло бы самую видную роль. Между пивными заведеніями слѣдуетъ замѣтить «залы для бѣлаго пива»: здѣсь предъ каждымъ изъ посѣтителей стоитъ не пивная кружка, а скорѣе громадная стеклянная ваза, которую удобно было бы надѣть на голову; она вмѣщаетъ въ себѣ болѣе пяти нашихъ бутылокъ. Дайте новичку такую вазу, и онъ не съумѣетъ даже взяться за нее. Между тѣмъ нѣмецъ расправляется съ нею чрезвычайно ловко: онъ поставитъ ножку на мизинецъ, остальными пальцами поддерживаетъ бока, подноситъ бокаль и опоражниваетъ вазу «бѣлокурой красавицы», какъ называютъ здѣсь это пиво. Любитель бѣлаго пива каждый вечеръ уже непременно сидитъ въ «залѣ для бѣлаго пива» и утоляетъ жажду своимъ любимымъ напиткомъ, возбуждая аппетитъ колбасой съ чеснокомъ. Какъ бы ни былъ бѣденъ приверженецъ бѣлаго пива, онъ прежде всего откладываетъ деньги не на обѣдъ, а на это удовольствіе.

Въ этихъ залахъ для бѣлаго пива уже съ ранняго утра появляется нѣсколько старухъ, похожихъ на муміи, которыя приходятъ сюда покупать пивныя дрожжи, оставшіяся съ прошлаго вечера и изъ которыхъ онѣ варятъ супъ, — единственная теплая пища, какою онѣ могутъ пользоваться. Около 9 часовъ появляются здѣсь чистильщицы улицъ и подкрѣпляютъ себя пивомъ, прежде чѣмъ принятыя за работу. Затѣмъ входятъ зажиточные горожане почитать газету и запить ее бѣлымъ пивомъ. Послѣ нихъ собираются гуляки. Отъ 3-хъ до 4-хъ — единственный часъ, когда въ пивной никого нѣтъ. Около 4-хъ час. появляются завсегдатаи и приходятъ въ негодованіе, если кто-нибудь занялъ ихъ мѣсто. Они остаются здѣсь нѣсколько часовъ и затѣмъ уходятъ домой. Нѣкоторые за-

всегда и съ 4-хъ часовъ до полуночи совсѣмъ не выходятъ изъ пивной; они играютъ между собой въ карты и, не переставая, пьютъ кружку за кружкой и курятъ сигары. Большихъ поклонниковъ пива можно сейчасъ отличить по одутловатому лицу и по толстому брюху; къ тому же они, кромѣ двухъ, трехъ отрывочныхъ словъ, совсѣмъ не разговариваютъ между собой, и эту породу животныхъ, отпоенныхъ бѣлымъ пивомъ, можетъ расшевелить только плохое качество ихъ напитка.

Нѣмцы по всей справедливости могутъ гордиться своими мыслителями и учеными, стяжавшими всесвѣтную извѣстность, — тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что въ области умственной дѣятельности имъ все дается не особенно легко. Прежде чѣмъ добиться какихъ-нибудь результатовъ, нѣмцу приходится работать дольше и усидчивѣе, чѣмъ французу и англичанину. Медлительность въ умственной дѣятельности, узкіе и односторонніе взгляды, солдатчина и воинственные склонности, которыя въ крови у огромнаго класса людей, самодовольство и самообольщеніе нравственной чистотой своей жизни, въ то время, когда въ ней не мало распущенности и пошлыхъ семейныхъ дразгъ, — всему этому отчасти виною слишкомъ обильное употребленіе пива, и, какъ думаютъ даже сами нѣмцы, именно бѣлаго пива. Его излишнее употребленіе производитъ страшную тяжесть въ мозгу и притупленіе способностей.

Въ пивныхъ какъ высшаго, такъ и низшаго сорта отвратительный воздухъ и нечистота: жара, духота, стулья и столы липкіе, такъ что нельзя сѣсть, не рискуя прилипнуть, но съ точки зрѣнія нѣмца это не недостатокъ: чѣмъ болѣе липко пиво, тѣмъ оно лучше. Самое извѣстное пивное заведеніе въ Берлинѣ — погребъ подъ ратушей. Онъ представляетъ громадную комнату съ

низкими сводами, въ которую слабо проникаетъ дневной свѣтъ. Этотъ погребъ цѣлый день наполненъ толпою болѣе чѣмъ въ 1.000 чел. самыхъ различныхъ сословій. Большая часть этой толпы ѣсть, курить, кричить, и при этомъ всѣ непрерывно пьютъ. Чтобы поощрить любовь къ пиву, — хотя оно здѣсь и вовсе не нуждается ни въ какомъ поощреніи, — по стѣнамъ и на аркахъ множество надписей съ похвалами пьянству.

Въ настоящее время вмѣсто прежнихъ скромныхъ пивныхъ все чаще воздвигаютъ настоящіе «пивные дворцы», постройка которыхъ стоитъ громадныхъ денегъ. Число пивныхъ, какъ роскошныхъ, такъ и болѣе скромнаго вида, все увеличивается; непропорціонально увеличивается и количество выпиваемаго пива.

Болѣе всего потребляютъ пива въ «пивныхъ садахъ», открытыхъ для публики съ первыми весенними днями. Они существуютъ во всѣхъ кварталахъ Берлина, вездѣ, гдѣ какой-нибудь спекуляторъ могъ нанять домикъ съ небольшимъ дворикомъ позади. Когда домъ нанятъ, надъ дверью появляются разноцвѣтная вывѣска: «Пивной садъ Шульца или Миллера». Нѣсколько акацій и цвѣточныхъ куртинокъ по угламъ составляютъ его украшеніе. Въ другихъ нѣтъ и этого, и только нѣсколько кустовъ какой-нибудь зелени въ горшкахъ даютъ знать, что это мѣсто должно изображать пивной садъ. Онъ обнесенъ стѣнами, по которымъ вьется нѣсколько вѣточекъ захирѣвшаго плюща. Но есть сады и покрасивѣе, въ которыхъ можно найти и фонтанъ, нѣсколько бесѣдокъ, обвитыхъ виноградной лозой и украшенныхъ разноцвѣтными лампами. Но непременно вездѣ, по всему саду, наставлены столы и стулья. Сюда обыкновенно собираются подъ вечеръ знакомые цѣлыми семействами и въ болтовнѣ и пивѣ весело проводятъ время; по воскресеньямъ, черезъ всѣ го-

родскія ворота, берлинцы отправляются въ загородные пивные сады, изъ которыхъ въ эти дни раздаются звуки музыки.

Изъ берлинскихъ загородныхъ пивныхъ особенною извѣстностью пользуется садъ пивоварни Дейбеля. Это огромное заведеніе окружено превосходнымъ паркомъ. Здѣсь берлинцы пируютъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда въ столицѣ еще холодно и когда согрѣться, по ихъ словамъ, можно только выпивъ изрядное количество пива или подравшись, — тѣмъ и другимъ они и занимаются здѣсь усердно. Длинною вереницею тянутся берлинцы на террасу пивной, гдѣ пьютъ пиво. Въ началѣ праздника публика въ самомъ веселомъ и миролюбивомъ настроеніи, но потомъ мало-помалу ея овладѣваетъ свирѣпый духъ драчливости. Этотъ апрѣльскій праздникъ никогда не проходитъ безъ синяковъ, окровавленныхъ носовъ, поломанныхъ стульевъ и столовъ. Стоитъ только въ концѣ празднества кому-нибудь задѣть стуломъ или локтемъ сосѣда, тотъ съ гнѣвомъ вскакиваетъ съ своего мѣста, и вдругъ отовсюду поднимаются крики, брань, отчаянная драка. Черезъ минуту съ разныхъ сторонъ кружки уже летятъ въ головы; полицейскіе бросаются въ толпу и щедро раздаютъ удары направо и налево. Тѣмъ не менѣе толпа все болѣе свирѣпѣетъ, образуются цѣлые холмики битаго стекла, брошенныхъ палокъ, поломанной мебели. Даже женщины мало-по-малу теряютъ всякое приличіе. Растрепанныя, онѣ вскакиваютъ съ своихъ мѣстъ, неистово кричатъ и кончаютъ тѣмъ, что многія изъ нихъ падаютъ безъ чувствъ. Эта дикая пирушка продолжается до разсвѣта.

Страсть къ выигрышу и лотереямъ пустила въ нѣмецкомъ народѣ такіе же глубокіе корни, какъ и страсть къ пиву, и первая оказываетъ чуть-ли еще не болѣе губительное вліяніе, чѣмъ пристрастіе къ пиву и злоупо-

требленіе имъ. Въ Берлинѣ уже около ста лѣтъ существуетъ даже особое зданіе для лотерей. Толпа, посѣщающая этотъ домъ, состоитъ преимущественно изъ низшихъ сословій: ремесленники, служащіе работники, мелкіе чиновники, торговки, часто съ корзинами за плечами, поцѣлымъ часамъ ждутъ розыгрыша, чтобы скорѣе удостовѣриться, не падеть ли выигрышъ на ихъ нумеръ. Такимъ образомъ масса рабочаго люда теряетъ даромъ множество драгоцѣнныхъ рабочихъ часовъ и привыкаетъ полагаться не на свой трудъ, а на случай.

Но въ Германіи не только мелкій людъ зараженъ страстью къ легкой наживѣ, но всѣ поголовно, начиная отъ министра и кончая послѣднимъ половымъ въ гостиницѣ, занимаются спекуляціями и всевозможными аферами. Первѣйшіе государственные сановники, князья, крупные чиновники, какъ и мелкій людъ, только и мечтаютъ объ акціяхъ, о всевозможныхъ торговыхъ предпріятіяхъ. Въ свободную минуту любимое занятіе большинства — высчитывать барыши и проценты, которые можно получить отъ того или другого предпріятія. Здѣсь даже дѣти и школьники любятъ ходить на аукціоны, и всѣ поголовно стремятся взять билетъ на ту или другую лотерею, которая расплодилось здѣсь тысячами. Эти лотереи поддерживаетъ само правительство и прибѣгаетъ къ ихъ помощи каждый разъ, когда ему особенно нужны деньги. «Эти лотереи», сказалъ однажды пасторъ покойному императору, «развращаютъ націю». — «Вы ошибаетесь», отвѣчалъ тотъ ему. «Онѣ учреждены съ тѣмъ, чтобы наказать алчность моего народа: главный выигрышъ никогда не выходитъ». Эта страсть къ наживѣ и барышамъ уже давно сдѣлалась характерной чертой нѣмцевъ.

РАЗВЛЕЧЕНІЯ.

Театры-рестораны.—Кафе-концерты.—Народный театр.—Танцевальныя залы.

Въ Берлинѣ большая часть развлеченій одинаково любима всѣми нѣмцами, какъ рабочими, такъ и богатыми; мало того, эти удовольствія у тѣхъ и другихъ носятъ одинъ и тотъ же характеръ: всѣ классы общества въ Германіи обожаютъ пиво и ничего такъ не любятъ, какъ отправиться съ пріятелемъ въ трактиръ распить нѣсколько бутылокъ любимаго напитка. Но, разумѣется, и вкусъ пива и стоимость его различны: чѣмъ болѣе бѣденъ чело-вѣкъ, тѣмъ болѣе плохого качества пиво пьетъ онъ, тѣмъ болѣе дешевые трактиры онъ посѣщаетъ. Танцы тоже любимы всѣми, но въ то время, когда высшіе классы нѣмцевъ танцуютъ въ блестящихъ залахъ, простой рабочій людъ удовлетворяется танцевальными залами. Простой народъ въ Германіи, точно такъ же, какъ и высшіе классы, очень любитъ театръ, и ихъ много въ Берлинѣ, но они, до самаго послѣдняго времени, были недоступны для простонародья и ихъ замѣняли театры-рестораны и кафе-концерты. Этихъ театровъ-ресторановъ и кафе-концертовъ до сихъ поръ еще много во всѣхъ городахъ Германіи. Хотя нѣкоторые изъ нихъ обставлены довольно богато и плата въ нихъ весьма дорога, но между ними существуетъ не мало и такихъ, за входъ въ которые приходится платить отъ 10 до 25 к., слѣдовательно они доступны большинству; но развлеченія, какъ въ болѣе дорогихъ изъ нихъ, такъ и въ дешевыхъ,—одинаково пошловаты.

Въ театрахъ-ресторанахъ можно пить пиво во время всего представленія пьесы и даже противъ самой сцены. Доходъ отъ продажи пива здѣсь втрое болѣе сбора съ про-

дажи билетовъ. Особенно много пива пьютъ въ такихъ театрахъ уже и потому, что въ нихъ чрезвычайно душно даже въ самую холодную погоду. Такой театр-ресторанъ представляетъ большую комнату съ широкими галереями. На противоположномъ концѣ—сцена, но тотъ, кто сидитъ далеко отъ нея, при страшномъ шумѣ, который производитъ публика разговорами и стукомъ пивныхъ кружекъ, нерѣдко не слышитъ ни одного слова актеровъ. Партеръ сплошь уставленъ стульями и столами, между которыми постоянно мелькаютъ мальчики съ пивными кружками. Мужчины курятъ и пьютъ, не переставая; разряженные по праздничному женщины часто не отстаютъ отъ мужей. Нѣкоторые изъ посѣтителей не только не слѣдятъ за представленіемъ, но такъ разговорились, что сидятъ даже спиной къ сценѣ. Сзади партера—корридоръ съ прилавкомъ, на которомъ разложены бутерброды, а на стойкахъ стоятъ бочки пива, откуда его и наливаютъ въ кружки. Нѣсколько служителей спеціально заняты тѣмъ, что вносятъ вновь налитыя бочки и выносятъ опорожненныя, что приходится дѣлать ежеминутно, не переставая, такъ какъ пиво уничтожается здѣсь въ невѣроятномъ количествѣ. На такой сценѣ обыкновенно идетъ или глупая оперетка въ одномъ дѣйствіи, или незамысловатая пьеса.

Но несравненно большею пошлостью и распущенностью отличаются кафе-концерты. При входѣ въ такой кафе-концертъ вы видите на подмосткахъ противоположнаго конца комнаты неприлично одѣтыхъ женщинъ, которыя поютъ разныя пѣсенки, то кривляясь, то закатывая глаза вверхъ, выкидывая самые пошлые жесты и штуки; нѣкоторыя изъ нихъ танцуютъ въ такомъ же пошломъ родѣ, какъ и поютъ. Когда наступаетъ короткій антрактъ, актрисы бросаются къ публикѣ, начинаютъ хохотать, бѣгать, у всѣхъ выпрашиваютъ вина, однимъ словомъ—держатъ

себя самымъ нахальнымъ образомъ. Публика въ этихъ кафе-концертахъ тоже не стѣсняется приличіями: она кричитъ, шумитъ, одобряетъ и порицаетъ вслухъ актеровъ и актрисъ во время самаго пѣнія, каждую минуту прерываетъ ихъ громкими аплодисментами. Когда послѣ антракта занавѣсъ снова поднимается, выходитъ скрипачъ, но публика слушаетъ его совершенно равнодушно: ей болѣе по вкусу выходки актрисъ и комическіе пѣвцы. Ихъ пѣсни состоятъ изъ намековъ на современные событія, но ихъ острословіе мелко, грубо и пошло, — тѣмъ не менѣе они доставляютъ посѣтителямъ необыкновенное удовольствіе, которое не знаетъ удержа, когда на сценѣ появляется любимая актриса. Лишь только она затягиваетъ пѣсню, публика, какъ одинъ человѣкъ, подхватываетъ ее за ней; при этомъ всѣ бѣшено постукиваютъ въ тактъ палками, покрывая такимъ образомъ голосъ актрисы. Тѣмъ не менѣе по окончаніи ей неистово аплодируютъ. Пѣвица затягиваетъ другую пѣсенку, но и на этотъ разъ та же исторія, пока публика не утомится отъ этого крика, шума и гвалта. Но вотъ, наконецъ, молодой человѣкъ начинаетъ пѣть пѣсенку съ акомпаниментомъ скрипки и хора пѣвцовъ. Припѣвъ, который подхватываетъ хоръ, состоитъ въ подражаніи крику разныхъ животныхъ. Веселье публики доходитъ до высшаго предѣла: одни хохочутъ во все горло, другіе кричатъ «браво», звонко щелкаютъ пальцами въ знакъ одобренія, ударяютъ кружками по столамъ, стучатъ изо всей силы ножами и вилками по кружкамъ, неистово выбиваютъ тактъ ногами. Но вдругъ послѣ припѣва хора, который подражалъ кудахтанью куръ, въ противоположномъ концѣ комнаты раздается кудахтанье на всѣ голоса, и затѣмъ посѣтители, какъ одинъ человѣкъ, превращаются въ самыхъ разнообразныхъ животныхъ: въ одномъ углу блеютъ овцы, въ другомъ мычатъ коровы, здѣсь рыкаютъ

львы, тамъ лають собаки, далѣе шипятъ змѣи, мяукають кошки, ржутъ лошади, ревуть ослы... Однимъ словомъ, посѣтители теряють всякое человѣческое достоинство и превращаются въ настоящихъ животныхъ.

Въ Германіи у многихъ образованныхъ людей уже давно созрѣла мысль облагородить развлеченія простонародья, предлагая ему для отдыха не только трактиръ, выпивку и недоброкачественныя развлеченія, въ родѣ только что описанныхъ, но хорошія театральныя представленія и настоящую музыку; вмѣстѣ съ этимъ обратили вниманіе и на то, чтобы эти удовольствія были вполнѣ доступны карману рабочихъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ печати появилось предложеніе, чтобы всѣ казенные театры давали еженедѣльно хотя одно представленіе для народа съ платою за входъ не свыше 50 пфенниговъ ¹⁾. Но изъ этого ничего не вышло. Тогда одинъ писатель (это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ) обратился къ рабочимъ Берлина съ предложеніемъ, чтобы они, не ожидая ни отъ кого помощи, собственными силами, создали народный театръ. Рабочіе прониклись этою мыслью, горячо принялись за дѣло, и успѣхъ превзошелъ всякія ожиданія, не смотря на всевозможныя затрудненія. Частные театры, опасаясь, что народный театръ отобьетъ у нихъ посѣтителей, а также люди, не сочувствующіе просвѣщенію народа, забили тревогу и устраивали всякіе подвохи, чтобы только помѣшать осуществленію этой благой мысли. Но это повело лишь къ тому, что вмѣсто одного народнаго театра ихъ два устроилось въ Берлинѣ. Примѣру Берлина скоро послѣдовали многіе другіе германскіе города, въ которыхъ тоже устроены теперь театральныя представленія для народа.

¹⁾ Пфеннигъ—около полукопѣйки на наши деньги.

Уличные торговцы, кухарки, горничныя и всевозможные работники и работницы являются членами этих народных театровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и исключительными ихъ посѣтителями. Посѣщать народный театръ, не будучи его членомъ, — невозможно, а чтобы сдѣлаться членомъ, необходимо уплатить единовременно отъ 30 до 45 копѣекъ на наши деньги и ежемѣсячно вносить еще по 25 коп. За это каждый членъ имѣетъ право одинъ разъ въ мѣсяцъ побывать въ театрѣ. Если онъ пожелаетъ чаще посѣщать его, онъ долженъ каждый разъ приплачивать еще по 25 копѣекъ.

Каждый посѣтитель самъ вынимаетъ изъ ящика, стоящаго при входѣ въ народный театръ, запечатанный конвертъ, въ которомъ находится билетъ. Какое мѣсто въ немъ обозначено, — будь то въ первомъ ряду партера или въ самыхъ высокихъ ярусахъ галлерей, тѣмъ и приходится пользоваться: пенять не на кого, билетъ такой вышелъ; на слѣдующій разъ, можетъ быть, достанется самое лучшее мѣсто, а теперь бери, что попало. Всѣ здѣсь равны, всѣ должны подчиняться жребію.

Члены выбираютъ изъ себя комитетъ, который завѣдуетъ дѣлами театра: обсуждаетъ, какія пьесы слѣдуетъ ставить, даетъ отчетъ остальнымъ членамъ о своей дѣятельности и о сдѣланныхъ затратахъ. За исключеніемъ кассира, который только одинъ получаетъ жалованье, такъ какъ на немъ лежитъ множество заботъ, члены комитета, а также лица, слѣдяція за порядкомъ въ театрѣ, однимъ словомъ, всѣ остальные служащіе работаютъ даромъ. Эти народные театры уже существуютъ нѣсколько лѣтъ, и какъ число членовъ, такъ и доходы съ нихъ увеличиваются чрезвычайно быстро.

Устройство народныхъ театровъ приноситъ большую пользу простонародью: вмѣсто того, чтобы отправляться

въ праздничные дни по трактирамъ, заводить тамъ ссоры, драки и накачиваться пивомъ до потери сознанія, оно будетъ наслаждаться теперь драматическими произведеніями, что дастъ ему возможность все быстрѣе развиваться умственно и нравственно, а вмѣстѣ съ тѣмъ смягчить его грубость, постепенно вытравить въ немъ любовь къ пошлымъ удовольствіямъ, вреднымъ не только для ума и сердца, но для кошелька и здоровья. Чѣмъ болѣе устроится такихъ народныхъ театровъ, тѣмъ скорѣе будутъ исчезать разные мелкіе театры-рестораны и кафе-концерты, развлечения которыхъ отличаются такою пошлостью.

Танцы — страсть нѣмцевъ всѣхъ классовъ общества; поэтому во всѣхъ германскихъ городахъ, а въ Берлинѣ чуть не во всѣхъ кварталахъ города, устроено безчисленное множество танцевальныхъ залъ. Въ небольшихъ германскихъ городахъ и мѣстечкахъ, а также въ загородныхъ закоулкахъ Берлина, эти танцевальныя залы служатъ мѣстомъ развлечения молодежи, куда она собирается, чтобы усердно поплясать, выпить пива и устроить свои сердечныя дѣла. Танцоровъ всегда чрезвычайно много; большею частью это ремесленники, мелкіе чиновники и торговцы съ своими семействами: молодые люди въ свѣтлыхъ сюртукахъ, въ ярко-цвѣтныхъ галстукахъ, съ розаномъ въ петлицѣ. Несмотря на все безвкусіе, съ которымъ одѣваются нѣмки вообще и служащій берлинскій людъ въ особенности, здѣшнія посѣтительницы стараются подражать французскимъ модамъ; но платье всегда неловко обтягиваетъ мѣшковатую или сутуловатую фигуру; на груди приколоты цвѣты. Лѣтомъ, хотя танцуютъ въ комнатахъ, большинство посѣтительницъ въ шляпахъ, украшенныхъ цвѣтами; цвѣтъ платьевъ обыкновенно канареечный и небесно-голубой. Въ сосѣднихъ комнатахъ женщины, а тѣмъ болѣе мужчины пьютъ пиво. Всѣ танцы —

вальсъ, польку—танцуютъ медленно и плавно. Каждая пара танцуетъ чрезвычайно долго, иногда до тѣхъ поръ, пока музыканты не окончатъ танца. Это происходитъ вотъ почему: когда поданъ сигналъ къ тому или другому танцу, всѣ желающіе принять въ немъ участіе, мужчины съ дамами, становятся въ пары, одна за другой; къ каждой парѣ подходитъ распорядитель и взымаетъ нѣсколько коп. Вотъ потому-то каждый танцоръ и старается какъ можно дольше танцовать съ одной и той же дамой, такъ какъ съ новой дамой онъ долженъ снова платить. Танцуютъ съ такимъ азартомъ, что подъ конецъ совсѣмъ забываютъ о тактѣ и скачутъ, какъ сороки.

Хотя нѣмки и очень любятъ принарядиться, поплясать, но у нихъ нѣтъ ни вкуса, ни изящества: платье всегда сидитъ мѣшковато, даже и въ томъ случаѣ, если оно дорого стоитъ, да и фигура нѣмки не отличается стройностью. Смотрѣть на нѣмцевъ, когда они танцуютъ, просто смѣшно: они какъ-то старательно и аккуратно выдѣлываютъ свои па, но въ общемъ все выходитъ у нихъ неуклюже.

ВОЕННОЕ СОСЛОВІЕ.

Главный штабъ и его значеніе.—Служба, обученіе и жизнь солдатъ и офицеровъ.

Германія ¹⁾—прежде всего государство военное. Въ этой странѣ ничего не жалѣютъ, чтобы сдѣлать войско первымъ въ Европѣ. Военной наукой здѣсь занимаются прежде всего и больше, чѣмъ во всякой другой странѣ, и потому здѣ-

¹⁾ Германія состоитъ изъ 25 государствъ (почти вся сѣверо-германская равнина занята Прусскимъ королевствомъ); каждое изъ этихъ государствъ самостоятельно только во внутреннемъ управленіи и во главѣ всѣхъ стоитъ императоръ, король Пруссіи.

шніе офицеры приобрѣли въ военномъ дѣлѣ такую опытность и имѣютъ такія обширныя знанія, какъ нигдѣ. Специально военныя школы и корпуса устроены такъ, что вполне удовлетворяютъ своей цѣли и лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, готовятъ молодыхъ людей къ военной службѣ. Военная академія—настоящій университетъ для военныхъ, а главный штабъ—образцовое учрежденіе, имѣющее громадное значеніе для страны.

Главный штабъ подраздѣляется на различныя отдѣленія: одни изъ нихъ специально занимаются самымъ подробнымъ изученіемъ иностранныхъ войскъ; тутъ знаютъ число и вооруженіе войска каждой европейской страны, съ точностью могутъ опредѣлить количество солдатъ, которыхъ та или другая страна имѣетъ въ данную минуту подъ ружьемъ. Другія отдѣленія штаба специально занимаются изученіемъ иностранныхъ желѣзныхъ дорогъ и положеніемъ мѣстности. Многія иностранныя газеты уже не разъ указывали на то, что нѣмцы самымъ тщательнымъ образомъ, въ качествѣ то путешественниковъ, то странствующихъ ремесленниковъ, обходятъ всѣ, какъ большія, такъ и малыя деревеньки разныхъ европейскихъ государствъ и собираютъ свѣдѣнія о числѣ домовъ, о количествѣ лошадей и рогатаго скота, объ имуществѣ каждаго крестьянина въ той или другой мѣстности. Это они дѣлаютъ вотъ для чего: если у нихъ будетъ война въ той мѣстности, которую они изучаютъ, они прекрасно будутъ знать всѣ дороги, а также и то, какую они могутъ потребовать контрибуцію (вознагражденіе за военные расходы) деньгами и съѣстными припасами.

На свои военныя учрежденія правительство расходуетъ громадныя деньги, что даетъ возможность Германіи каждую минуту быть готовой къ войнѣ. Ея армія, даже въ мирное время, всегда снаряжена, какъ будто наканунѣ

грознаго нашествія непріятеля, главныя крѣпости всегда увеличиваются и перестраиваются, арсеналы наполнены оружіемъ. Военное могущество Германіи держится прежде всего хорошою организаціею войска и исправнымъ содержаніемъ вооруженія.

Каждый молодой человекъ въ Германіи, достигши 20 лѣтъ, обязанъ служить въ военной службѣ, хотя только седьмая часть ихъ призывается подъ знамена. Отъ исполненія воинской повинности избавлены князья, священнослужители и тѣ, у кого въ семьѣ только одинъ сынъ; но вслѣдствіе физическихъ недостатковъ многіе бракуются. Новобранца отсылаютъ въ мѣстный полкъ, гдѣ его передаютъ на руки дядкѣ. Въ теченіи первыхъ шести недѣль новичка учатъ приемамъ военной гимнастики, умѣнью отдавать честь и первымъ правиламъ воинской дисциплины. Когда солдатъ научился повиноваться, привыкъ къ самой строгой аккуратности, всесовершенной покорности, его считаютъ хорошо дисциплинированнымъ. Онъ не долженъ разсуждать, а только слушать; онъ имѣетъ право употреблять только одно выраженіе: «точно такъ, ваше благородіе». «Ты оселъ», говоритъ ему офицеръ.—«Точно такъ, ваше благородіе». Затѣмъ солдата обучаютъ ружейнымъ приемамъ, не прекращая предъидущихъ занятій, и наконецъ онъ поступаетъ въ свое роту. Во время своей службы солдаты посѣщаютъ казарменныя школы, гдѣ ихъ обучаютъ плаванію, гимнастикѣ, правиламъ службы въ казармахъ, на часахъ, на форпостахъ, стрѣльбѣ въ цѣль, уходу за оружіемъ, обязанностямъ солдатъ относительно офицеровъ, а немногихъ неграмотныхъ также и письму. На обученіе въ казармахъ обращено особенное вниманіе. Для этого здѣсь существуетъ множество учебниковъ, въ которыхъ изложены обязанности службы разнаго рода, и офицеры должны при-сматривать, чтобы солдаты все это прекрасно знали. Во-

обще обученіе происходитъ подъ руководствомъ офицеровъ, которые обязаны наблюдать за нравственнымъ и физическимъ воспитаніемъ солдатъ, устраивать для нихъ вечернія чтенія, на которыхъ читаются книги военного содержанія и сообщаются необходимыя свѣдѣнія изъ естественныхъ наукъ. По окончаніи чтенія, офицеръ предлагаетъ вопросы солдатамъ и объясняетъ тѣмъ изъ нихъ, которые не могли сразу усвоить себѣ прочитаннаго.

Судьба молодыхъ людей благороднаго сословія, избравшихъ себѣ военную карьеру, тоже не легкая. Молодые люди, окончившіе курсъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и успѣшно выдержавшіе экзаменъ, поступаютъ въ полкъ и должны прослужить полъ-года до чина портупей-прапорщика. Затѣмъ, прежде чѣмъ быть произведенными въ офицеры, они должны пребыть годъ въ военномъ училищѣ и сдать новый экзаменъ; да и послѣ исполненія этого условія они могутъ получить офицерскій чинъ только въ такомъ случаѣ, если будутъ единогласно приняты будущими товарищами въ общество офицеровъ. Ни въ какой арміи не развитъ до такой степени сословный духъ, какъ въ прусской, никто не гордится такъ своимъ положеніемъ челоуѣка военного и офицера, какъ здѣсь. На всѣхъ остальныхъ—на ремесленниковъ, купцовъ, рабочихъ, вообще на всѣхъ штатскихъ, если только они не имѣютъ крупнаго чина и знатнаго происхожденія, — офицеры смотрятъ съ презрѣніемъ. Свѣтскій лоскъ и свѣтскія манеры имѣютъ въ ихъ глазахъ огромное значеніе. Вотъ потому-то только молодые люди съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ, съ извѣстными манерами, могутъ быть приняты офицерами въ свои товарищи, въ тотъ или въ другой полкъ. Раньше чѣмъ офицеръ поступитъ въ полкъ, его будущіе товарищи тщательно собираютъ о немъ справки, узнаютъ его характеръ, общественное положеніе, денежныя

средства, его предварительное поведеніе. Если хотя одинъ изъ его будущихъ товарищей имѣетъ что-нибудь сказать противъ его принятія, онъ обязанъ это сдѣлать по долгу чести. На рѣшеніе офицеровъ полка высшее начальство смотритъ какъ на окончательное, и если оно не въ пользу новичка, ему отказываютъ. Тогда ему приходится попытать счастье въ другомъ полку: можетъ быть офицеры его взглянуть на дѣло иначе или не узнаютъ того, что послужило причиной отказа въ первомъ полку. Но если офицеръ и поступаетъ въ полкъ, онъ тѣми же товарищами, которые его привяли, можетъ быть исключенъ изъ него. Каждый офицеръ, который ведетъ себя дурно въ обществѣ (конечно, съ точки зрѣнія военныхъ, а у нихъ на все совершенно особые взгляды), не нарушая прямо своихъ обязанностей (что уже находится подъ вѣдомствомъ военнаго суда), подвергается суду въ собраніи офицеровъ, и если рѣшеніе для него не благоприятно, онъ долженъ выйти изъ полка. Такимъ образомъ офицерская корпорація выработала себѣ совершенно особые взгляды на честь, службу, на міръ и людей и сильно способствуетъ тому, что военный людъ смотритъ на всѣхъ невоенныхъ свысока. Да иначе и быть не можетъ! Офицеръ въ нѣмецкомъ обществѣ пользуется многими преимуществами: ему открытъ доступъ ко двору, онъ носитъ военный мундиръ, который имѣетъ такое великое значеніе въ обществѣ и особенно въ глазахъ женщинъ. Вотъ эти то преимущества дѣлаютъ военныхъ людьми чрезвычайно высокомерными и заносчивыми со всѣми невоенными. Если у кого-нибудь изъ нихъ завязывается споръ со статскимъ, и тотъ, выведенный изъ терпѣнія заносчивымъ тономъ военнаго, дастъ ему почувствовать глупость его поведенія, военный не задумается обнажить саблю и ударить ею противника. Если онъ этого не сдѣлаетъ, онъ

подвергается риску быть съ презрѣніемъ выгнаннымъ со службы и заплеваннымъ всѣми товарищами. Однимъ словомъ, военное сословіе въ Германіи держитъ себя совершенно въ сторонѣ отъ гражданскаго и выказываетъ глубокое презрѣніе ко всему, что стоитъ ниже тайнаго со- вѣтника. Офицеры и весь военный людъ стараются под- держивать знакомство среди людей своего сословія. Же- ниться на дѣвушкѣ изъ непривилегированнаго сословія военные считаютъ для себя позоромъ. Офицера, который не обратитъ вниманія на подобные взгляды и посватается къ дѣвушкѣ не изъ дворянскаго сословія, его товарищи заставятъ выйти изъ полка даже и въ томъ случаѣ, если родители его невесты пользуются всеобщимъ уваженіемъ въ обществѣ и сама она вполне образованная и во всѣхъ отношеніяхъ порядочная дѣвушка.

Не смотря на аристократическій духъ военнаго сосло- вія не всѣ офицеры знатнаго происхожденія, тѣмъ не ме- нѣе они и не изъ простаго званія, кромѣ рѣдкихъ исклю- ченій. Образование, требуемое отъ офицера, настолько серьезно и для сдачи надлежащихъ экзаменовъ требуется такая затрата времени, что простому солдату въ Герма- ніи очень трудно, особенно въ мирное время, возвыситься до офицерскаго чина; только во время войны какой-ни- будь геройскій подвигъ даетъ ему возможность выдвинуться и получить этотъ чинъ. Что же касается до высшихъ военныхъ чиновъ—корпусныхъ командировъ, дивизіонныхъ генераловъ, то всѣ они изъ привилегированнаго сословія. Изъ этого видно, что хотя простой солдатъ и можетъ иногда получить званіе офицера, да и то лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, но онъ уже никакъ не мс- жетъ подняться выше чина маіора.

Что касается знанія и опытности въ военномъ дѣлѣ и въ службѣ, то въ этомъ отношеніи прусскіе офицеры пре-

восходятъ всѣхъ остальныхъ европейскихъ военныхъ. Та- кой же похвалы заслуживаетъ и ихъ скромная жизнь. Хотя они съ презрѣніемъ смотрятъ на всѣхъ смертныхъ невоеннаго званія, но очень небольшія средства, которыми располагаетъ громадное большинство изъ нихъ, заставляютъ ихъ избѣгать кутежей, сопряженныхъ съ большими тра- тами; пословица, что у нихъ родословная длинная, но ко- шельки короткіе, вполнѣ справедлива.

Звуками рожка въ казармахъ будятъ солдатъ на раз- свѣтѣ, а зимою часомъ позже. Какъ только раздается этотъ звукъ, въ комнатѣ, гдѣ только что было совершенно тихо, начинается страшная суматоха. Завтракъ въ казар- махъ состоитъ изъ хлѣба и чашки кофе или каши. Все утро занято ученіемъ, и во все это время бываетъ только одинъ короткій промежутокъ для полдника, состоящаго изъ ломтя хлѣба и рюмки водки. Послѣ полдника солдатъ вы- зываютъ на сборный пунктъ для переклички и смотра. Тутъ будетъ замѣчена малѣйшая неисправность, и горе тому, чья одежда не въ совершенномъ порядкѣ. Если у солдата окажется хотя самое ничтожное пятнышко на пу- говицѣ, онъ будетъ наказанъ тремя днями ареста, во время котораго ему придется спать на голыхъ доскахъ. Звукъ рожка собираетъ солдатъ къ обѣду, который состоитъ изъ похлебки съ мясомъ, изъ чечевицы, гороха или бобовъ. Вечеромъ ломоть хлѣба съ кускомъ ветчины или съ со- сиской и стаканъ пива составляютъ ужинъ.

Въ Берлинѣ военное обученіе на казарменной площади и обученіе грамотѣ продолжаются въ теченіе всей зимы. Послѣ утомительнаго ученія солдатамъ позволяютъ спать около часу. Свободное время они проводятъ въ обязатель- ныхъ гимнастическихъ упражненіяхъ, въ чтеніи и письмѣ, глазѣютъ изъ оконъ на прохожихъ или отправляются въ народные театры и пивные сады.

Дисциплину здѣсь доводятъ до крайнихъ предѣловъ: человекъ, сдѣлавшись солдатомъ, превращается въ машину, въ такой-то номеръ роты, эскадрона и батареи. Онъ пунктуально, точно, ежеминутно долженъ выполнять тысячи мелочныхъ формальностей. Одинъ солдатъ въ Кельнѣ былъ замѣченъ въ самомъ ничтожномъ нарушеніи дисциплины. Прежде чѣмъ понести кару за это преступленіе, ему пришлось съ товарищами, подъ начальствомъ сержанта, переходить въ тотъ день черезъ пловучій мостъ на Рейнѣ. Несчастный, зная, что на другой сторонѣ его ожидаетъ военная тюрьма, бросился въ Рейнъ. Сержантъ сейчасъ же велѣлъ солдатамъ приготовиться, и когда несчастный выплылъ на поверхность, товарищи по командѣ выстрѣлили въ него залпомъ и убили. До чего солдаты прусской арміи дисциплинированы, можно видѣть изъ того, что однажды, во время волненія въ Берлинѣ, одному офицеру удалось удержать наступленіе толпы только тѣмъ, что онъ, подѣхавъ къ ней, крикнулъ: «смирно». Такъ какъ большинство собравшихся, при общей воинской повинности, воспитано въ духѣ военной дисциплины, то въ силу привычки всѣ сразу остановились и вытянулись.

Офицеры и военное начальство вообще крайне жестоко обращаются съ солдатами. Это жестокое обращеніе не только возмущаетъ иностранцевъ, но и многихъ нѣмцевъ. Не мало обличеній такого сорта встрѣчаемъ и въ нѣмецкой печати. Вотъ нѣсколько выписокъ:

26-го іюля. «Солдаты наши находятся въ ужасномъ положеніи: ихъ били нынче цѣлый день. Эскадронный командиръ не имѣетъ ни сердца, ни души... Прискакалъ на поле, гдѣ должно было происходить ученіе, какъ бѣшенный, подскочилъ къ одному солдату и началъ его бить кулакомъ по груди, животу, по плечамъ и ногамъ, гдѣ ни попало, осыпая его непечатною бранью. Одинъ солдатъ

не вынулъ скоро сабли изъ ноженъ; командиръ вырвалъ у него саблю и началъ ею бить солдата плашмя. «Почему ты не вынулъ сабли?» спросилъ онъ его.—Не могу, отвѣчалъ онъ, не имѣю силы, потому что командиръ вчера меня такъ избилъ, что у меня плечи опухли».

29-го іюля. «Сегодня эскадронный командиръ, во время коннаго ученья, страшно билъ и щипалъ солдатъ. При томъ одного изъ нихъ такъ ударилъ кулакомъ подъ бороду, что у него хрустнули кости, и онъ чуть не свалился съ лошади».

«Я признаю,—говоритъ нѣмецкій писатель,—что для солдата нужна дисциплина, и дисциплина суровая, но такая тиранія, которой подвергается прусскій солдатъ съ утра до ночи, не имѣетъ ничего общаго съ дисциплиной».

Съ своей стороны унтеръ-офицеры, испытавши всевозможныя жестокости отъ начальства, вымещаютъ ихъ на рядовыхъ.

Что же касается наказаній, то солдатъ наказываютъ теперь обыкновенно арестомъ. За самое ничтожное нарушение дисциплины, за плохо вычищенную пуговицу, за недостаточно чистое оружіе или сапоги, за малѣйшее пятнышко на ружьѣ, виновнаго приговариваютъ къ 3-хъ-дневному аресту. Для этого существуютъ въ каждомъ городѣ, гдѣ стоятъ солдаты, военныя тюрьмы. Виновный одѣваетъ свою самую плохую одежду (нѣмецъ никогда не забываетъ экономіи), беретъ подъ мышки свой паекъ хлѣба, и его отводятъ въ мрачную тюрьму, гдѣ голая доска замѣняетъ ему постель, кружка воды съ ломтемъ хлѣба служитъ ему единственною пищею. Въ военныхъ тюрьмахъ есть и карцеры, въ которые сажаютъ еще болѣе провинившихся. Стѣны и полы этихъ карцеровъ, кромѣ небольшого мѣста, гдѣ можно стоять, усѣяны остроконечными деревянными

гвоздями, такъ что совсѣмъ нельзя не только лечь на полъ, но даже и прислониться къ стѣнѣ.

Неумолимо суровая, однообразная дисциплина и муштровка въ арміи, нерѣдко доходящая до жестокости, дѣлаетъ жизнь тѣхъ, которыхъ она не могла превратить еще въ совершенную машину, — невыносимой, доводитъ даже до самоубійства. Та же жестокая суровость жизни и службы пугаетъ и служащихъ во флотѣ: весьма многихъ матросовъ не привлекаетъ даже порядочное жалованье. Строжайшая дисциплина, господствующая на военныхъ судахъ, заставляетъ матросовъ массами дезертировать, такъ что наборъ экипажа сдѣлался теперь очень затруднительнымъ.

И такъ всѣ помыслы, всѣ попеченія германскаго правительства направлены къ тому, чтобы добыть больше солдатъ и лучше ихъ дисциплинировать, развивать духъ воинственности и въ мирныхъ гражданахъ.

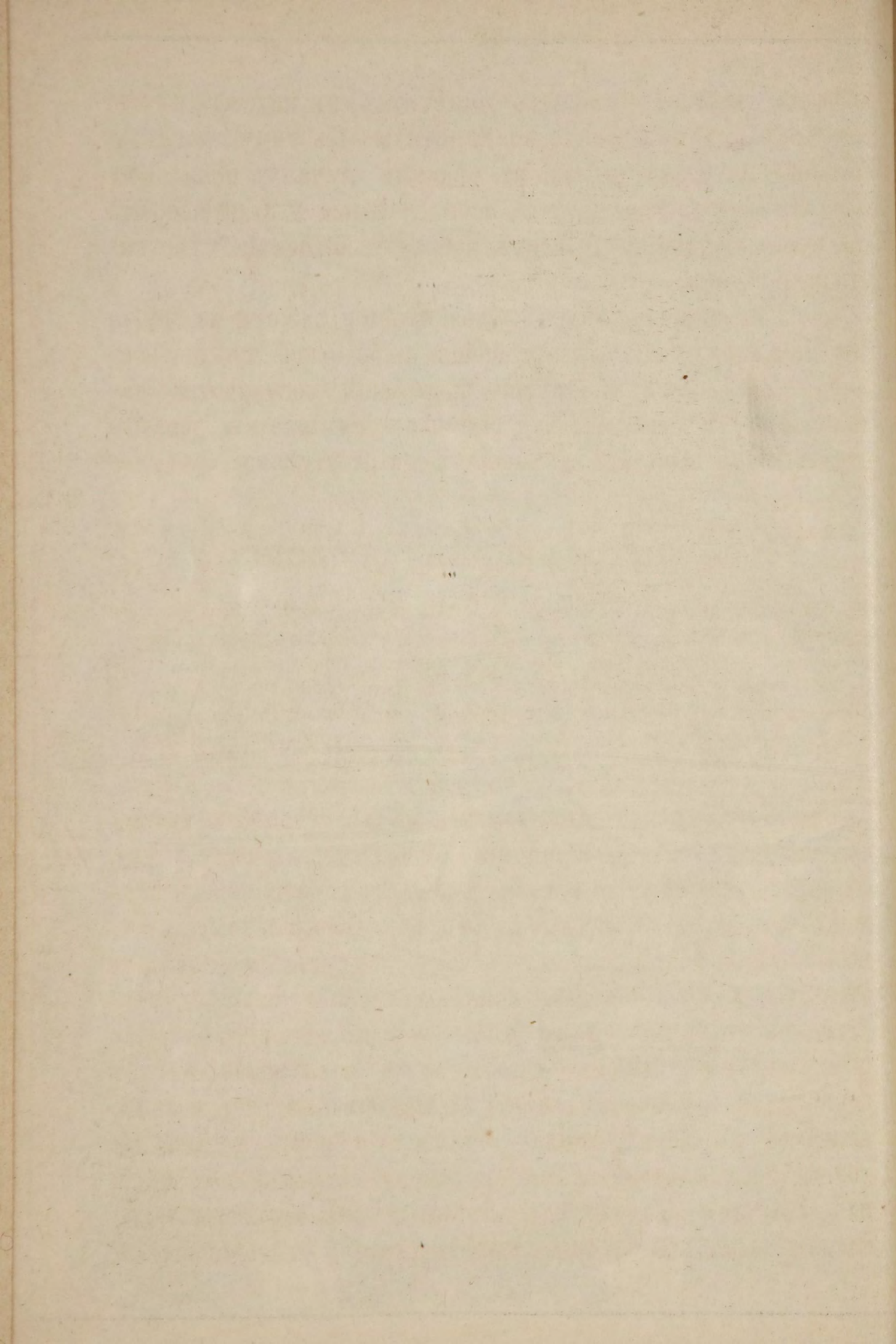
Посмотримъ же, какое вліяніе на положеніе страны имѣетъ эта военщина. Содержаніе громаднаго войска заставляетъ правительство затрачивать чрезвычайно большія средства, а нѣмцы народъ далеко не богатый. Налоги и теперь уже истощаютъ его силы, между тѣмъ они все растутъ. Откуда же ихъ взять на все увеличивающіяся военныя нужды? Такъ какъ подати и налоги, выплачиваемые народомъ, и безъ того для него обременительны, правительство стало нерѣдко облагать пошлиной предметы первой необходимости: и сырые матеріалы, и продукты фабричнаго производства, и даже хлѣбъ. Эта система вызвала дороговизну на главные предметы потребленія. Народъ, спасаясь отъ тяжести налоговъ, рекрутчины и дороговизны, въ огромномъ количествѣ началъ эмигрировать (выселяться) въ Америку. При этомъ, къ великому ущербу для страны, выселяются далеко не одни бѣдняки,

А. РЕГУЛЬСКИЙ

а часто люди съ большимъ достаткомъ, въ надеждѣ лучше сохранить на чужбинѣ свои капиталы. Къ тому же слабо-сильные и старые только въ рѣдкихъ случаяхъ покидаютъ родину: выселяются прежде всего молодые и здоровые, что съ каждымъ днемъ наноситъ войску все болѣе чувствительный ущербъ.

Эта военщина имѣетъ дурное вліяніе даже и на другія страны: вооружаясь до истощенія народныхъ силъ, Германія заставляетъ и другія европейскія государства затрачивать на военное дѣло огромныя суммы въ ущербъ остальнымъ, высшимъ духовнымъ потребностямъ.

ВЫСШЕЕ И СРЕДНЕЕ СОСЛОВІЯ.

Характеръ нѣмцевъ.—Ихъ недостатки и достоинства.—Напыщенный этикетъ.—Страсть къ титуламъ.—Любовь къ музыкѣ и пѣнію.—Рѣзкое различіе между сословіями.—Жизнь, взгляды и понятія аристократовъ и чиновниковъ.—Домашняя жизнь и обстановка.—Домашняя ѣда.—Прислуга и ея отношеніе къ своимъ господамъ.—Нѣмецкая дѣвушка.—Предложеніе брака черезъ посредство газетъ.—Польтерабендъ.—Свадьба.—Семейная жизнь.—Хозяинъ дома и нѣмецкая женщина.

На всѣхъ поприщахъ умственной дѣятельности нѣмцы ознаменовали себя величайшими произведеніями; во всѣхъ областяхъ науки они дали не только замѣчательныхъ тружениковъ, но и великихъ ученыхъ. Образованные люди всего міра пользовались и всегда будутъ пользоваться произведеніями нѣмецкихъ философовъ, историковъ, естествоиспытателей и др.; мало того—многіе нѣмецкіе ученые обогатили міръ новыми открытіями и изслѣдованіями. По общему объему своихъ знаній Германія стоитъ несравненно выше всѣхъ европейскихъ странъ. Наконецъ нѣмцы не только во всѣ времена двигали науку впередъ, но многіе ихъ писатели въ своихъ безсмертныхъ произведеніяхъ выказали величайшее знаніе человѣческаго сердца, глубокое

чутье природы, рѣдкій поэтической инстинктъ и обезсмертили свои имена величайшими произведеніями, какъ, напр., Лессингъ, Шиллеръ, Гёте, Гейне и др.; Бетховенъ, Моцартъ, Мендельсонъ, Веберъ, Шубертъ—пользуются міровою извѣстностью, какъ творцы знаменитыхъ музыкальныхъ произведеній; наконецъ, Германія по праву гордится величайшей славой,—она даровала міру первую печатную книгу. Однако, не смотря на множество величайшихъ геніевъ по всѣмъ отраслямъ знанія, не смотря на свою богатую литературу, не смотря, наконецъ, на обязательную систему обученія, которая заставляетъ учиться грамотѣ каждаго, не смотря на изумительное терпѣніе и замѣчательную добросовѣстность нѣмцевъ, которыя они вносятъ во всѣ свои занятія, въ массѣ этотъ народъ мало воспріимчивый. Нѣмцы лишены той умственной живости, подвижности и впечатлительности, которыя составляютъ отличительную черту французовъ, остроумія и живого воображенія итальянцевъ. Нѣмца, въ большинствѣ случаевъ, заѣдаетъ спеціализація: съ лѣтами онъ весь уходитъ въ изученіе какой-нибудь отдѣльной отрасли знанія и не хочетъ знать, что дѣлается вокругъ. Однако у самыхъ лучшихъ изъ нихъ спеціальность обращается въ истинное призваніе. Есть нѣмцы, и такихъ не мало, которые просто поражаютъ своею необыкновенною начитанностью и громадными знаніями, но у нихъ недостаетъ творчества и вдохновенія.

Ни одинъ народъ не любитъ такъ двигаться массами, какъ нѣмцы. Всѣ классы общества, какъ бѣдные, такъ и богатые, какъ молодые, такъ и старые, мужчины и женщины предпринимаютъ сообща удовольствія и развлеченія. Какъ въ столицѣ, такъ въ небольшихъ городахъ и мѣстечкахъ, нѣтъ ничего легче, какъ устроить по подпискѣ пикникъ, балъ, прогулку, танцы, даже большое путешествіе. Это обыкновенно дѣлается по объявленію въ газетахъ.

«10-го іюля, въ 10 ч. утра, всѣ товарищи, окончившіе университетскій курсъ въ лейпцигскомъ университетѣ въ такомъ-то году и находящіеся теперь въ Берлинѣ, соберутся въ такомъ-то пивномъ саду, чтобы оттуда предпринять прогулку по желѣзной дорогѣ или на парходѣ въ мѣстечко Р. и отобѣдать въ трактирѣ Б».

И всѣ, кто изъ окончившихъ курсъ въ означенномъ университетѣ находится въ минуту появленія этого объявленія въ Берлинѣ, собираются въ назначенный пивной садъ, а оттуда отправляются на прогулку на цѣлый день. Подобныя развлеченія ежедневно предпринимаются сообщами лицъ самаго различнаго положенія и состоянія, и стѣятъ каждому изъ участвующихъ сушіе пустяки. Такое умѣнье соединяться, когда дѣло идетъ объ удовольствіяхъ, конечно, разнообразитъ жизнь и по карману каждому. Эта черта характера полезна и въ общихъ работахъ. Нѣмцы съ большимъ успѣхомъ работаютъ сообща въ полѣ, на фабрикѣ, въ мастерской и исполняютъ всякую работу быстрѣе и тщательнѣе, чѣмъ итальянцы, испанцы и французы. Работа нисколько не страдаетъ, если день приближается къ концу: нѣмецкій работникъ такъ же аккуратно трудится какъ въ началѣ работы, такъ и въ концѣ. Но та-же самая черта характера вредитъ, когда она проявляется тамъ, гдѣ каждый долженъ идти своей дорогой и руководствоваться собственными взглядами. Смѣтка, наблюдательность, однимъ словомъ, всѣ способности, которыя говорятъ о самостоятельномъ умѣ и волѣ, исчезаютъ даже у талантливыхъ и образованныхъ нѣмцевъ, когда наступаетъ періодъ общаго увлеченія. Мало того, такіе періоды у нѣмцевъ, сравнительно съ другими народами, продолжаются очень долго.

Послѣ войны съ Франціею (въ 1870 г.), въ которой нѣмцы оказались побѣдителями, страсть къ спекуляціямъ заразила всѣ классы нѣмецкаго общества и развратила его

до крайнихъ предѣловъ: люди самые трудолюбивые бросились въ нихъ очертя голову, и, какъ всегда при этомъ бываетъ, богатѣли и разживались очень немногіе, а разорялось громадное большинство. Въ то-же время нѣмцы, которые вообще были самага скромнаго мнѣнія о себѣ, сдѣлались нестерпимо высокомерными. И это понятно: громкій военный успѣхъ, какъ замѣчено, всегда въ концѣ концовъ дурно отзывается на нравственности націи. Она, въ чаду славы, начинаетъ заботиться о приобрѣтеніи все бѣльшихъ военныхъ доблестей, упуская изъ виду преуспѣваніе науки и благосостояніе народа. Этотъ военный успѣхъ ни на комъ не отразился такъ дурно, какъ на нѣмцахъ, никому не кружилъ такъ долго головы, какъ имъ. Тяжелыя бѣдствія и лишенія, которыя они испытали вслѣдствіе своего чрезмѣрнаго увлеченія спекуляціями и военною славою, спустя нѣкоторое время, сильно отрезвили нѣмцевъ, но и теперь еще нерѣдко даже выдающіеся нѣмецкіе ученые и писатели не въ мѣру превозносятъ военныя доблести своего народа, разжигаютъ и поощряютъ въ толпѣ воинственные инстинкты, тщеславятся послѣдней побѣдой надъ французами, забывая, что радоваться можно лишь тѣмъ явленіямъ, которыя вносятъ въ жизнь народа какое-нибудь существенное улучшение или бросаютъ по крайней мѣрѣ лучъ свѣта въ темное царство народныхъ массъ, а послѣдняя война дала результаты совсѣмъ другого свойства. Стадность нѣмцевъ кладетъ неизгладимое пятно на всѣ проявленія чувствъ, выражается даже въ мелочахъ. Вы встрѣчаете большое общество молодыхъ людей, сообща совершающихъ прогулку по красивой мѣстности; при этомъ всѣ они выражаютъ свои чувства однообразными восклицаніями: «какая прелесть! о, какъ чудесно!» и т. п. Этотъ недостатокъ самостоятельной, оригинальной мысли и слова, эта

любовь двигаться массами, эта легкость, съ какою нѣмецъ поддается вліянію измѣнившагося настроенія въ общественномъ мнѣніи, тѣсно связаны съ военщиной и строгой дисциплиной, которыя въ нихъ такъ старательно развиваютъ. Въ высшей степени суровая военная дисциплина, въ которой воспитывается громадное большинство нѣмецкой молодежи, какъ клещами охватываетъ умъ и сердце юноши и прежде всего стремится выработать изъ него не человѣка, а часть машины, спицу въ громадномъ колесѣ, которая годна была-бы дѣйствовать только тогда, когда главный механикъ пустить въ ходъ колесо. Эта военная дисциплина возбуждаетъ въ нѣмецкомъ народѣ однородныя симпатіи и антипатіи; отчасти это она выработала въ характерѣ нѣмцевъ систематичность и аккуратность, которыя помогаютъ оканчивать разъ начатое дѣло, но убиваютъ творчество, фантазію и оригинальность.

Въ нѣмцѣ нѣтъ и тѣни французской любезности: онъ исполнить вашу просьбу, если вы съумѣли показаться ему человѣкомъ дѣловитымъ, но останется съ иностранцемъ всегда въ холодно-вѣжливыхъ отношеніяхъ, не выкажетъ ему ни малѣйшей предупредительности. За то его услужливость доходитъ до рыцарства, если онъ знаетъ, что вы въ затруднительномъ положеніи. Съ этою чертою характера нѣмцевъ приходится познакомиться каждому, кого обстоятельства заставляютъ много путешествовать. Дама съ дѣтьми попадаетъ въ вагонъ для курящихъ, — нѣмецъ куритъ, не обращая вниманія на то, что это ей непріятно; но когда онъ узнаетъ, что имѣетъ дѣло съ больными, онъ совсѣмъ перемѣняетъ свое отношеніе: онъ уступаетъ лучшее мѣсто, предлагаетъ дѣтямъ подушки, пледы, стѣсняетъ себя до невѣроятности, и предупредительность его не знаетъ конца. Но если онъ имѣетъ дѣло съ здоровыми, онъ думаетъ только о своемъ удобствѣ, не-

рѣдко забывая даже простую вѣжливость и общепринятую деликатность.

Физиономія нѣмца только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ можетъ привлечь посторонняго человѣка своею веселостью, живостью и откровенностью. Напротивъ, онъ всегда сосредоточенно молчаливъ, важно степененъ, меланхоличенъ, а то и суровъ. Если обстоятельства заставятъ васъ сблизиться съ нѣмцами вообще и съ берлинцами въ особенности, васъ болѣе всего поразитъ въ нихъ недостатокъ гостепріимства. Какъ бы много ни было у иностранца рекомендацій въ тотъ или другой семейный домъ, его хотя и пригласятъ и вызовутся познакомить съ достопримѣчательностями города, но сколько бы разъ онъ ни повторилъ свой визитъ, онъ всегда будетъ принятъ оффиціально, холодно-вѣжливо, и ему только въ исключительныхъ случаяхъ удастся ближе ознакомиться съ жизнью семейства, въ которое онъ попалъ. Этотъ недостатокъ гостепріимства и предупредительности происходитъ главнымъ образомъ отъ бѣдности нѣмцевъ, не только среднихъ, но и высшихъ классовъ: громадное большинство изъ нихъ живетъ въ высшей степени экономно и расчетливо, а всякій, самый скромный пріемъ всегда заставляетъ хозяина дома выходить изъ болѣе чѣмъ скромнаго бюджета. Невольно простишь берлинцамъ отсутствіе въ нихъ гостепріимства, когда узнаешь, что во всей столицѣ только 4.000 семействъ живутъ на ежегодный доходъ, превышающій 2.000 р.

Нѣмцы несомнѣнно самые экономные и бережливые въ мірѣ люди: каждый изъ нихъ подвергаетъ себя самымъ тяжелымъ лишеніямъ, стараясь скопить хотя скромную сумму, и учитъ копить дѣтей своихъ съ самаго перваго проявленія въ нихъ сознанія. Вслѣдствіе этого экономія и бережливость сдѣлались характерной чертой современ-

наго поколѣнія. Непостижимыя лишенія, переносимыя нѣмцемъ съ ранняго дѣтства, замѣчательно трудолюбивая и усидчивая жизнь привили къ его характеру мрачность, холодность и серьезную дѣловитость, чѣмъ отличаются здѣсь не только люди средняго класса, но и знатные. Нѣмцы, при самомъ высокомъ положеніи, съ ранняго дѣтства не только отказываютъ себѣ въ удобствахъ и прихотяхъ, но даже въ самомъ существенномъ, лишь бы скопить ничтожную сумму подъ старость. Вслѣдствіе этого родители воспитываютъ дѣтей своихъ такъ, чтобы они прежде всего умѣли работать, были-бы дѣльными людьми: мальчику уже съ 8 лѣтъ приходится усиленно работать сначала для школы, а затѣмъ съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ до глубокой старости, и все это для того, чтобы обезпечить себя самымъ необходимымъ. Мечты о будущемъ не идутъ далеко: имѣть подъ старость кусокъ хлѣба, нѣсколько кружекъ пива ежедневно, вволю картофеля, который можно было бы разнообразить колбасой, семейную обстановку съ нѣсколькими клеенчатыми стульчиками, все это вполнѣ удовлетворяетъ большинство нѣмцевъ средняго класса. Тяжелая работа съ ранняго дѣтства, вѣчная борьба изъ-за куска хлѣба вырабатываетъ въ этой странѣ людей съ желѣзной волей, замѣчательно усидчивыхъ, аккуратныхъ и добросовѣстно относящихся къ каждой обязанности.

Эта тяжелая борьба кладетъ мрачный отпечатокъ на характеръ фізіономіи нѣмца и на всю его фигуру. Нѣмецкія дѣти весело бѣгають и рѣзвятся (но не особенно шумно) только лѣтомъ въ лѣсу, когда они въ большой компаніи своихъ сверстниковъ. Когда же нѣмецкій ребенокъ идетъ одинъ, онъ удивляетъ васъ своимъ серьезнымъ, дѣловитымъ выраженіемъ лица, отсутствіемъ беззаботности и веселости. Большинство нѣмецкихъ дѣтей, лишь только имъ надѣвають ранецъ на спину, уже вы-

глядываютъ людьми пожившими, углубленными въ себя. Отъ крупнаго чиновника до извощика, отъ тайнаго совѣтника до почтальона нѣмецъ—существо вѣчно обремененное работой, и эта привычка къ тяжелому, усидчивому труду сдѣлалась наслѣдственной, перешла въ его натуру и составляетъ его прирожденную черту характера. Его вѣчную угрюмость не трудно понять, когда узнаешь, что все его время уходитъ на серьезный, тяжелый и упорный трудъ, который громадному большинству даетъ возможность лишь поддерживать свое существованіе малопитательной пищей.

Суровое воспитаніе выработало въ нѣмцѣ замѣчательное терпѣніе, вслѣдствіе чего люди даже съ весьма солиднымъ образованіемъ занимаютъ должности и мѣста, которыя у французовъ и англичанъ отдаютъ людямъ самаго низкаго званія. Двѣнадцать лѣтъ усердныхъ школьныхъ занятій, затѣмъ серьезное университетское образованіе и такой уровень просвѣщенія, который поставилъ бы чело-вѣка во всякой другой странѣ въ среду самыхъ почетныхъ людей, далъ бы ему возможность получить мѣсто съ большимъ окладомъ, въ этой странѣ даютъ лишь право занять мѣсто какого-нибудь сортировщика въ почтамтѣ или мелкаго чиновника въ департаментѣ съ жалованьемъ въ 200 или 300 руб. въ годъ, съ надеждою добиться послѣ сорока-лѣтняго усидчиваго труда содержанія въ 1.000 р. Вотъ почему нѣмцы живутъ уединенно, поражаютъ какими-то старомодными манерами, отсутствіемъ лоска, внѣшняго блеска, любезности и гостепріимства. Только немногіе изъ самыхъ знатныхъ и богатыхъ аристократовъ имѣютъ свои экипажи и дома въ столицѣ.

Въ Германіи очень немного аристократовъ, владѣющихъ большими помѣстьями; напротивъ, обнищавшихъ дворянъ чрезвычайно много: здѣсь есть даже принцы и принцессы,

годовые доходы которыхъ не превышаютъ 3—4 тысячъ рублей. Но почему же въ этой странѣ такъ много аристократовъ, почему бѣдльшая часть ихъ такъ небогата? Въ Германіи всѣ сыновья графа рождаются графами, а дочери графинями, и уже вслѣдствіе этого является огромное количество знати, которая болѣе богата титулами, чѣмъ помѣстьями и капиталами. Эти знатныя особы вступаютъ между собою въ бракъ, и такимъ образомъ число ихъ еще болѣе увеличивается, а доходы уменьшаются съ каждымъ новорожденнымъ потомкомъ, между тѣмъ потребности всѣхъ этихъ лицъ остаются попрежнему широкими. Но главная причина громаднаго количества нѣмецкой знати слѣдующая. Въ Германіи до 1871 года было много совершенно независимыхъ другъ отъ друга отдѣльныхъ государствъ; во главѣ каждаго изъ нихъ былъ свой государь, который назывался королемъ или великимъ герцогомъ, а то и просто герцогомъ или княземъ. Каждый такой государь, а также его дѣти—наслѣдникъ престола, принцы и принцессы—имѣли свой дворъ, свой придворный штатъ. Семейства этихъ многочисленныхъ владѣтельныхъ особъ увеличивались съ каждымъ годомъ, а между тѣмъ владѣнія многихъ изъ нихъ были очень невелики и не давали имъ возможности жить съ царскимъ великолѣпіемъ, какъ они это считали нужнымъ. Свою бѣдность они прикрывали тѣмъ, что увеличивали число придворныхъ аристократовъ, привлекая ихъ къ своему двору. Въ 1871 г. двадцать пять государствъ (а раньше ихъ было еще больше), изъ которыхъ состояла Германія, соединились въ одну имперію и предложили императорскую корону королю сильнѣйшаго изъ нихъ,—Пруссіи. Но не смотря на то, что эти двадцать пять государствъ составляютъ теперь одно государство, которое называется Германскою имперіею, каждое изъ нихъ и въ настоящее время сохраняетъ своего короля,

герцога или князя. Вотъ какимъ образомъ явился въ Германіи огромный классъ аристократовъ, и при томъ среди нихъ не мало самой высшей знати, то-есть принцевъ и принцессъ крови, герцоговъ, герцогинь, графовъ, графинь. Высшія государственныя должности, которыя они только и считаютъ возможнымъ занимать, въ этой странѣ тоже не особенно щедро оплачиваются. Недостатокъ средствъ, часто весьма чувствительный, заставляетъ ихъ утѣшаться знатностью своего происхожденія. Большая часть ихъ держитъ себя надменно и сурово со всѣми, кто не можетъ похвастать своею громкою родословною. Они относятся съ уваженіемъ только къ особамъ королевскаго рода и заставляютъ почувствовать, что они дѣлаютъ одолженіе даже и тогда, когда принимаютъ у себя выдающихся государственныхъ дѣятелей, если тѣ по рожденію не принадлежатъ къ высшей аристократіи. Предразсудки нѣмецкой аристократіи неисчислимы: она твердо убѣждена, что гораздо благороднѣе бѣдствовать и пользоваться помощью богатыхъ родственниковъ, чѣмъ взять на себя какую-нибудь скромную должность, занимаемую обыкновенно людьми средняго класса общества. Почти всѣ они готовы ѣсть одинъ картофель, лишь бы онъ былъ поданъ на блюдѣ съ вензелемъ и притомъ ливрейнымъ лакеемъ. Конечно, молодое поколѣніе этихъ аристократовъ уже отбросило нѣкоторыя предразсудки отцовъ, но старики крѣпко держатся своихъ отжившихъ взглядовъ.

Здѣшніе аристократы приносятъ своей странѣ не мало вреда: они придерживаются самыхъ консервативныхъ (отсталыхъ) взглядовъ, а такъ какъ многіе изъ нихъ занимаютъ въ государствѣ вліятельныя посты, то они имѣютъ возможность противиться преобразованіямъ и нововведеніямъ, встаютъ противъ всякихъ измѣненій, требуемыхъ современнымъ положеніемъ вещей. Къ тому же громадное

большинство ихъ является единственными паразитами въ этой замѣчательно трудолюбивой странѣ. Самая выдающаяся черта характера аристократовъ—тщеславіе: они до смѣшнаго гордятся своею родословною, какъ какою-то высшею добродѣтелью. Какъ бы ни былъ богатъ человѣкъ средняго круга, и какъ бы ни было сильно у него желаніе попасть въ аристократическій кругъ, онъ никакими подкупами не можетъ надѣяться проникнуть въ него, если только онъ не принятъ ко двору. За то бѣдность не составляетъ препятствія для того, чтобы быть допущеннымъ въ этотъ избранный кругъ. Нѣмецкая аристократія съ покровительственнымъ видомъ принимаетъ у себя высшихъ чиновниковъ, но это еще не даетъ права ихъ женамъ и семействамъ посѣщать тотъ же самый аристократическій домъ, въ которомъ бываетъ ихъ глава. Не смотря на то, что аристократы высококомѣрно относятся къ людямъ средняго класса, эти послѣдніе все-таки стремятся проникать къ нимъ: у нѣмцевъ нѣтъ той независимости характера, той благородной гордости и чувства собственнаго достоинства, которымъ такъ отличаются англичане.

Такъ же страстно порываются нѣмцы Германіи къ титуламъ всякаго рода: каждый богатый человѣкъ въ этой странѣ готовъ льстить и унижаться, лишь бы достигнуть желаннаго отличія—получить дворянство, и въ послѣднее время очень многіе осуществили свое желаніе.

Каждый состоятельный человѣкъ усердно добивается также имѣть передъ своимъ именемъ приставку «фонъ», служащую доказательствомъ дворянскаго происхожденія, а гербъ и корона передъ именемъ положительно приводятъ въ трепетъ cadaго, и честолюбіе нѣмцевъ занято всѣмъ этимъ гораздо больше, чѣмъ честолюбіе французовъ, любителей орденовъ. Нѣмцу, не имѣющему приставки фонъ, совѣстно показаться въ порядочное общество. Съ какимъ

презрѣніемъ хозяйка дома, рекомендуя гостямъ, произносить: «г-нъ Шульце» или «г-нъ Миллеръ»; ей самой неприятно открыто заявить, что ея знакомые такіе неважные люди, совѣстно признаться, что ея домъ посѣщаютъ такія ничтожества. Совсѣмъ не то, когда она, представляя, можетъ произнести: «фонъ-Шульце», «фонъ-Миллеръ». Когда берлинскій лакей надѣваетъ новую, обыкновенно далеко не щегольскую ливрею, онъ первымъ дѣломъ спрашиваетъ своихъ господъ: «Какъ прикажете васъ титуловать?» Даже приказчикъ въ самой ничтожной лавкѣ или слуга въ домѣ у какого-нибудь бакалейнаго торговца, которому однажды въ жизни посчастливилось поставить во дворецъ 1 ф. кофе, долженъ постоянно обращаться къ хозяину: «г-нъ поставщикъ двора». Всѣ эти почетные титулы расточаются здѣсь съ большою щедростью, такъ что иностранцу чрезвычайно трудно понять ихъ, усвоить и запомнить. Особенно много попадается совѣтниковъ: вы встрѣчаете здѣсь совѣтниковъ городскихъ, строительныхъ, школьныхъ, санитарныхъ, совѣтниковъ администраціи, театра и т. д. до безконечности. Жена пользуется титуломъ своего мужа въ женскомъ родѣ. Когда вы входите въ домъ, хозяйка васъ сейчасъ начинаетъ представлять и обойдетъ съ вами всѣхъ гостей, строго сообразуясь съ правилами этикета. Она начнетъ съ жены посланника и кончитъ женою поручика, затѣмъ начнутъ вамъ представлять мужей всѣхъ тѣхъ дамъ, которыя были вамъ представлены. Безконечные поклоны, комплименты смѣшатъ до невѣроятности. Если вы хотите быть принятымъ въ обществѣ, вы должны твердо заучить титулы всѣхъ, кто вамъ былъ представленъ, и при каждомъ словѣ безошибочно употреблять ихъ: «къ вашимъ услугамъ, г-жа оберъ-полицей-директорша»; «благодарю покорно, г-жа тайная совѣтница»; «безъ сомнѣнія, г-жа совѣтница архи-

тектуры»; «съ удовольствіемъ, г-жа инспекторша водосточныхъ трубъ»; «точно такъ, г-жа докторша или ассесорша». Въ обществѣ, при болѣе короткихъ отношеніяхъ, къ замужней женщинѣ всегда обращаются: «милостивая или милостивѣйшая государыня». Если у нея есть титулъ, то въ разговорѣ съ нею обыкновенно говорятъ: «госпожа графиня». Совѣтники высшихъ разрядовъ пользуются самыми вычурными почетными титулами; ихъ титулуютъ высокородіями, совѣтниками высшаго королевскаго государственнаго суда и многими другими непереводаемыми титулами. Доктора, адвокаты, профессора, учителя, помѣщики, купцы требуютъ титула «благородія». Совѣтники высшихъ степеней называются также «тайными совѣтниками»; кромѣ нихъ есть еще цѣлая армія секретарей, счетчиковъ, регистраторовъ, и каждый изъ нихъ обыкновенно «тайный». Вы найдете здѣсь «тайнаго секретаря» и «тайнаго регистратора»; многіе изъ этихъ «тайныхъ» служатъ въ министерствахъ, занимая видныя мѣста, другіе—занимаютъ самыя незначительныя административныя должности. Если бы вамъ пришлось писать кому-нибудь изъ этихъ господъ, вы должны постараться не пропустить ни одного изъ этихъ титуловъ, иначе это сочтется такою дерзостью, что вы даже не удостоитесь отвѣта на свое письмо. Если мелкому чиновнику удастся получить какой-нибудь ничтожный иностранный орденъ, онъ непременно требуетъ, чтобы это тотчасъ прописывалось и на адресѣ письма, отправляемаго къ нему, и послѣ этого вы должны будете ему писать: «Многоуважаемому королевскому тайному регистратору, высокоблагородному кавалеру ордена такого-то». Иностранцевъ въ началѣ такъ пугаетъ требовательность нѣмцевъ въ этомъ отношеніи, что они сторонятся общества. И дѣйствительно, чтобы никого не обидѣть, вамъ приходится здѣсь постоянно ду-

мать, кто онъ такой: «тайный» или «дѣйствительный тайный совѣтникъ»; былъ-ли тотъ принцъ, который соизволилъ говорить съ вами «пресвѣтлымъ королевскимъ» или «сіятельнымъ высочествомъ»? Вы сейчасъ только обратились съ титуломъ «ваше превосходительство» къ дамѣ, которая не имѣетъ его, и приобрѣли въ ней непримираго врага. Выше уже было замѣчено, что женщины даютъ титулъ мужа въ женскомъ родѣ; вслѣдствіе этого вы встрѣчаете адреса такого рода: «ея превосходительству, г-жѣ дѣйствительной тайной министершѣ», или «генераль-почтмейстершѣ, г-жѣ такой-то...» Письмо должно начать такимъ образомъ: «высокоблагородная сударыня, милостивая государыня министерша...» Точно такимъ же образомъ говорятъ: «г-жа докторша», «г-жа лейтенантша», «г-жа тамбуръ-майорша». Вообще надписывать адреса на письмахъ здѣсь дѣло очень трудное и за него нельзя взяться шутя. Если хотите быть человѣкомъ вполне приличнымъ, вы должны начать надписывать въ одномъ углу и окончить въ другомъ. Искусство писать письма со всѣми эпитетами и титулами нѣмцу дается легко, такъ какъ этому его обучаютъ съ дѣтства, но для иностранца это весьма затруднительно. Нужно однако замѣтить, что если здѣсь преклоняются передъ титуломъ, то деньги не играютъ никакой роли во взаимныхъ отношеніяхъ между знакомыми. Если каждый нѣмецъ старается обезпечить себя къ старости, то онъ дѣлаетъ это посредствомъ личнаго труда и экономіи, но гордо держитъ себя съ богачомъ, не то что передъ титулованнымъ человѣкомъ, который внушаетъ трепетъ каждому простому смертному. Однако нужно не забывать и того, что нѣмецъ питаетъ благоговѣніе не только къ людямъ съ титулами, но и къ людямъ съ серьезнымъ образованіемъ. Молодому поколѣнію старики внушаютъ самое глубокое уваженіе

къ просвѣщенію и къ талантливымъ представителямъ науки, литературы и искусства, для которыхъ теперь всѣ двери открыты даже у молодыхъ аристократовъ.

Манеры нѣмцевъ довольно дубоваты. Ловкость, умѣнье держать себя, утонченная деликатность и вѣжливость совсѣмъ не въ характерѣ нѣмца. Правда, онъ сознаетъ, что въ этомъ его постоянно упрекаютъ иностранцы, и дѣлаетъ все, чтобы быть вѣжливымъ: когда ему рекомендуютъ кого-нибудь, онъ молча и угрюмо отпускаетъ цѣлую дюжину церемонныхъ поклоновъ, но не скажетъ ни одного привѣтливаго слова, не выкажетъ никакого желанія сойтись дружелюбнѣе и ближе познакомиться съ рекомендуемой личностью. Но и тутъ нельзя отрицать его добросовѣстности: если новый знакомый попроситъ его содѣйствія ознакомиться со школами, городомъ, музеемъ или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ, онъ всегда предложитъ свои услуги и съ добросовѣстностью исполнитъ возложенныя на себя обязанности. Прежде чѣмъ занять даже пустой стулъ въ пивномъ саду или взять со стола газету, онъ, приподнявъ шляпу, обращается къ ближайшему сосѣду съ просьбою разрѣшить ему это сдѣлать; онъ не выходитъ изъ-за трактирнаго стола иначе, какъ поклонившись всему обществу. Но стоитъ дамѣ занять его стулъ во время его минутнаго отсутствія, и онъ безъ церемоніи заявляетъ свои права на это мѣсто, а если думаетъ, что та иностранка, то нѣмымъ жестомъ показываетъ ей другое мѣсто, а самъ уже хватается за спинку стула. Въ вагонѣ, на пороходѣ, въ общественныхъ мѣстахъ, гдѣ дозволяютъ курить, онъ пускаетъ облака дыма въ лицо дамѣ, никогда не спрашивая ея разрѣшенія. Онъ пробѣдетъ локтемъ черезъ толпу на улицѣ или въ театрѣ, не обращая вниманія ни на женщинъ, ни на дѣтей. Если вы смотрите въ окно лавки, нѣмецъ непременно про-

толкнется впередъ, грубо толкнетъ васъ на улицѣ, не извиняясь. Особенно неделикатно его поведеніе въ толпѣ: множество народа, собравшись на террасѣ, смотритъ на процессію, проходящую мимо. Палящее солнце заставляеть дамъ открыть зонтики: нѣмцы хватаютъ палки и начинаютъ колотить по зонтикамъ, заставляя закрыть ихъ. Одна иностранка становится на скамейку, чтобы лучше разсмотрѣть процессію. Ея сосѣдъ нѣмецъ, замѣтивъ это, не долго думая, съ такой силой дергаетъ ее за платье, что та кубаремъ падаетъ на землю. Оказывается, что это знатная англійская путешественница. Она бросается съ жалобой къ консулу; тотъ объясняетъ ей поступокъ нѣмца «отсутствіемъ манеръ» у нѣмцевъ вообще. Разговаривая съ дамой въ гостиной, нѣмецъ вынимаетъ гребенку, которую онъ носитъ въ карманѣ своего сюртука, и начинаетъ расчесывать свои волосы. Вообще онъ не любитъ даромъ терять времени: во время бесѣды съ кѣмъ бы то ни было — съ дамой или съ мужчиной, съ хорошимъ знакомымъ или съ незнакомымъ, онъ чиститъ ногти, зубы, уши и продѣлываетъ все это тѣмъ тщательнѣе, что въ данную минуту онъ совершенно свободенъ.

Другая характерная черта нѣмцевъ — манера говорить въ высшей степени громко и крикливо. Въ кофейнѣ, на пароходѣ, въ вагонѣ, всюду, гдѣ соберутся три, четыре нѣмца, черезъ нѣсколько минутъ вы услышите шумъ, споръ, крикъ: ни одинъ не ожидаетъ, пока другой кончитъ, и каждый старается перекрычать другаго. Трудно объяснить себѣ это отсутствіе чувствительности къ рѣзкимъ звукамъ у народа, который, по справедливости, считается однимъ изъ самыхъ музыкальныхъ въ свѣтѣ. Неумѣнье и неловкость держать себя въ обществѣ особенно проявляются за столомъ: нѣмцы безпрестанно проливаютъ пиво и соусъ на скатерть, роняютъ на полъ вилки и ножи. При какой-

нибудь выдающейся неловкости всё добродушно смѣются, какъ бы говоря: «ну, такой казусъ съ каждымъ случается».

Непріятно поражаетъ въ нѣмцахъ отсутствіе стыдливости, скромности и застѣнчивости въ самыхъ деликатныхъ сердечныхъ чувствахъ. Особенно рѣзко это проявляется въ отношеніяхъ между собою помолвленныхъ. Куда-бы вы ни направлялись въ Германіи изъ одного конца въ другой, будь то по желѣзной дорогѣ или на пароходѣ, вы очень часто встрѣчаете жениха и невѣсту, совершающихъ небольшія прогулки. Невѣста непременно въ свѣтломъ туалетѣ, на груди, у талии, въ волосахъ, на шляпѣ—цѣлый ворохъ цвѣтовъ; у жениха—свѣтлый галстухъ и цвѣтокъ въ петличкѣ. Женихъ и невѣста сидятъ рядышкомъ, впившись другъ въ друга масляными глазами, отъ времени до времени бросаются цѣловать другъ друга, цѣлуются послѣ cadaго глотка пива и куска бутерброда, а то и другое составляетъ непремѣнное условіе пріятнаго путешествія. Они цѣлуются то въ засосъ, то отрывочно звонко, то впившись другъ въ друга, какъ пиявки, остаются неподвижно по цѣлымъ минутамъ. Между звуками поцѣлуевъ они произносятъ только междометія и восклицанія: «О, Петерхенъ! О, Лизхенъ!» Эту парочку обыкновенно сопровождаетъ мать или старая тетка, такъ какъ жениха и невѣсту здѣсь принято сопровождать до брака, но никто изъ нихъ не только не поражается этими сентиментальными пошлостями, напротивъ, родители съ умиленіемъ смотрятъ на молодыхъ, вспоминая свое жениханіе. Если тутъ-же сидитъ и «милый папà», то мамá отъ напыла нѣжныхъ чувствъ, не вставая съ мѣста, беретъ подъ руку своего старика и устремляетъ на него свой уже потухающій взоръ.

То же сентиментально-приторное отношеніе замѣтно и

во всѣхъ разговорахъ объ отечествѣ. «О, мое любимое отечество!» восклицаетъ безпрестанно каждый нѣмецъ, и этой фразой начинается множество нѣмецкихъ произведеній, какъ прозаическихъ, такъ и стихотворныхъ. Слово «фатерландъ» (отечество) не сходитъ съ устъ ни у пьянаго, ни у трезваго. Каждый знаетъ, что можно и безъ сентиментальныхъ заявленій страстно любить свою родину, и что публикація какихъ бы то ни было чувствъ часто вполне основательно заставляетъ сомнѣваться въ ихъ подлинности. Но нѣмцы не только на словахъ, но и на дѣлѣ доказали свою привязанность къ родинѣ, хотя иногда и довольно одностороннюю. Тѣмъ не менѣе привычка говорить о своихъ чувствахъ доказываетъ склонность къ излишнимъ словозліяніямъ, отсутствіе скромности въ выраженіи такихъ чувствъ, говорить о которыхъ люди другихъ національностей считаютъ оскорбленіемъ ихъ.

Страсть нѣмцевъ къ печатнымъ объясненіямъ съ публичною, безъ которыхъ можно совсѣмъ обойтись или которыя нужны далеко не въ такихъ размѣрахъ,—доведена въ этой странѣ до смѣшнаго. «Въ углу этого дома собака лаетъ», вдругъ читаете вы дощечку съ надписью на калиткѣ сада. «Уваженіе къ запертой двери» — надпись передъ запертою дверью, въ которую и безъ того никто не войдетъ. Передъ клѣткою звѣрей надписи, въ родѣ слѣдующихъ: «я кусаю», «я кусаю и лягаю»,—если одно животное; если нѣсколько: «мы кусаемъ и лягаемъ». О каждой, самой ничтожной статуѣ вы найдете подробное описаніе въ путеводителѣ. Въ трактирахъ и пивныхъ садахъ, на стѣнахъ, въ стихахъ и прозѣ изреченія о пользѣ пива, вина, длиннѣйшія предостереженія не ломать стульевъ, не мять цвѣтовъ, и все это такъ подробно, и непремѣнно съ желаніемъ сказать остроту, которая обыкновенно выходитъ тяжеловѣсною.

Гулянья, на которыя въ праздничное время въ Германіи всюду собирается много народа средней руки, обыкновенно кончаются жестокими ссорами, криками, бранью, а часто и потасовкой, но эта грубость и драчливость нѣмцевъ никогда не доходятъ у нихъ до жестокости: глава семейства нерѣдко топаеть ногами на жену изъ-за каждаго лишняго гроша, считаетъ долгомъ держать себя въ семействѣ суровымъ властелиномъ, очень строгъ къ дѣтямъ и женѣ, неустанно слѣдитъ за дисциплиной въ домѣ, но даже между низшими слоями торговаго и мелкаго люда глава семейства не проявляетъ жестокости ни въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ, ни въ отношеніи къ женѣ. Правда, когда онъ слишкомъ много выпьетъ пива, особенно въ общественномъ собраніи, онъ пускаетъ въ ходъ свои кулаки и палку, но это почти никогда не случается въ семействѣ, отчасти потому, что онъ больше всего любитъ пить пиво въ обществѣ, отчасти потому, что между своими домочадцами онъ поддерживаетъ такую строгую дисциплину, что развѣ только въ исключительныхъ случаяхъ кто-нибудь осмѣлится ему противорѣчить, но главная причина, конечно, въ томъ, что онъ по своей природѣ совсѣмъ не склоненъ къ жестокости.

По всей Германіи лѣтомъ, не только въ городахъ, но и въ маленькихъ деревенькахъ, изъ каждаго пивнаго сада, изъ каждаго огороженнаго пространства несутся звуки оркестра, нерѣдко въ высшей степени стройнаго и прекраснаго. Нигдѣ въ другихъ городахъ Европы не слышишь такъ часто хорошей музыки, какъ въ Берлинѣ и даже въ самыхъ захолустныхъ провинціальныхъ уголкахъ Германіи. Эта страстная любовь къ музыкѣ развита во всѣхъ классахъ нѣмецкаго общества и переходитъ въ любовь и уваженіе къ знаменитымъ музыкантамъ, которыхъ здѣсь принимаютъ съ большимъ почетомъ всюду,

даже въ аристократическихъ кругахъ. Въ Германіи ничего не стоитъ устроить прекрасный музыкальный концертъ въ самой бѣдной деревушкѣ: школьный учитель, церковный служитель, башмачникъ, маляръ, однимъ словомъ, каждый, кто научился играть на какомъ-нибудь инструментѣ, съходятся вмѣстѣ и что-нибудь разучиваютъ сообща. Узнаетъ объ этомъ остальное населеніе мѣстечка, и сейчасъ же находятя люди, которые помогаютъ выхлопотать бесплатное помѣщеніе, и такимъ образомъ устраивается концертъ, который каждый можетъ посѣщать даромъ. Есть праздники, какъ, напримѣръ, Троица, когда всюду можно слушать музыку съ самаго ранняго утра до поздней ночи. Въ такихъ случаяхъ каждый хозяинъ, какъ городского, такъ и загороднаго ресторана, нанимаетъ оркестръ, и музыка начинается не позже 5 час. утра. Въ это время за столами, разставленными въ саду, размѣщаются посѣтители цѣлыми семьями и пьютъ свой утренній кофе подъ звуки музыки. Музыку въ праздники можно слушать даже и въ самыхъ дешевенькихъ ресторанахъ, въ которыхъ для людей экономныхъ и для рабочихъ семей устроены «кухни для кофе». Въ такіе рестораны посѣтители приходятъ съ своими припасами: съ своимъ сахаромъ, кофеемъ, даже съ своимъ пирожнымъ, и ресторану платятъ сущіе пустяки — только за пользованіе посудой и кухней, въ которой они сами варятъ кофе и разогреваютъ свои пирожки. Когда музыка раздается изъ какого-нибудь сада, нѣмцы входятъ въ него цѣлыми семьями, занимаютъ отдѣльный столикъ со стульями и располагаются по-домашнему; мамаша вынимаетъ изъ корзины бисквиты и сладости и раскладываетъ на кучки по числу членовъ семейства; дочери принимаются за свои работы, мужчины закуриваютъ, и тотчасъ всѣмъ подаютъ пиво. Иностранцы подсмѣиваются надъ привычкой нѣмцевъ ѣсть и работать во время му-

зыки, но они утверждают, что это нисколько не мѣшаетъ имъ слушать очень внимательно. Къ тому-же нѣмцы ѣдятъ и работаютъ обыкновенно лишь во время такихъ концертовъ, которые происходятъ на открытомъ воздухѣ, когда играетъ военная музыка. Огромное число нѣмцевъ чрезвычайно любятъ слушать даже серьезную музыку, но рядомъ съ любовью къ такой музыкѣ у нихъ идетъ рука объ руку и страсть къ военной музыкѣ. Это объясняется опять-таки ихъ пристрастіемъ къ солдатчинѣ и военщинѣ. Все военное пользуется здѣсь такимъ уваженіемъ и любовью, воинственныя склонности стараются разжигать всѣми средствами—могутъ ли онѣ не проявить себя и въ музыкѣ! Извѣстно, что нѣмцы не могутъ существовать безъ пива: никакая бесѣда не мыслима у нихъ безъ этого напитка. Серьезная музыка стѣсняетъ эту привычку, такъ какъ шумъ и стукъ пивныхъ кружекъ заглушаютъ звуки, а грохотъ барабановъ, флейтъ, литавръ и цимбалъ, которыя стучать и трещать при военной музыкѣ, нисколько не мѣшаютъ наслаждаться любимымъ напиткомъ на открытомъ воздухѣ.

Такъ же любимо и распространено въ Германіи и пѣніе. Въ лѣтній вечеръ отовсюду раздается пѣніе, и очень часто начатую пастухомъ въ горахъ пѣсню хоромъ подхватываютъ женщины, работающія въ полѣ. Кромѣ множества общихъ пѣсень, т.-е. такихъ, которыя извѣстны каждому нѣмцу, знатный онъ или простой рабочій, тутъ еще у каждого существуетъ своя особая пѣсня: солдатъ напѣваетъ свою пѣсню, вычищая свое оружіе; кузнецъ тоже свою собственную, которую не подслушаешь ни у мельника, ни у столяра; студенты имѣютъ множество своихъ особыхъ пѣсень; самыя маленькія дѣти, научившись произносить нѣсколько словъ, уже вѣрнымъ голоскомъ напѣваютъ разныя пѣсенки. Пѣнію учатъ въ школахъ, но

пѣніе играетъ огромную роль не только въ школьной жизни, но и въ дѣтской. Съ первыхъ лѣтъ жизни малютки мать напѣваетъ ему, и онъ скоро начинаетъ ей подтягивать: «Не примѣтенъ, не великъ я, сердце-жъ чисто у меня». Кромѣ подобныхъ пѣсенокъ, мать, няня, сестры, кормилица напѣваютъ ребенку различныя народныя пѣсни, въ которыхъ высказываютъ самыя разнообразныя чувства и мысли нѣмецкаго народа. Сады и парки въ Германіи въ хорошую погоду наполнены дѣтьми: одинъ ребенокъ подбѣгаетъ къ другому, хватаетъ его за руку, то же дѣлаютъ другіе, и вотъ цѣлая ватага начинаетъ кружиться и пѣть: «Знать хотите-ль, знать хотите-ль, какъ большіе поступаютъ?» При этомъ одинъ изъ этой ватаги показываетъ, какъ молодой франтъ закручиваетъ усы, другой важно расчесываетъ волосы, третья—дѣлаетъ книксенъ. Черезъ лѣтъ 15 эти дѣвочки будутъ распѣвать за фортепіано баллады и сентиментальныя романсы, а мальчики—студенческія пѣсни.

Въ Германіи каждое сословіе, каждый классъ общества составляетъ свой отдѣльный, замкнутый кругъ. Аристократы держатъ себя очень далеко отъ чиновниковъ, на которыхъ они смотрятъ не только свысока и съ презрѣніемъ, но и со злобой, такъ какъ люди не аристократическаго происхожденія занимаютъ теперь многія административныя должности, прежде почти исключительно принадлежавшія аристократамъ. Это лишило многихъ изъ нихъ жалованья, хотя до такой степени скромнаго, что англійскій аристократъ нерѣдко болѣе платитъ своему повару, но, при жалкомъ матеріальномъ положеніи германской аристократіи, и это скудное вознагражденіе давало все-таки возможность подновлять свои истершіеся древніе гербы. Военные высококомѣрно относятся къ штатскимъ и не водятъ съ ними знакомства. Каждый строго держится только сво-

его тѣснаго круга: мелкій чиновникъ знакомится и родится только въ кругу людей одинаковаго съ нимъ положенія и одной и той же профессіи. Чиновники каждаго отдѣльнаго учрежденія составляютъ что-то совершенно замкнутое. вмѣстѣ съ своими семействами они обмѣниваются опредѣленнымъ числомъ визитовъ, рассылаютъ другъ другу строго опредѣленное число приглашеній.

Германія прежде всего — казарма и канцелярія; каждый нѣмецъ — или военный, или чиновникъ: если онъ ходитъ не въ каскѣ, на немъ красный кантъ, — и наоборотъ. Трудно представить себѣ, какъ великъ здѣсь классъ чиновниковъ но, не смотря на это, онъ не только вполне добросовѣстно и съ знаніемъ своего дѣла выполняетъ свои обязанности во внутренней администраціи, но сильно помогъ организовать и армію, которая такъ отличалась въ борьбѣ съ внѣшнимъ непріателемъ. Само правительство такъ увѣрено въ преданности къ ней чиновничества и такъ рассчитываетъ на его силы, что въ тревожные періоды полагается на него не менѣе, чѣмъ на армію. Эта строго организованная корпорація нѣмецкихъ чиновниковъ, которая находится подъ контролемъ правительства, съ удивительнымъ успѣхомъ можетъ руководить и удерживать страсти народа и отличается необыкновенною дисциплиною. Прусскіе чиновники — люди самые преданные правительству: они никогда не разоблачаютъ его тайнъ; никто изъ нихъ, кромѣ самыхъ рѣдкихъ исключеній, никогда не дерзнетъ выйти изъ повиновенія или даже въ частной бесѣдѣ поднять на смѣхъ своего начальника. Каждый, отъ самаго высшаго чиновника до послѣдняго писца, проникнуть мыслию, что все, что идетъ отъ начальства, будь это самый незначительный приказъ, должно исполняться и храниться всѣми, какъ государственная тайна первостепенной важности.

Нѣмецкіе чиновники — люди вполне образованные и въ

большинствѣ случаевъ съ высшимъ образованіемъ. Не смотря на это, они чрезвычайно серьезно готовятся къ своимъ обязанностямъ: не говоря уже объ обыкновенныхъ экзаменахъ, до и послѣ университета, имъ съ трудомъ приходится подыматься со ступеньки на ступеньку, а для многихъ должностей и отъ экзамена до экзамена. Но, разъ усѣвшись на видномъ мѣстѣ, чиновникъ считаетъ свое положеніе вполне упроченнымъ: онъ не можетъ быть уволенъ отъ службы иначе, какъ по приговору суда, что случается лишь вслѣдствіе какого-нибудь большаго злоупотребленія со стороны чиновника, но это бываетъ здѣсь въ высшей степени рѣдко. Поэтому они смотрятъ на свою дѣятельность очень серьезно: чиновники до мозга костей, они остаются такими даже въ семейной жизни, и мужнина слава озаряетъ своими лучами и супругу: мы уже знаемъ, что жены чиновниковъ всегда украшаютъ себя титуломъ мужей, придавая ему окончаніе женскаго рода.

Трудно представить, какъ высокомеренъ и надутъ безчисленный легионъ мелкихъ нѣмецкихъ чиновниковъ. Они любятъ дать почувствовать свою власть, и насмѣшка никогда не задѣнетъ ихъ за живое, не шевельнетъ ихъ самолюбія: они ко всему относятся съ безстрастнымъ хладнокровіемъ, и все это потому, что самый мелкій чиновникъ считаетъ себя здѣсь частію правительства. Ни одинъ самый тщеславный и самый крупный чиновникъ другаго государства не отождествляетъ себя въ такой степени съ правительствомъ, которому онъ служитъ, какъ нѣмецкій чиновникъ, исполняющій должность како-гонибудь инспектора или даже писца въ той или другой канцеляріи.

Такая замкнутость каждаго сословія въ своемъ тѣсномъ кругу, такая обособленность, такая нетерпимость другъ къ другу мѣшаютъ болѣе быстрому умственному развитію и охраняютъ сословные предрасудки. И это

понятно: казарменный и канцелярскій духъ, дисциплина, съ одинаковою строгостью дѣйствующая, какъ въ войскѣ солдатъ, такъ и въ громадной арміи чиновниковъ,—вовсе не та сфера, въ которой могутъ свободно процвѣтать высшія стороны человѣческой дѣятельности.

Теперь познакомимся съ домашнею жизнью высшаго и средняго сословія. За исключеніемъ весьма немногихъ домовъ самой высшей аристократіи, спекулянтовъ и разжившихся биржевиковъ, обставленныхъ съ большою роскошью, внутреннее убранство громаднаго большинства квартиръ очень скромно, но въ то же время весьма уютно. Въ гостиныхъ людей средняго сословія стулья, столы, диванъ и даже скамейка для ногъ старательно покрыты вышивками и вязаньемъ домашняго рукодѣлія. Да и вообще во всѣхъ комнатахъ вы замѣтите множество ручныхъ работъ, начиная отъ обычнаго вязанья изъ шерсти до безконечнаго числа бездѣлушекъ бисерной работы. Даже занавѣски нерѣдко носятъ слѣды домашняго рукодѣлья. Такія украшенія, какъ бронза, статуэтки, перламутръ, канделябры, очень рѣдко встрѣтите въ домахъ людей средняго класса общества.

Въ здѣшной гостиной вы не найдете ни камина, ни стѣнныхъ часовъ, за то въ стеклянномъ шкапчикѣ помѣщается много мелкихъ бездѣлушекъ изъ фарфора и серебра, какія можетъ собрать семейство, передавая ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. На стѣнахъ висятъ фамільные портреты: фотографіи различныхъ членовъ семьи; въ серединѣ обыкновенно нѣжные супруги, сидящіе рука въ руку, направо—молодые люди, старающіеся принять воинственную позу, налѣво—дочери, разряженные въ пухъ и прахъ и удивительно похожія другъ на друга. Диванъ—самое почетное мѣсто; если въ гостиную входитъ особа, по общественному положенію выше той, которая уже успѣла занять мѣсто, то она немедленно встаетъ, если только вновь

пришедшая съ снисходительной улыбкой не попросить ее остаться. На столѣ нѣтъ ничего, что обнаруживало бы вкусы или привычки хозяевъ: ни книгъ, ни альбомовъ, ни журналовъ, ни даже газетъ, — книги въ кабинетѣ главы дома, а въ гостиной чаще всего найдете чулокъ да тамбурное вязанье. Подлѣ окна есть еще столикъ и маленькая рѣшетчатая бесѣдка, обвитая зеленью. Нѣмцы любятъ цвѣты, но дозволяютъ себѣ эту роскошь, когда она ничего не стоитъ. Вьющуюся зелень, которую вы здѣсь встрѣчаете, хозяйка дома и ея дочери получили отъ сосѣдки отростками, посадили ее, холили, берегли и выростили.

Въ столовой стѣны голы, полъ безъ ковра, мебель самая простая. Ни въ одной изъ комнатъ нѣтъ камина; тепло даютъ огромныя кафельныя печи, полированныя снаружи фарфоромъ.

Въ кабинетѣ хозяина, на столѣ, много книгъ, газетъ и журналовъ. Вся мебель — комодъ, шкафъ, одно, два кресла, — все чрезвычайно скромно и просто. Тутъ болѣе, чѣмъ въ остальныхъ комнатахъ, останавливаютъ вниманіе женскія рукодѣлія бисеромъ, шелками, шерстями. Все, до чего можетъ коснуться рука или нога хозяина, все, на что онъ можетъ взглянуть въ этой комнатѣ, — сюрпризы и подарки женской половины его семейства. На стѣнахъ висятъ хлысты, ружья въ вышитыхъ чахлахъ, халаты затѣйливой работы; вездѣ разставлены спичечницы, сигарочницы и различныхъ формъ ящики, покрытые бисернымъ шитьемъ, — все свидѣтельствуесть о глубокомъ почитаніи главы семейства женщинами дома.

Спальня — самая простая и неуютная комната въ домѣ, не имѣющая ничего общаго со спальнею англичанки: вы не найдете въ ней ни настоящаго умывальника, ни туалета, ни туалетныхъ принадлежностей, — нѣмка смотритъ на нихъ съ оттѣнкомъ нѣкотораго презрѣнія. Въ ея спальнѣ

рядомъ стоятъ только двѣ маленькія кровати, и вы воображаете, какъ должны взрослые люди скорчиться, чтобы помѣститься на нихъ; кромѣ легкаго одѣяла, покрываются еще мѣшкомъ съ перьями.

А вотъ и кухня—этотъ алтарь нѣмецкаго семейства. Дѣйствительно, нѣмецкая кухня производитъ чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе. Это обыкновенно сравнительно довольно большая комната съ кирпичнымъ поломъ, и хотя онъ не покрытъ ни ковромъ, ни циновкой, но всегда тщательно вымытъ. Мѣдныя кастрюли на полкахъ и на гвоздяхъ ярко блестятъ; полныя кадки воды съ кружками показываютъ, что все готово для работы.

Домашняя ѣда и столовая сервировка людей средняго класса, за весьма рѣдкими исключеніями, весьма непривлекательны. Поэтому нѣмцы, со всѣми чадами и домочадцами, хотя въ праздничный день стараются пообѣдать гдѣ-нибудь въ ресторанѣ. Во время домашняго завтрака нѣмцы не собираются, какъ англичане, всѣмъ семействомъ за столомъ, покрытымъ бѣлоснѣжною скатертью. Столъ нѣмца средней руки во время завтрака остается непокрытымъ, на него ставятъ корзину съ печеньями и чашки съ блюдечками; кофейникъ стоитъ на печи, чтобы не остудить его. Кофе, булки съ масломъ и нѣсколько бутербродовъ съ колбасой или ветчиной составляютъ весь завтракъ. Одинъ за другимъ собираются всѣ члены семейства со-всѣмъ по домашнему: хозяинъ въ широкомъ халатѣ, хозяйка въ грязной блузѣ и измятомъ чепцѣ. Кромѣ дѣтей, которымъ мать наливаетъ кофе, каждый членъ семейства самъ наливаетъ себѣ кофе и завтракаетъ, какъ попало: одинъ расхаживая въ это время по комнатѣ, другой сидя за столомъ.

Люди средняго сословія обѣдаютъ между 12 и 2 ч.; высшіе классы обѣдаютъ позже. Обѣдъ подается немного

лучше завтрака; во всемъ, что касается ѣды, замѣтенъ недостатокъ порядка, вкуса, нерѣдко даже опрятности: скатерть смята, сидящіе за столомъ постоянно разливаютъ соусъ и жиръ на скатерть, ножи наложены кучей, тарелки мѣняютъ слишкомъ рѣдко. Обѣдъ въ нѣмецкомъ ресторанѣ, при всѣхъ его недостаткахъ, нельзя сравнить съ домашнею кухнею, которая наполняетъ желудокъ, но никакъ не подкрѣпляетъ его. Первое кушанье состоитъ обыкновенно изъ мучного супа, т.-е. кипятка, приправленнаго мукой и масломъ, безъ всякихъ слѣдовъ мяса, въ которомъ плаваютъ клецки, приготовленные изъ жира, ветчины, яицъ и муки. Пивной или овсяный супъ и супъ, сваренный на сосискахъ, тоже въ большомъ употребленіи. Второе кушанье—сосиски или ветчина съ зеленью, между которой первую роль играетъ кислая капуста. Нерѣдко на второе подаютъ картофель въ жирѣ. Картофель въ громадномъ употребленіи во всей Германіи, и его подаютъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Нерѣдко на второе кушанье подаютъ кусокъ жирной свинины, приправленный чечевицей и бобами; иногда вмѣсто этого появляется кровяная колбаса съ самой разнообразной приправой. Третье — всегда мучное, какой-нибудь пуддингъ, который дѣлаютъ изъ крупы и муки и приправляютъ сладкимъ сокомъ. Такимъ образомъ домашняя пища нѣмцевъ состоитъ главнымъ образомъ изъ соленого, сладкаго, кислаго, жирнаго и мучного, — пища неудобоваримая и тяжелая. Мясо въ домашней кухнѣ употребляютъ очень рѣдко: его замѣняютъ домашнею птицею или дичью, но это считается уже роскошью.

Нѣмцы однако не только обѣдаютъ и завтракаютъ: они ѣдятъ четыре, а то и пять разъ въ день. Такъ часто ѣдятъ не вслѣдствіе особенно большаго аппетита, который у нѣмцевъ вовсе не больше, чѣмъ у другихъ народовъ,

а потому, что они каждый разъ скорѣе обманываютъ аппетитъ, чѣмъ удовлетворяютъ его: ихъ кофе, на половину разбавленный молокомъ, маленькіе кусочки хлѣба съ масломъ или колбасой, не особенно питательны. Всѣ иностранцы, которымъ удавалось получать приглашеніе на обѣдъ (званые обѣды существуютъ только въ наиболѣе зажиточныхъ нѣмецкихъ семействахъ), единогласно совѣтуютъ, прежде чѣмъ отправиться на такой обѣдъ, хорошенько закусить у себя дома. Можно себѣ представить, каковъ же долженъ быть незванный обѣдъ, и у людей менѣе зажиточныхъ.

Нѣмецкія служанки пользуются заслуженной славой: каждая изъ нихъ прекрасно знаетъ свое дѣло и въ то же время выполняетъ множество тяжелыхъ работъ, перечисленіе которыхъ привело бы въ негодованіе англійскую служанку, у которой строго опредѣленное дѣло и существуютъ извѣстные часы, какъ для работы, такъ и для отдыха. Нѣмецкой же служанкѣ приходится работать въ семействахъ людей средняго класса буквально съ ранняго утра до вечера: нѣтъ конца метенію, чисткѣ и мытью, и притомъ очень часто безъ мыла, потому что наиболѣе разсчетливыя хозяйки отпускаютъ для этого только песокъ. Работая безъ устали, съ утра до вечера, цѣлую недѣлю, прислуга выговариваетъ себѣ право быть свободной только послѣ обѣда въ воскресенье, время, которое она проводитъ въ пивномъ саду или въ танцевальной залѣ, гдѣ она усердно отплясываетъ. Между хозяевами и прислугой здѣсь нѣтъ и тѣни англійской холодности и недоступности. Главный присмотръ за кухней лежитъ на хозяйкѣ, а кухарка—только ея помощница. Поэтому хозяйка все время въ кухнѣ и по цѣлымъ часамъ проводитъ время съ кухаркой. Во время чистки картофеля и моркови кухарка передаетъ ей всѣ тайны и дразги со-

сѣдей. Передавая сплетни о другихъ, служанка вмѣшивается и въ дѣла своихъ хозяевъ, и вотъ главная причина множества дразгъ и самыхъ мелочныхъ отношеній между кухаркой и ея хозяевами. Къ этому примѣшивается и расчетливость хозяйки, которая ворчитъ и брюзжитъ на кухарку за всякую истраченную рѣпу. Такъ какъ въ семействѣ обыкновенно бываетъ не болѣе одной прислуги, и та чувствуетъ себя всегда усталой, это тоже, разумѣется, даетъ поводъ къ постояннымъ непріятнымъ столкновеніямъ. Прислуга получаетъ опредѣленный паекъ, такъ какъ вся провизія подъ замкомъ, и неугомимая хозяйка каждый разъ отпускаетъ строго опредѣленную порцію.

Дѣвочки, даже состоятельныхъ классовъ, очень рано предоставляются самимъ себѣ; въ школу и изъ школы онѣ ходятъ однѣ, а потому очень рано привыкаютъ чувствовать себя самостоятельными. Школьникамъ обоого пола совершенно безопасно ходить въ Германіи безъ провожатыхъ: здѣсь никто имъ не скажетъ ни грубости, ни пошлости, — напротивъ, каждый считаетъ себя обязаннымъ помочь имъ при малѣйшемъ затрудненіи. Дѣвочекъ рано приучаютъ къ хозяйству и руководѣлю, а пока онѣ еще очень малы, имъ покупаютъ игрушки, напоминающія хозяйственныя занятія: прачешный приборъ, утюги, маленькую половую щетку, которою онѣ должны мести полъ своей комнаты. Пользуясь полной самостоятельностью во время школьной жизни, дѣвушка, окончивъ ученіе, попадаетъ подъ надзоръ несравненно болѣе строгій: по улицѣ ее уже непременно провожаетъ кто-нибудь изъ домашнихъ. Основательное образованіе, получаемое нѣмецкими дѣвушками въ своихъ прекрасныхъ, сравнительно съ другими странами, школахъ, очень скоро не оставляетъ по себѣ и слѣда. По выходѣ изъ школы дѣвушка не только забра-

сываетъ всякое образованіе, но и чтеніе, и въ ея рукахъ вы видите или поваренную книгу или тамбурную иглу и канву, или журналъ модъ и женскихъ рукодѣлій. Дѣвочкѣ еще несравненно меньше, чѣмъ мальчику, даютъ здѣсь порѣзвиться: ее очень рано начинаютъ учить шить и различнымъ рукодѣліямъ, постепенно приучаютъ къ хозяйству, — все это лишаетъ ее свободнаго времени для необходимой игры и для чтенія. На открытомъ воздухѣ дѣвочка бываетъ только тогда, когда она идетъ въ школу, возвращается изъ нея, или когда она съ родителями въ воскресный день отправляется въ общественный паркъ. Разговоры матери и сестеръ только о хозяйствѣ и вѣчныя занятія хозяйствомъ и рукодѣліемъ не могутъ особенно расширить умственнаго кругозора нѣмецкой дѣвушки. Правда, въ самое послѣднее время въ Германіи появилось нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, которыя начали серьезно заниматься науками и чтеніемъ, но ихъ очень немного. Громадному большинству нѣмокъ и въ голову даже никогда не придетъ попытать какую-нибудь новую для себя дѣятельность. Подъ руководствомъ матери, по окончаніи школы, дѣвушка принимается еще болѣе усердно изучать хозяйство. И дѣйствительно, въ нѣсколько лѣтъ она преуспѣваетъ въ высшей степени въ этой добродѣтели: когда она выходитъ замужъ, она стоитъ вполне на высотѣ своихъ хозяйственныхъ обязанностей и отлично научилась копить, скряжничать, неутомимо работать и подвергать себя всевозможнымъ лишеніямъ въ такой степени, въ какой это возможно только для нѣмки.

Нѣмецкая дѣвушка не имѣетъ обыкновенно ни изящныхъ манеръ, ни остроумія и находчивости, ни пикантности и свѣтской любезности французенки, ни ея изящнаго вкуса, ни даже ея умѣнія красиво и ловко одѣться. Взрослая дѣвушка въ семействѣ, какъ и ея мать, одѣ-

вается только къ 5—6 часамъ вечера, когда всѣ отправляются на гулянье, въ концертъ, въ театръ, а до тѣхъ поръ дѣвушки и молодыя женщины ходятъ нечесанными, совсѣмъ обтрепанными. У нѣмки не существуетъ вообще привычки одѣваться чисто и хорошо лично для себя. Когда она оставила школу, она стала небрежно ходить въ измятой блузѣ цѣлый день, а одѣваться и даже чесаться только для гулянья и гостей. Сдѣлавшись хозяйкой дома, она держитъ себя въ этомъ отношеніи совершенно такъ же. Въ затасканныхъ и грязныхъ платьяхъ мать со взрослыми дочерьми садятся за обѣдъ, въ которомъ принимаютъ участіе молодые люди—братья дѣвушекъ. Если вы наканунѣ вечеромъ встрѣтили молодую дѣвушку въ легкомъ платьѣ и локонахъ на танцевальномъ вечерѣ, иногда очень недурненькую и стройную, вы совсѣмъ не узнаете ея въ домашнемъ кругу, съ растрепанными волосами и въ небрежно накинутой блузѣ. Но домашніе привыкли видѣть ее въ приличномъ видѣ только тогда, когда она собирается уходить изъ дома. Часа за полтора до отхода въ концертъ или на вечеринку дѣвицы принимаются за свой туалетъ, о которомъ онѣ предварительно думали дни и ночи напролетъ, о которомъ совѣтовались съ матерью и опытными родственницами. И хотя нарядившись дѣвушка совсѣмъ преобразается и дѣлается тогда миловидною, но этому болѣе всего помогаютъ молодость и пріятныя черты лица. Недостатокъ природнаго вкуса сказывается чувствительнѣе всего въ молодыхъ дѣвушкахъ. Ни въ одной странѣ не говорятъ столько о тряпкахъ и не заботятся такъ о нихъ, и нигдѣ не смыслятъ въ нихъ менѣе, чѣмъ здѣсь. Съ какимъ рвеніемъ каждая здѣшняя дѣвушка читаетъ журналы французскихъ модъ, но это нисколько не развиваетъ ея вкуса. Между тѣмъ пристрастіе къ туалету, обязанность въ совершенствѣ изучить кулинарное искусство и знать

множество женскихъ рукодѣлій,— все это отнимаетъ время у молодой дѣвушки, или, лучше сказать, она проводитъ его въ мелочахъ и пустякахъ, привыкаетъ придавать важное значеніе мелочамъ и растрчиваетъ на нихъ свое сердце, умъ и сообразительность. Ни литература, ни политика не интересуютъ ея.

Помолвка въ среднихъ и высшихъ классахъ не имѣетъ ничего романическаго, такъ какъ главную роль здѣсь играетъ расчетъ. Семейныя драмы, которыя при этомъ случаются у людей другихъ національностей, когда родители насильно выдаютъ дочь замужъ, здѣсь чрезвычайно рѣдки: молодая дѣвушка такъ воспитана, что сама только и думаетъ о выгодной партіи и въ этомъ отношеніи служить матери вѣрной помощницей и союзницей. Она отлично знаетъ, что должна торопиться устроить свою судьбу, потому что ея красота, часто весьма привлекательная, никогда не продолжительна: ея розовый цвѣтъ лица скоро блекнетъ, она рано теряетъ зубы, и морщины бороздятъ ея лицо скорѣе, чѣмъ у всякой другой женщины.

Въ Германіи, вообще говоря, не существуетъ семейной жизни въ томъ смыслѣ, какъ ее обыкновенно понимаютъ. Каждый членъ семейства несетъ на себѣ множество обязанностей, которыя не оставляютъ времени для душевныхъ семейныхъ отношеній; развлекаться каждый бѣжитъ изъ дому въ пивной садъ, въ ресторанъ, на концертъ, въ театръ, на прогулку въ общественный садъ. Приемы у себя дѣлаютъ чисто оффиціальныя: принимаютъ или отдаютъ визиты, или даютъ вечеринку, которую каждый обязанъ сдѣлать хотя два, три раза въ годъ. Отецъ рѣдко говоритъ съ женою о своихъ планахъ: онъ только приказываетъ ей сдѣлать то или другое, или принимаетъ отчетъ въ ея расходахъ. Онъ не говоритъ о своихъ намѣреніяхъ и надеждахъ со своими взрослыми дѣтьми: по его понятію, онъ

только можетъ дать хорошій совѣтъ, а не получить его отъ нихъ. Трактирная жизнь для средняго класса людей давно замѣнила жизнь семейную. Трактиръ для нѣмца — его второй домъ: онъ вполне водворился въ немъ, имѣетъ въ немъ свое особое мѣстечко, и горе тому, кто осмѣлится занять его.

Дѣвушка благороднаго, а иногда и знатнаго происхожденія, получающая въ приданое двѣ, три тысячи рублей деньгами, считается уже богатою невѣстой. И это понятно; при бѣдности нѣмецкихъ семействъ средняго и высшаго круга, кромѣ денегъ, родителямъ невѣсты необходимо устроить для молодой четы полное хозяйство. Понятно, какъ это трудно для тѣхъ родителей, у которыхъ полдюжины и болѣе дочерей, а жалованье главы семейства на службѣ обыкновенно самое скромное.

Знакомство между молодыми людьми, оканчивающееся бракомъ, очень часто происходитъ въ общественныхъ садахъ, куда въ праздничные дни со всѣми чадами и домочадцами направляются семейные люди. Молодой человѣкъ, гуляя по аллеѣ и замѣтивъ мать съ дочерью, которая ему понравилась, какъ будто нечаянно садится возлѣ нея и начинаетъ разговоръ. Въ слѣдующее воскресенье онъ подходитъ къ этимъ дамамъ, какъ къ давнишнимъ знакомымъ. Здѣшнія матери имѣютъ необыкновенную способность быстро подмѣтить нужную для дочери партію. Разумѣется, и дочь съ своей стороны не дремлетъ. Смотря по положенію молодаго человѣка, отношеніе къ нему дѣвушки различно: если она подмѣтила, что онъ разсчетливый купецъ, она, съ помощью своей матери, со всевозможною скромностью и стыдливостью умѣетъ выставить во всемъ блескѣ свои хозяйственные таланты. Какъ-бы она ни любила пиво, она, въ присутствіи такого мужчины, будетъ стараться пить больше воду и какъ можно усерднѣе шить и вязать. Если

онъ сынъ банкира или чиновника, она будетъ себя держать уже гораздо свободнѣе. Въ такомъ случаѣ она прячетъ работу въ ручной мѣшокъ, вынимаетъ изъ него свой вѣеръ, кокетливо обмахивается имъ, пьетъ пиво и лимонадъ, болтаетъ объ оперѣ. Молодой человѣкъ уже со втораго раза можетъ понять, пріятенъ онъ дамамъ или нѣтъ. Если послѣ его прихода мать, точно нечаянно, предлагаетъ ему мѣсто подлѣ дочери, а дочь пускаетъ въ ходъ свое незатѣйливое кокетство, онъ уже знаетъ, что дѣло идетъ на ладъ. Для молодаго человѣка такая минута чрезвычайно рѣшительна: онъ долженъ или тотчасъ навсегда бросить это знакомство, или окончить свои ухаживанія предложеніемъ, — иначе хитрая нѣмецкая матрона поставитъ на его пути западню, изъ которой ему трудно будетъ выпутаться. Самое интересное зрѣлище въ этихъ случаяхъ представляетъ такая мать, которая пришла въ общественный садъ съ 3, 4 дочерьми-невѣстами. Разъ она замѣчаетъ, что у одной изъ нихъ дѣло подвинулось хотя немного впередъ, она бѣжитъ на другую скамейку, къ другой дочери, чтобъ и той помочь въ ея затрудненіяхъ. И такъ перебѣгаетъ она отъ одной къ другой, оставаясь больше всего съ самой неопытной. Если молодой человѣкъ предложилъ дѣвушкамъ какое-нибудь угощеніе, въ родѣ стакана лимонада или пива, мать вздыхаетъ уже съ облегченнымъ сердцемъ, такъ какъ это добрый признакъ: по своей расчетливости молодой нѣмецъ только тогда предлагаетъ дѣвушкамъ угощеніе, когда она ему нравится, и съ этой минуты онъ долженъ уже при каждой встрѣчѣ предлагать ей что-нибудь, платить за выпитый ею лимонадъ, за съѣденный бутербродъ. Но и тутъ во всемъ блескѣ сказывается расчетливость нѣмца: онъ платитъ за угощеніе своей невѣсты, но не считаетъ долгомъ платить за ея мать.

Однако, несмотря на легкость, съ которою человекъ незнакомый можетъ проникнуть даже въ хорошее семейство, существуетъ множество молодыхъ людей, которые предпочитаютъ дѣлать предложеніе посредствомъ газетъ. Такія заявленія въ газетахъ вы находите каждый день въ громадномъ количествѣ: «Черноглазую красавицу съ роскошными локонами, сидѣвшую во вторникъ вечеромъ въ Валльнеровскомъ театрѣ, въ 4 ряду, № кресла 51, и жемчужными слезами оплакивавшую несчастіе героини пьесы, страстно просить молодой человекъ сообщить свое имя и адресъ, — его намѣренія вполне серьезныя». Въ этихъ газетныхъ объявленіяхъ совершенно беззастѣнчиво выставляется не только цифра требуемаго приданого, но очень часто указанъ и ростъ, который должна имѣть невѣста, обозначенъ и ростъ человека, предлагающаго себя въ мужья. Какъ мужчины, такъ и женщины прибѣгаютъ къ этимъ объявленіямъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ требуются и извѣстныя нравственныя качества, но главное вниманіе, конечно, обращено на денежные средства. Купцы и всевозможные дѣльцы совершенно точно обозначаютъ сумму, которую они желаютъ получить въ приданое. Даже студенты рѣшаются иногда помѣщать въ газетахъ объявленія, въ которыхъ они выражаютъ желаніе жениться послѣ окончанія университетскаго курса на особѣ, которая дастъ имъ средства окончить курсъ. Есть люди, предлагающіе себя въ мужья женщинамъ съ *дѣломъ*, то-есть съ лавкой, съ какимъ-нибудь торговымъ или инымъ предпріятіемъ. Аристократы, особенно военные, зная, какую приманку для нѣмецкой женщины представляютъ ихъ титулъ и происхожденіе, никогда не забываютъ указать на то и другое, и за это требуютъ особенно большой суммы приданого. Повидимому всѣ классы общества прибѣгаютъ къ этому способу сватовства: тутъ вы найдете и чиновниковъ, и офицеровъ,

и спекуляторовъ, жаждущихъ воспользоваться состояніемъ будущей жены для какого-нибудь предпріятія, банкировъ, вдовцовъ, сознающихъ, что хотя они не молоды и не красивы, но гордятся незапятнаннымъ именемъ и ищутъ подругу жизни, которая взяла бы на себя воспитаніе дѣтей отъ первой жены, — всѣ одинаково требовательны на счетъ приданаго и очень многіе изъ нихъ за хорошія деньги предлагаютъ горячее сердце. Вотъ нѣсколько такихъ объявленій: «Образованный человѣкъ, благороднаго происхожденія, съ горячимъ сердцемъ и кроткаго нрава, пріятной наружности, 30-ти лѣтъ отъ роду, съ постоянно увеличивающимся окладомъ (теперь до 1000 р.), желаетъ жениться на красивой, образованной, благородной дѣвушкѣ между 17 и 27 годами, которая бы имѣла въ своемъ собственномъ распоряженіи по крайней мѣрѣ пятнадцать тысячъ рублей. Почтительно просятъ выслать свой адресъ съ точнымъ обозначеніемъ своего положенія. За тайну ручаются». «Молодой человѣкъ, съ аристократическими манерами, чиновникъ на императорской службѣ, желаетъ сочетаться бракомъ съ красивой особой, съ приданнымъ не менѣе десяти тысячъ рублей. Приданое она можетъ принести не исключительно капиталомъ: если вмѣсто него окажется помѣстье или другая какая-нибудь недвижимая собственность, то вышеозначенный молодой человѣкъ противъ этого ничего не будетъ имѣть, лишь бы стоимость приданаго была не менѣе опредѣленной суммы».

Сватовство происходитъ не только посредствомъ объявленій въ газетахъ, спеціально занятыхъ брачными дѣлами, но и черезъ агентства. Въ этихъ агентствахъ вы всегда найдете сваху или посредника для сватовства, и тѣ за ничтожную сумму узнаютъ о средствахъ къ жизни, о состояніи и всю подноготную лицъ, съ которыми желаютъ вступить въ бракъ.

Можно себѣ представить, какъ низко пала семейная жизнь, какъ мало нравственнаго чувства и порядочности въ томъ обществѣ, гдѣ возможно такое постыдное ремесло, какъ «брачныя агентства» и «брачныя газеты», гдѣ изъ брака устроили куплю, продажу, рынокъ, но никакъ не тихое семейное счастье, которое мы, остальные европейцы, надѣялись встрѣтить въ Германіи.

Помолвка нерѣдко предшествуетъ свадьбѣ на нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда и на нѣсколько лѣтъ; о ней заявляютъ въ газетахъ, обыкновенно въ такихъ выраженіяхъ: «Симъ имѣемъ честь объявить о помолвкѣ нашей старшей дочери Елизаветы съ помѣщикомъ родового имѣнія фонъ Бисмаркъ-Книбховъ, лейтенантомъ резерва перваго полка гвардейскихъ драгунъ». Внизу подпись родителей. За этимъ объявленіемъ слѣдуетъ извѣщеніе жениха: «Симъ имѣю честь заявить о моей помолвкѣ съ Елизаветою фонъ-деръ-Остенъ». Помолвленные, въ большинствѣ случаевъ, вступаютъ въ бракъ, такъ какъ мало найдется такихъ, которые рѣшились бы отступить отъ обязательства, получившаго такую огласку не только предъ родственниками, но предъ всѣмъ свѣтомъ. Если помолвленные—люди зажиточные, то приданое, состоящее изъ платья и бѣлья, выставляютъ для осмотра знакомыхъ и друзей. Брачныя церемоніи, связанная съ самымъ обрядомъ, продолжаются трое сутокъ; первый день, когда выставляютъ приданое, называется «польтерабендъ», второй—не больше, какъ антрактъ для отдыха передъ свадьбой, а въ третій—происходитъ самая свадьба.

Польтерабендъ—день самый веселый и любимый молодежью обоего пола, во время котораго молодые люди отъ всей души отдаются веселью. Приглашенные въ этотъ день собираются къ 3-мъ часамъ пополудни. Молодые люди, а иногда и дѣти, являются нерѣдко въ фантасти-

ческих костюмахъ, и каждый изъ нихъ обращается къ жениху и невѣстѣ съ подходящей рѣчью. Вотъ входитъ маленькій мальчикъ, одѣтый фермеромъ, съ огромной связкой зелени на спинѣ. Онъ подходитъ къ невѣстѣ, сбрасываетъ зелень къ ея ногамъ и говоритъ: «я слыхаль, что вы любите супъ; изъ этой зелени можете наварить его, сколько угодно, только не забудьте при этомъ и вашего мужа, такъ какъ съ этихъ поръ вы должны помнить, что вы всѣмъ должны дѣлиться съ нимъ». Изъ толпы гостей особенно выдѣляются двѣ дѣвушки, изъ которыхъ одна изображаетъ собою кофе, а другая чай. На первой—шелковое платье кофейнаго цвѣта, обшито настоящими кофейинками, на ея головѣ прикрѣпленъ маленькій кофейникъ. Та, которая изображаетъ чай, тоже въ соответствующемъ костюмѣ. «Госпожа кофе» обращается къ невѣстѣ съ рѣчью, въ которой она совѣтуетъ ей не увлекаться поэтической стороной супружеской жизни и не пренебрегать будничными обязанностями. Она напоминаетъ ей, какъ важно къ приходу мужа имѣть всегда наготовѣ чашку кофе. Съ этими словами она хватаетъ со стола подносъ съ посудой и бросаетъ его на полъ при взрывѣ бѣшеныхъ рукоплесканій. Бьютъ посуду, по словамъ нѣмцевъ, чтобы предотвратить несчастіе. Чтобы сохранить этотъ обычай и соблюсти экономію, на многихъ свадьбахъ употребляютъ такую хитрость: собираютъ старыя тарелки и блюда и выбрасываютъ за дверь въ ту минуту, когда говорятъ рѣчи. Ни опредѣленныхъ сценъ, ни опредѣленныхъ рѣчей и костюмовъ здѣсь не существуетъ: каждый наряжается и говоритъ рѣчи по своему вкусу. Послѣ рѣчей присутствующіе разыгрываютъ какую-нибудь театральную пьесу, а иногда оперу, которую они, разобравъ роли, задолго до этого дня разучиваютъ очень тщательно.

Поутру, въ день свадьбы, гости сопровождаютъ же-

ниха и невѣсту къ чиновнику, у котораго совершается формальный контрактъ. Этотъ формальный контрактъ, безъ церковнаго обряда, признается здѣсь, не только закономъ, но и самимъ обществомъ, совершенно достаточнымъ, и тѣхъ, которые совершаютъ одинъ только гражданскій бракъ, рѣшительно никто не осуждаетъ, но правительство, какъ увидимъ ниже, относится къ этому нѣсколько иначе. Здѣсь на церковный бракъ смотрятъ какъ на роскошь, которая предоставляется тѣмъ, кому желательно дѣлать лишнія издержки. Церковный бракъ совершается иногда въ церкви, но чаще въ частномъ домѣ. Въ такомъ случаѣ въ гостиной устраиваютъ алтарь, убираютъ его цвѣтами, и церемонія часто совершается подъ аккомпаниментъ музыки.

У германскихъ протестантовъ постоянно уменьшается число церковныхъ браковъ, а также и крещеній. Это происходитъ отъ многихъ причинъ, но прежде всего отъ бѣдности. Въ этой странѣ никогда не было столько богатыхъ, какъ въ Англіи и Франціи. Средній классъ въ Германіи болѣе многочисленъ и менѣе обезпеченъ, чѣмъ въ названныхъ странахъ; аристократы и, такъ называемые, «богачи» имѣютъ здѣсь несравненно менѣе средствъ, чѣмъ аристократическія семьи и богачи Англіи и Франціи. Всеобщая бѣдность давно приучила нѣмцевъ къ расчетливости, которая представляетъ одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ нѣмецкаго народа, а у весьма многихъ она перешла даже въ скардность. Формальный брачный обрядъ не только обязателенъ, но и обходится гораздо дешевле церковнаго, и расчетливые нѣмцы средняго и низшаго сословія не могутъ понять, зачѣмъ имъ платить вдвое дороже за церковную церемонію, когда по закону достаточно и одной гражданской. Правительство сокрушается о такомъ положеніи вещей, такъ какъ оно опасается, что это мало-

по-малу отдалить отъ него церковь, которая оказывала ему всегда такую сильную поддержку; поэтому оно и покровительствуетъ церковному браку, дѣлая его обязательнымъ для всѣхъ, находящихся подъ прямымъ его контролемъ. Когда люди, находящіеся у него на службѣ, вступая въ бракъ, выполняютъ только одинъ гражданскій обрядъ, правительство иногда довольно чувствительно даетъ понять свое неудовольствіе, увольняя служащихъ отъ занимаемыхъ ими должностей.

Милостивое личико нѣмки послѣ брака скоро увядаетъ, дѣлается одутловатымъ; большіе задумчивые глаза выцветаютъ, становятся безжизненными и вялыми. И это понятно: нѣмка сдѣлалась женщиной, и ея назначеніе быть домовитой хозяйкой, вѣрной рабой того, кто удостоилъ соединить ея судьбу съ своею. Теперь она должна сосредоточить все свое вниманіе на хозяйствѣ, отдать весь свой умъ и чувства тайнамъ кухни и погреба, считать шитье, женскія рукодѣлья и чистку главными добродѣтелями, отдавать большую часть своего времени отпиранію шкафовъ, коммодовъ, чулановъ тою громадною связкой ключей, съ которою она не расстаётся ни на минуту. Эти вѣчныя заботы только о кухнѣ скоро притупляютъ ея умъ, а рабское отношеніе къ мужу убиваетъ нравственное чутье. Ея умственные и нравственные понятія такъ ограничены, что она не можетъ быть матерью въ хорошемъ смыслѣ этого слова, не можетъ быть подругою своего мужа; впрочемъ этого здѣсь и не требуютъ. Она должна быть только экономкою въ домѣ, къ чему было направлено и все ея воспитаніе. Въ семейной жизни мужъ зарабатываетъ, жена хозяйничаетъ. Замужняя жизнь нѣмецкой женщины самая прозаическая: у нея нѣтъ ни достаточно времени, ни интереса, чтобы заниматься литературой, наукой или политикой. Мало того: за исключеніемъ самыхъ рѣдкихъ

случаевъ, ея управленіе хозяйствомъ только формальное, такъ какъ мужъ, хотя и занятъ дѣлами, все-таки успѣваетъ весьма строго присматривать за домашней жизнью. Онъ знаетъ съ величайшею точностью, сколько въ день должно выходить провизіи, ворчитъ, когда оказывается, что слишкомъ много издержано на мыло и свѣчи, и принимаетъ грозный видъ, когда наступаетъ зима и рѣчь заходитъ о топливѣ. По вечерамъ въ очень многихъ семьяхъ можно наблюдать такую сцену: мужъ въ халатѣ, развалившись, сидитъ въ креслѣ, а передъ нимъ жена, со счетной книгой въ рукахъ. «Нѣмецкій бракъ», говоритъ Гейне, (величайшій нѣмецкій писатель), «не истинный бракъ,—у мужа не жена, а служанка. Онъ умственно продолжаетъ жить тою же уединенною жизнью даже среди своего семейства». И дѣйствительно, супруги только ѣдятъ и спятъ подъ одной кровлею,—у нихъ нѣтъ ничего общаго между собою. Днемъ мужъ въ конторѣ, за прилавкомъ или въ канцеляріи, вечеромъ онъ отправляется въ трактиръ. Онъ приходитъ домой только обѣдать, выражая свое удовольствіе или дѣлая строгій выговоръ, если ему что не понравится.

Но если тяжелый трудъ, мелочи и дразги семейной жизни не окончательно забьютъ нѣмецкую женщину, не совсѣмъ вытравятъ въ ней врожденную искорку божью, трудно представить, какимъ безгранично добрымъ, просто-сердечнымъ и мягкосердечнымъ существомъ является она. Семейная жизнь еще въ домѣ родителей приучила ее къ трудолюбію, терпѣнію, уступчивости въ отношеніи къ старшимъ, строгому выполненію всѣхъ своихъ обязанностей. При замужней жизни тѣ же свойства вырабатываются еще основательнѣе. Съ юныхъ лѣтъ жизнь замужней женщины, по натурѣ доброй и кроткой, проходитъ въ вѣчномъ самопожертвованіи для мужа и дѣтей, для своей семьи,

выше и дороже которой у нея нѣтъ ничего на свѣтѣ. Кромѣ интересовъ своей семьи она ничего не видитъ, не знаетъ, не понимаетъ. Эта доброта нѣмецкой женщины не имѣетъ ничего общаго съ горячею, страстною, порывистою добротою южанки. Доброта нѣмки—вѣчная потребность сердца отдавать всю себя на пользу семьи, каждую минуту сокращать всѣ свои потребности ради дѣтей или мужа и въ ихъ улыбкѣ, въ ихъ добромъ словѣ, ничтожной ласкѣ находить все свое счастье, видѣть лучшую награду.

ЖИЗНЬ И ПРАВЫ СТУДЕНТОВЪ.

Германскіе университеты.—Студенты: ихъ одежда и внѣшность.—Фуксы: ихъ вступленіе въ университетъ, жизнь и отношеніе къ буршамъ.—Кнейпа.—Пивные долги.—Лишеніе пивной чести.—Пивной судъ.—Студенческія пѣсни.—Ночныя серенады.—Результаты попойки.—Карцеръ.—Студенческія дуэли.—Пивныя награды.—Процессіи и торжества.—Некорпоративные студенты.

Германія славится своими университетами болѣе, чѣмъ заведеніями для средняго образованія. Ея университеты содѣйствовали тому, что страну эту во всемъ мірѣ издавна считаютъ землей учености; число студентовъ въ германскихъ университетахъ увеличивается съ каждымъ годомъ: пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ ихъ числилось не многимъ болѣе 13.000 ч., а теперь ихъ болѣе 28.000. Въ Германіи 21 университетъ. Впрочемъ въ этой странѣ и прежде ихъ было много. Когда Германія раздѣлялась на независимыя государства (объ этомъ было сказано выше, въ очеркѣ объ аристократіи), то каждое изъ нихъ стремилось превзойти другое своимъ просвѣщеніемъ. Значительную часть своихъ доходовъ государи тратили на свои университеты. При этомъ каждый изъ нихъ старался обставить свой университетъ какъ можно лучше, привлекалъ къ нему

извѣстнѣйшихъ профессоровъ. Такія заботы не пропали даромъ: ни въ одномъ европейскомъ государствѣ университеты не играютъ такой видной роли, нигдѣ общество не относится къ своимъ студентамъ съ такою любовью, какъ здѣсь, нигдѣ стремленіе провести сына чрезъ университетъ не выражается такъ единодушно во всѣхъ сословіяхъ, какъ въ Германіи. Здѣсь уже издавна принцы крови, аристократы, богатѣйшіе и наиболѣе представительные люди въ государствѣ отдають въ университеты своихъ сыновей,—если наука не пойдетъ имъ на умъ, то для того по крайней мѣрѣ, чтобы годъ, другой они могли пожить студенческою жизнью. Нельзя сказать, чтобы многіе изъ знатныхъ молодыхъ людей отдавались наукѣ,—большая часть ихъ примыкаетъ къ кутящимъ студентамъ,—тѣмъ не менѣе уже одно то, что они возвращаются среди людей разныхъ сословій и положеній, приносить имъ извѣстную пользу, знакомить ихъ съ нуждами людей различныхъ классовъ общества. Чиновники, профессора, учителя, пасторы,—все считаютъ здѣсь своею нравственною обязанностью, долгомъ чести отдавать въ университеты своихъ сыновей. Завѣтная мечта людей низшихъ классовъ, или, точнѣе сказать, тѣхъ изъ нихъ, которые едва выдѣлились изъ массы рабочаго люда,—видѣть своего сына студентомъ. Мелкій лавочникъ, артельщикъ, торговка, едва расширяютъ свою дѣятельность, какъ тотчасъ торжественно объявляютъ сыну, что уже рѣшено отдать его въ университетъ. Если мы вспомнимъ, какъ плохо оплачивается въ Германіи государственная служба, какимъ лишеніямъ здѣсь подвергаетъ себя каждый, чтобы скопить копѣйку про черный день, когда мы узнаемъ, наконецъ, какъ дорого обходится здѣсь высшее образованіе и какому риску подвергаетъ свой карманъ каждый, рѣшающійся отдать своего сына въ университетъ, мы невольно придемъ къ убѣжденію, что

такое общее стремленіе, такія жертвы ради высшаго образованія могутъ приносить только въ той странѣ, гдѣ наука пользуется глубокимъ уваженіемъ.

Студенты cadaго университета дѣлятся на двѣ группы: на *цветныхъ*, то есть корпоративныхъ, которые носятъ цвѣтныя шапочки и ленты, и на *обыкновенныхъ студентовъ*, не принадлежащихъ ни къ одной корпораціи. Цвѣтныя студенты, или корпоративные, принадлежащіе къ той или другой корпораціи (кружку), отличаются одна отъ другой цвѣтомъ студенческихъ шапочекъ, знаменами и другими украшеніями. Студенты корпоративные занимаются несравненно лѣнивѣе, рѣже посѣщаютъ лекціи, болѣе предаются кутежамъ и попойкамъ, чѣмъ студенты обыкновенные, т.-е. некорпоративные, между которыми гораздо болѣе дѣльныхъ молодыхъ людей. Корпоративные студенты щеголяютъ своимъ платьемъ, прической, хвастаютъ кутежами; къ нимъ принадлежатъ по большей части люди богатые и обеспеченные, а къ студентамъ некорпоративнымъ — такіе, которые вступили въ университетъ съ единственною цѣлью — работать. Впрочемъ случается, что молодой человѣкъ поступаетъ въ университетъ въ какую-нибудь корпорацію, годъ — другой ничего не дѣлаетъ, а только кутитъ съ товарищами, а затѣмъ переходитъ въ другой университетскій городъ, гдѣ уже не приписывается ни къ одной корпораціи и начинаетъ серьезно заниматься. Кстати замѣтимъ, что германскій студентъ, учившійся въ одномъ какомъ-нибудь университетѣ — явленіе исключительное. Каждый студентъ пользуется правомъ избрать какой угодно университетъ и можетъ переходить изъ одного въ другой, когда ему вздумается. Иной и переходитъ изъ одного университета въ другой, съ однихъ курсовъ на другіе и совершенно серьезно занимается нѣсколькими предметами, прослушаетъ многихъ профессоровъ. Но здѣсь много и та-

кихъ студентовъ, которые переходятъ изъ корпораціи одного университетскаго города въ другую, вездѣ отчаянно кутятъ и окончательно оставляютъ университетскія стѣны уже людьми пожилыми, круглыми невѣждами и съ пошатнувшимся здоровьемъ. Бывали случаи, что такіе студенты провели въ университетѣ до 50 семестровъ (полугодій) и праздновали 25-лѣтній юбилей своего вступленія въ ту или другую корпорацію.

Жизнь нѣмецкихъ студентовъ съ оригинальными обычаями лучше всего можно наблюдать въ маленькихъ университетскихъ городахъ. Составляя значительную часть населенія такого города, студенты чувствуютъ себя вполне господами, такъ какъ вся обстановка города, весь рабочій людъ исключительно занятъ работами на университетъ и студентовъ. Въ такихъ городахъ, съ утра до поздней ночи, только и встрѣчаешь профессоровъ и студентовъ. Между магазинами преобладаютъ книжные; остальные лавки набиты студенческими вещами: трубками съ длинными чубуками (студенты много курятъ), толстыми палками съ гербами разныхъ корпорацій; у сапожника въ окнахъ выставлены высокіе студенческіе сапоги, у портнаго—студенческія куртки, у шляпочнаго мастера—цвѣтныя студенческія шапочки, у фотографа—карточки студентовъ въ характерныхъ позахъ во время дуэлей, съ кружками пѣнящагося пива въ рукахъ; въ желѣзной лавкѣ разставлены всѣ предметы для поединковъ; трактиры другъ передъ другомъ стараются заманить къ себѣ ту или другую корпорацію, наконецъ множество собакъ, которыя бѣгаютъ по улицамъ, почти исключительно студенческія.

Днемъ студенты или идутъ къ университету, или возвращаются изъ него, а по ночамъ со всѣхъ сторонъ города несутся пѣсни и крики студентовъ, возвращающихся изъ *кнейпы* (нѣчто среднее между трактиромъ и кабакомъ).

Всѣ окрестности университетскаго города, самые отдаленныя трактиры въ деревняхъ носятъ слѣды посѣщенія студентовъ: на ихъ столахъ и скамейкахъ нацарапаны названія корпорацій или имена пировавшихъ. Всѣ содержатели пивныхъ, ресторановъ, шляпочники, сапожники и другіе мастеровые зависятъ въ такомъ городкѣ исключительно отъ университета и студентовъ. Если поставщикъ дурно ведетъ себя,—его прогоняютъ. Нерѣдко въ маленькихъ университетскихъ городахъ можно видѣть имена содержателей пивныхъ, вывѣшенныя на черной доскѣ, прибитой къ «позорному столбу». Понятно, что каждый житель такого города, будь онъ лавочникъ, домовладѣлецъ, портной или другой какой-нибудь мастеровой, однимъ словомъ, рѣшительно всѣ городскіе обыватели живо интересуются событіями университетской жизни. Вы постоянно слышите между ними соболѣзнованія по поводу смерти того или другаго знаменитаго профессора или сожалѣніе объ его отъѣздѣ въ другой университетскій городъ. Повліяетъ ли это событіе на уменьшеніе числа студентовъ, стоитъ ли въ виду этого дѣлать такой же запасъ студенческой обуви, какъ въ прошлый семестръ (полугодіе),—эти практическіе вопросы для нихъ тѣсно связаны съ каждымъ происшествіемъ университетской жизни.

Въ каждомъ университетѣ нѣсколько корпорацій, которыя отличаются другъ отъ друга различными названіями. Въ каждой изъ нихъ отъ 15 до 25 студентовъ. Каждая корпорація имѣетъ свои правила, которыя строго соблюдаются студентами, имѣетъ свою исторію, свою кнейпу (среднее между трактиромъ и кабакомъ), свой вензель, золотомъ или серебромъ вышитый на корпоративномъ знамени и налѣпляемый всюду, гдѣ только можно: на трубкахъ, книгахъ, палкахъ, столахъ. Наконецъ каждая корпорація отличается отъ другой своими избранными цвѣ-

тами. Одной корпораціей принятъ черно-красно-бѣлый цвѣтъ, и онъ бросается въ глаза и на маленькой, шитой золотомъ или серебромъ шапочкѣ студента, и на рукояткѣ его шпаги, и на снуркахъ, которымъ обшить его камзолъ, на знамени корпораціи, на переплетахъ его книгъ, въ убранствѣ кнейпы, однимъ словомъ, на каждой вещи студента. Одежда корпораціоннаго студента очень оригинальна: на головѣ маленькая шапочка яркаго цвѣта, смотря по корпораціи; бархатный камзолъ обшить снурками, на груди его трехцвѣтная тесемка, надѣтая черезъ плечо, сапоги выше колѣнъ, въ рукахъ палка съ набалдашникомъ, — все испещрено корпоративными гербами и вензелями. При церемоніяхъ, которыя такъ часты въ жизни студента, онъ является въ высокой треугольной шляпѣ, во фракѣ, въ бѣлыхъ замшевыхъ панталонахъ и огромныхъ лаковыхъ ботфортахъ (особаго рода сапоги) со шпорами; на рукахъ замшевыя перчатки, черезъ плечо яркій шарфъ съ цвѣтами корпораціи, на боку шпага. Еженедѣльно, въ назначенный день, въ каждой корпораціи происходитъ собраніе буршей (полноправный студентъ) для обсужденія различныхъ вопросовъ, напр. объ устройствѣ пирушки, о принятіи новыхъ фуксовъ (фуксами называютъ всѣхъ студентовъ-новичковъ; послѣ двухъ полугодій каждый фуксъ становится буршемъ), или о производствѣ выслужившагося фукса въ бурши и т. п.

Вступая въ университетъ, новичокъ, котораго называютъ фуксомъ, получаетъ покровителя въ лицѣ одного изъ буршей. Отношенія между этими двумя лицами напоминаютъ собой существовавшія въ средніе вѣка отношенія между рыцаремъ и его оруженосцемъ, съ примѣсью холопства. Буршъ приглядываетъ за фуксомъ, чтобы тотъ хорошо изучилъ уставъ корпораціи и строго выполнялъ ея обычаи, пріучаетъ его драться, защищаетъ его отъ напа-

докъ другихъ буршей. Но еще болѣе священною обязанностью по отношенію къ своему фуксу буршъ считаетъ необходимость приучать его все къ бѣльшему употребленію пива, презрительно и насмѣшливо относиться къ студентамъ, не принадлежащимъ ни къ какой корпораціи, высокомерно держать себя въ отношеніи гражданъ города. Катаясь за городомъ, нанимая лошадей, забирая что-нибудь въ магазинѣ, буршъ безцеремонно обращается къ своему фуксу, заставляя его платить за себя. Въ большинствѣ случаевъ бурши безжалостно обируютъ своихъ фуксовъ, и дѣлаютъ это не только не стыдась, но хвастаютъ другъ передъ другомъ.

Фуксы страдаютъ не только отъ собственныхъ покровителей: разъ въ недѣлю въ собраніи буршей фуксовъ экзаменуютъ, но не изъ научныхъ предметовъ, а изъ устава корпораціи; при этомъ за каждый невѣрный отвѣтъ съ нихъ взимаютъ извѣстный штрафъ. Многіе изъ нихъ не учатъ устава или нарочно плохо отвѣчаютъ, чтобы платить штрафъ и этимъ доставлять удовольствіе экзаменаторамъ. Когда бурши особенно довольны фуксомъ, они поручаютъ ему бѣгать по трактирамъ, въ которыхъ останавливаются вновь прибывшіе въ университетъ, и вербовать въ свою корпорацію новичковъ. Фуксъ знакомится съ юношею, пріѣхавшимъ для поступленія въ университетъ, тащитъ его въ кнейпу своей корпораціи, представляетъ ему въ яркихъ краскахъ всѣ преимущества своей корпораціи и легко выманиваетъ у юноши согласіе вступить въ нее. Но вотъ фуксъ, по окончаніи двухъ семестровъ, становится кандидатомъ въ бурши. Это, какъ и всякое явленіе университетской жизни, сопровождается особой церемоніею. Производство совершается въ кнейпѣ. Кандидатъ въ бурши затягиваетъ слѣдующую пѣсню: «не долго, всего два семестра, пробылъ я фуксомъ, никогда не думалъ о

бережливости и слѣдовалъ примѣру своихъ товарищей». Ему поютъ въ отвѣтъ: «онъ водилъ насъ на тучныя пастбища и вѣрно служилъ нашему союзу». Послѣ каждаго куплета фуксъ долженъ пить пиво. Послѣ этого его торжественно объявляютъ удостоеннымъ званія бурша. Но кандидату въ бурши приходится пить не только во время пѣсни и послѣ нея, но весь вечеръ: прощаніе съ старыми товарищами, поздравленіе новыхъ, всѣ такіе моменты выражаются обильнымъ возліяніемъ, такъ что подъ конецъ вечера онъ уже безъ чувствъ лежитъ подъ столомъ.

Главную роль въ студенческой жизни играетъ кнейпа, — это что-то среднее между трактиромъ и хорошимъ кабакомъ. Студенческую кнейпу могутъ посѣщать только студенты известной корпораціи, ихъ гости и лица, принадлежавшія къ той же корпораціи. Чѣмъ богаче корпорація, тѣмъ богаче убрана ея кнейпа. При входѣ въ нее прежде всего бросается въ глаза раскрашенный гербъ корпораціи, окруженный трехцвѣтными знаменами и шпагами. Буйволыя рога, картины, изображающія группы студентовъ въ характерныхъ сценахъ: на дуэли, во время пирушки, съ полными кружками пѣнящагося пива въ рукахъ, на гуляньѣ, окруженныхъ собаками, — все это развѣшано по стѣнамъ. По срединѣ комнаты — большой длинный столъ со скамейками. Здѣсь и тамъ — палки, шпаги, бандажи. Во время праздника изъ оконъ кнейпы торчатъ цвѣтныя знамена и значки и цѣлую ночь раздаются пѣсни пирующихъ. Въ нѣкоторыхъ корпораціяхъ всѣ члены обязаны собираться въ кнейпу каждый вечеръ, въ другихъ — одинъ или нѣсколько разъ въ недѣлю. Кто опоздаетъ нѣсколько минутъ къ назначенному часу или вовсе пропуститъ засѣданіе, тотъ подвергается штрафу, размѣръ котораго различенъ, смотря по обычаю и зажиточности членовъ корпораціи и соразмѣрно съ виною преступника. Правила,

какъ вести себя въ кнейпѣ и на различныхъ пирушкахъ, строго опредѣлены уставомъ. Пиромъ распоряжается особый предсѣдатель, которому всѣ обязаны безпрекословно повиноваться. Привычка вносить всюду дисциплину, точность и извѣстную аккуратность даетъ чувствовать себя даже и на этихъ безшабашныхъ попойкахъ: большая часть тостовъ, рѣчей, пѣсенъ происходитъ въ строго опредѣленномъ порядкѣ, по командѣ, чинно и торжественно. Въ каждой корпораціи есть свой обязательный обычай: есть свой особый законъ для дуэлей, точно также есть свой особый «пивной законъ».

Около девяти часовъ вечера кнейпа освѣщена множествомъ огней и уже наполнена студентами, которые болтаютъ между собой и курятъ трубки, такъ что въ облакахъ дыма невозможно даже разсмотрѣть лица молодыхъ людей. Но вотъ пробилъ девять часовъ. «По мѣстамъ!» кричитъ предсѣдатель, и всѣ занимаютъ свои мѣста. Передъ каждымъ стоитъ пѣнящаяся кружка, и тутъ же лежитъ засаленная книжка, — пѣсенникъ, неразлучный спутникъ студентовъ. Пиво наливаютъ фуксы, которые на пирушкахъ и праздникахъ обыкновенно играютъ роль лакеевъ, а иногда лакеевъ и шутовъ въ одно и то же время. «Молчаніе!» провозглашаетъ предсѣдатель; затѣмъ онъ ударяетъ по столу шпагой со словами: «Въ честь открытія кнейпы *протремъ здоровую саламандру!*» При этомъ онъ встаетъ, а за нимъ и всѣ остальные. Каждый разъ, въ честь присутствующаго дорогаго члена корпораціи, а также передъ открытіемъ или закрытіемъ кнейпы, пьютъ или «протираютъ саламандру». Обычай этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: послѣ воззванія, предсѣдатель спрашиваетъ: «Готовы ли вы къ совершенію обряда саламандры?» — «Готовы», слышится ему въ отвѣтъ. «Разъ, два, три»... Въ то время, когда онъ медленно считаетъ, всѣ кругообразно водятъ

кружками по столу (это и есть «трение саламандры»), и послѣ словъ предсѣдателя: «теперь пейте», отпиваютъ немного пива изъ кружекъ. «Разъ, два», снова произноситъ предсѣдатель, и всѣ выбиваютъ дробь кружками по столу; «три», кричитъ онъ, и всѣ, приподнявъ кружки на воздухъ, сразу опускаютъ ихъ на столъ, затѣмъ торжественно садятся, точно совершивъ дѣло первостепенной важности. Это и есть обрядъ саламандры. Послѣ торжественнаго открытія кнейпы студенты могутъ свободно пить, конечно, соблюдая извѣстныя правила, т.-е. выпивая отъ времени до времени кружку пива за здоровье того или другаго товарища. Если многіе студенты пожелаютъ выпить за здоровье одного и того же присутствующаго, то онъ въ свою очередь долженъ немедленно уплачивать «пивной долгъ», т.-е. при каждомъ обращеніи выпивать полную кружку пива. Если многіе выражаютъ одному и тому же лицу свое вниманіе и уваженіе, то ему въ суммѣ придется выпить чрезвычайно много, особенно если вспомнить, что пивныя кружки въ Германіи весьма объемисты и что пить пивные долги приходится въ опредѣленный срокъ: между выпитыми кружками допускается промежутокъ времени лишь въ пять минутъ. За неточное исполненіе этого правила виновный можетъ быть лишенъ «пивной чести». Тогда одинъ изъ товарищей приказываетъ фуксу записать его имя мѣломъ на черную доску, которая тутъ же виситъ въ кнейпѣ. Съ этого времени провинившійся не можетъ ни пить за чье-либо здоровье, ни пѣть съ товарищами пѣсенъ. Чтобы снять съ себя такое пятно, нужно выпить залпомъ опредѣленное количество кружекъ пива, съ соблюденіемъ извѣстныхъ обрядовъ. Но если студентъ считаетъ себя неправильно записаннымъ на черную доску, онъ можетъ созвать «пивной судъ». Этотъ судъ устраивается немедленно, тутъ же въ кнейпѣ изъ буршей, но за отдѣльнымъ сто-

ломъ. Когда засѣданіе открывается, оно прежде всего выслушиваетъ истца, затѣмъ отвѣтчика, свидѣтелей и рѣшаетъ, кто правъ, кто виноватъ. Если судъ находитъ, что истецъ виновенъ, его приговариваютъ выпить извѣстное количество пива или записываютъ на черную доску. Но что тяжелѣе всего—виновный несетъ судебныя издержки, т.-е. долженъ заплатить за все, что выпили члены суда во время засѣданія.

Самое лучшее въ кнейпѣ—студенческія пѣсни. Пѣсни германскихъ студентовъ пользуются большою извѣстностью; но на ряду съ чудными произведеніями знаменитыхъ нѣмецкихъ поэтовъ, въ родѣ Гёте, Шиллера, Гейне и др., у студентовъ попадается не мало и пошлыхъ пѣсней. Однѣ изъ нихъ прославляютъ отечество, другія восхваляютъ германскія доблести; но наиболѣе любимы тѣ пѣсни, которыя прославляютъ свободу безпечной жизни студентовъ, ихъ безшабашный разгулъ, ихъ поединки, пиво и пьянство. Вотъ одна изъ нихъ: «Нѣтъ въ мірѣ лучше жизни, какъ жизнь студента: ее создали намъ Бахусъ (богъ вина) и Гамбринусъ (богъ пива). Бѣгать по кнейпамъ и пропивать свои деньги—вотъ высочайшее наше призваніе. Исчезли деньги,—дѣлается складчина, и жизнь идетъ все такъ же весело; нѣтъ гроша въ кошелькѣ,—за то есть кредитъ въ кабачкѣ, и студентъ вѣчно тотъ же безпечный весельчакъ... Осмѣлся кто-нибудь задѣть меня во время пирушки, онъ будетъ вызванъ въ ту же минуту! Скажи мнѣ кто-нибудь: «ты, братъ, глупый юноша, и мы въ одинъ прыжокъ очутимся на мѣстѣ поединка, а нашъ фуксъ тотчасъ притащить за нами оружіе на поле битвы: тутъ-то зажужжатъ наши *кварты* и весело засвистятъ *квинты* ¹⁾), но послѣ первой же раны ссора забыта вѣчно веселымъ студентомъ».

¹⁾ Такъ называютъ ловкіе удары шпагой.

Отъ времени до времени студенты затѣваютъ пари, что они опорожнятъ столько кружекъ пива, сколько пробыетъ часовъ, и дѣйствительно многіе десятую кружку опоражниваютъ въ ту минуту, когда часы бьютъ десятый ударъ. Новичокъ въ кнейпѣ долженъ чокаться и пить брудершафтъ съ каждымъ студентомъ, что даетъ право быть въ компаніи на «ты». Послѣ этого безчисленнаго количества обязательныхъ и необязательныхъ выпивокъ новичокъ еле держится на ногахъ; еще нѣсколько кружекъ, и онъ падаетъ подъ столъ, а за нимъ и многіе изъ его товарищей.

Бѣда тому, кто начнетъ въ кнейпѣ серьезный разговоръ, — надъ такимъ всѣ подсмѣиваются, и, слово за слово, завязывается ссора, которая разрѣшается «пивнымъ поединкомъ». Посредникъ, котораго выбираютъ при этомъ, беретъ двѣ наполненныя кружки и вручаетъ ихъ той и другой сторонѣ. При извѣстномъ словѣ, оба противника должны разомъ опорожнить свои кружки. Кто успѣлъ выпить первый, остается побѣдителемъ. Практикуются и другаго рода «пивные поединки», когда противникамъ приходится пить уже по четыре кружки за-разъ. Приэтомъ случается, что у одного изъ пьющихъ вдругъ фонтаномъ хлынетъ пиво изъ горла и, при неистовомъ хохотѣ всего общества, грязнымъ каскадомъ полетѣтъ на полъ. Въ одиннадцать часовъ пьютъ послѣднюю саламандру, и затѣмъ кнейпа считается закрытою. Желаящіе могутъ оставаться въ ней и послѣ этого: если они будутъ смирно сидѣть, ихъ не потревожитъ полиція. Посидѣвъ еще часъ-другой и чуть протрезвившись, студенты отправляются толпой подъ окно какой-нибудь хорошенькой Лины и задаютъ ей ночную серенаду. Другіе, выйдя изъ кнейпы, затягиваютъ во все горло громкія пѣсни и производятъ рядъ всевозможныхъ безобразій: одни тушатъ фонари, другіе перемѣщаютъ вы-

вѣски, такъ что булочникъ на другой день оказывается сапожникомъ, фотографъ—портнымъ, выдергиваютъ звонки и ручки изъ дверей, опрокидываютъ будки ночныхъ сторожей, и при этомъ поднимаютъ стукъ, шумъ, крикъ, бьютъ палками въ доски, производятъ кошачій концертъ и безобразничаютъ до тѣхъ поръ, пока полицейскому не удастся записать нѣсколькихъ буяновъ.

На другой день послѣ вчерашней безобразной попойки многихъ студентовъ требуютъ въ университетъ и сажаютъ въ карцеръ. Самый долгій срокъ карцернаго заключенія— три недѣли, но обыкновенно арестъ ограничивается лишь нѣсколькими днями. Такое заключеніе не отличается особенно суровостью. Наказанный каждый день довольно долго гуляетъ по двору карцера и можетъ получить рѣшительно все: пиво, вино, какой угодно обѣдъ, только все это обходится ему здѣсь гораздо дороже, такъ какъ за все не мало приходится платить служителямъ, къ тому же ему ставятъ въ счетъ отопленіе и освѣщеніе карцера.

Каждый путешественникъ, посѣтившій университетскій городъ, всегда бываетъ пораженъ фізіономіей молодыхъ людей, которыхъ ему приходится встрѣчать на каждомъ шагу: ихъ лица исполосованы вдоль и поперекъ сабельными ударами, носъ нерѣдко совсѣмъ изуродованъ, вездѣ слѣды пластыря: это результатъ студенческихъ дуэлей или поединковъ. Студенческія дуэли оффиціально не дозволены, но начальство смотритъ на нихъ сквозь пальцы, а то и поощряетъ ихъ, преслѣдуя ихъ лишь въ томъ случаѣ, когда они принимаютъ опасный характеръ. Въ такихъ только случаяхъ служителя университета должны доносить начальству. Служитель, накрывшій такой поединокъ, получаетъ по закону въ свою пользу все оружіе. Корпорация обыкновенно выкупаетъ его у него черезъ нѣсколько дней, но это обходится ей весьма дорого: понятно, какъ ея члены

заинтересованы, чтобы служитель не подстерегъ поединка. Поэтому студенты являются на поединокъ съ своими караульными, которыми бываютъ фуксы. Какъ будто прогуливаясь, фуксы обходятъ кругомъ зданіе, въ которомъ происходитъ поединокъ, а сами зорко посматриваютъ, не подкрадывается ли служитель. Какъ только они замѣтили его, они въ ту же минуту особымъ сигналомъ даютъ знать буршамъ объ опасности.

На своихъ поединкахъ германскіе студенты не дерутся на смерть: чтобы этого не случилось, они очень старательно защищаютъ себя отъ смертельныхъ и очень опасныхъ ударовъ,—вотъ этимъ прежде всего студенческія дуэли и отличаются отъ настоящихъ дуэлей. Поводомъ къ студенческой дуэли служатъ самыя ничтожныя обстоятельства: невниманіе къ поклону товарища, колкое слово, непріятное замѣчаніе. Подраться хотя одинъ разъ на студенческой дуэли считается долгомъ чести каждого корпораціоннаго студента: иначе всѣ товарищи будутъ относиться къ нему какъ къ презрѣнному, жалкому юношѣ.

На поединокъ собирается множество студентовъ. Дуэлянты въ боевыхъ доспѣхахъ: руки каждого изъ нихъ забинтованы кожаными ремнями, кисть руки защищена подушечкой, набитой желѣзными колечками, а поверхъ еще натянуты фехтовальныя перчатки; сами бойцы въ холщевыхъ рубашкахъ; подъ лѣвой мышкой у каждого изъ нихъ подвязана подушка, набитая желѣзными колечками; спереди на груди и ниже до колѣнъ—кожаный передникъ; шея окутана шолковымъ бандажемъ; для защиты глазъ надѣваютъ очки безъ стеколъ, связанные ленточкою вмѣсто проволоки; на головѣ—фуражка; носъ, подбородокъ, щеки и верхняя часть груди—открыты. Такой костюмъ чрезвычайно тяжелъ, и непривычнаго дуэлянта товарищи ведутъ подъ руки. Но вотъ бойцы стали другъ

противъ друга. Въ серединѣ залы, на разстояніи десяти шаговъ отъ одного до другаго, проводятъ мѣломъ на полу двѣ черты. Каждый изъ борцовъ становится въ двухъ шагахъ передъ чертою и долженъ драться по строго опредѣленнымъ правиламъ. При поединкѣ должны участвовать восемь лицъ: два дуэлянта, два секунданта, двое наблюдающихъ за исправностью оружія, посредникъ и медикъ. Но вотъ всѣ занимаютъ надлежащія мѣста. «Мы готовы», говоритъ секундантъ одной стороны; «мы также», отвѣчаютъ ему; затѣмъ бойцамъ подають шпаги, и бой начинается. «Стой!» кричитъ одинъ изъ дерущихся, если усталъ, если согнулся клинокъ или если полученъ черезчуръ кровавый ударъ по носу, въ високъ или щеку; секунданты тотчасъ подскакиваютъ. Иногда дуэлянтамъ позволяютъ отдохнуть, но не болѣе 15-ти минутъ; за всѣмъ этимъ наблюдаетъ посредникъ и, держа въ рукахъ книжку, записываетъ секунда въ секунду всѣ промежутки, а также всѣ раны, изъ которыхъ течетъ кровь, такъ какъ царапины въ счетъ нейдутъ. Только болѣе или менѣе серьезныя раны—полуотрубленный носъ, насквозь пробитая щека дають право прекратить поединокъ, раньше назначеннаго времени. Смертные случаи на студенческихъ дуэляхъ чрезвычайно рѣдки, но за-то иногда одинъ изъ бойцовъ возвращается домой совершенно безносимъ. Шрамы считаются до того почетными, что есть студенты, которые нарочно растравляютъ царапины, чтобы сдѣлать замѣтными воинственные рубцы на лицѣ, такъ какъ это нравится нѣмецкимъ барышнямъ.

Корпорационный студентъ ничѣмъ не пріобрѣтаетъ такой любви и уваженія своихъ товарищей, какъ умѣньемъ пить много пива и храбростью на дуэляхъ. Обѣ эти добродѣтели пользуются между студентами такимъ почетомъ, что за отличіе въ нихъ награждаютъ орденами, которые

получившій носить съ большою гордостью. На студенческихъ празднествахъ нерѣдко можно видѣть студента въ курткѣ чернаго бархата, въ цвѣтной шапочкѣ на головѣ, съ лентой черезъ плечо и съ грудью, сплошь увѣшанною орденами: звѣздами, крестами и значками различной величины, вырѣзанными изъ жести или изъ другаго недорогоцѣннаго металла, а посреди нихъ на широкой цвѣтной лентѣ красуется большое изображеніе пивной кружки, — высшій знакъ отличія. Наиболеѣ отличившагося въ пивной добродѣтели производятъ въ «пивные короли» или въ «пивные герцоги». Въ «пивные герцоги» и «короли» можетъ попасть только тотъ, кто сразу, кружка за кружкой, выпьетъ тридцать, а то и гораздо болѣе громадныхъ кружекъ. На студенческихъ праздникахъ отличившихся въ питьѣ пива возятъ въ лучшихъ городскихъ экипажахъ, окруженныхъ стражею изъ студентовъ, оказываютъ имъ и множество другихъ знаковъ почтенія. Громадное число взрослыхъ и образованныхъ нѣмцевъ, а тѣмъ болѣе студентовъ, смотрятъ на всѣхъ этихъ «пивныхъ герцоговъ» и «королей» не какъ на простую потѣху, а относятся къ нимъ съ искреннимъ и глубокимъ уваженіемъ, какъ къ настоящимъ героямъ.

Любовь къ процессіямъ и торжествамъ — характерная черта нѣмцевъ. Всякій, кому придется прожить въ Германіи хотя нѣсколько мѣсяцевъ, вполне въ этомъ убѣдится: то происходитъ праздникъ пожарныхъ, то празднуютъ день основанія университета и т. п.; при этомъ, что бы ни устраивали, огромная толпа съ музыкой и знаменами всегда выступаетъ по улицамъ стройной процессіей. На всѣхъ этихъ торжествахъ и процессіяхъ видную роль играютъ студенты. Одѣтые въ свои нарядные костюмы, въ ботфортахъ и въ шляпахъ съ перомъ, они, верхами и пѣшкомъ, слѣдуютъ за развѣвающимися знаменами своихъ корпорацій,

и подъ звуки оркестра, не хуже солдатъ, проходятъ церемоніальнымъ маршемъ, распѣвая веселыя пѣсни. Страсть къ знаменамъ повсемѣстно развита въ Германіи. Нѣтъ школы, отъ университета до народнаго училища, нѣтъ союза, рабочаго, ученаго или художественнаго, который не имѣлъ бы своего знамени, своихъ значковъ, своихъ, иногда очень пышныхъ, девизовъ. И вотъ въ торжественные дни выступаютъ всѣ эти корпораціи и союзы.

Особенно интересны ночныя шествія студентовъ съ факелами. Ихъ устраиваютъ то въ годовщину какого-либо историческаго событія, то просто въ честь профессора или другаго лица. Въ такихъ случаяхъ студенты собираются вечеромъ и, въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ, въ совершенномъ порядкѣ отправляются по улицамъ съ факелами въ рукахъ, съ музыкою и пѣніемъ. Пройдя по улицамъ, процессія переходитъ на площадь и здѣсь образуетъ изъ себя огромный кругъ въ видѣ движущагося вѣнка блестящихъ огоньковъ; начинаютъ танцовать, кружиться, вызывая аплодисменты и крики радости безчисленныхъ зрителей. Подъ конецъ все общество останавливается, и главный запѣвало затягиваетъ извѣстную студенческую пѣсню: «И такъ, будемъ веселиться пока мы юноши». Всѣ, и студенты, и публика, дружнымъ хоромъ подхватываютъ эту пѣсню, и звуки разносятся на далекое пространство. По окончаніи пѣсни, по общему знаку, всѣ начинаютъ бросать свои факелы въ воздухъ, направляя ихъ въ середину площади.

Хотя всѣ празднества и процессіи студентовъ несомнѣнно имѣютъ свою поэтическую прелесть, но всѣ онѣ обыкновенно оканчиваются безобразнымъ пьянствомъ и нерѣдко самымъ возмутительнымъ разгуломъ. Но самая печальная сторона всѣхъ возмутительныхъ проказъ и безшабашнаго разгула заключается въ томъ, что даже

впослѣдствіи, когда студенты уже оставляютъ стѣны университета, они вспоминаютъ свой разгулъ, который часто причинилъ такъ много горя другимъ, не съ краской стыда, а съ гордостью. Молодой человѣкъ, вступивъ въ ту или другую корпорацію, совершенно проникается ея интересами и все свое время проводитъ въ ухарствѣ, въ забіячничествѣ, щегольствѣ, попойкахъ, кутежахъ и забавахъ нерѣдко предосудительнаго свойства, такъ что въ концѣ концовъ онъ порядкомъ растрчиваетъ юношескія силы и средства къ жизни.

Къ счастью для германскихъ университетовъ, въ каждомъ университетскомъ городѣ существуетъ много студентовъ, которые не принадлежатъ ни къ какой корпораціи. Это обыкновенно люди небогатые, серьезно занимающіеся дѣломъ: они осуждаютъ любовь корпораціонныхъ студентовъ къ дуэлямъ и безпутнымъ обычаямъ. Не уважая щегольства и не имѣя большихъ средствъ, они ведутъ жизнь совершенно скромную; ихъ между всѣми студентами сейчасъ отличишь даже по платью, такъ какъ они носятъ обыкновенную черную одежду и не украшаютъ себя никакими корпораціонными знаками, орденами и цвѣтами.

Мало того: въ настоящее время уже во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ появляется все большее количество студентовъ, которые въ высшей степени неодобрительно относятся ко многимъ сторонамъ студенческаго быта: къ безмѣрному питью пива, постоянному сидѣнью въ кнейпахъ, къ выполненію смѣшныхъ обычаевъ и церемоній. Они совершенно справедливо утверждаютъ, что все это не только отвлекаетъ отъ серьезныхъ занятій и полезнаго чтенія, но совершенно развращаетъ юношей, слабыхъ характеромъ, по натурѣ нерѣдко весьма порядочныхъ, и губитъ здоровье подростяющаго поколѣнія. Особенно по-

рицають они дуэли. Нужно имѣть въ виду, что во всемъ мірѣ одни нѣмецкіе студенты разрѣшаютъ дуэлями споры о чести и всѣ свои недоразумѣнія. Эти дуэли не только существуютъ до сихъ поръ, но во многихъ нѣмецкихъ университетахъ онѣ даже обязательны: если бы студентъ отказался драться на дуэли хотя бы потому, что нѣтъ серьезной причины для вызова,—онъ подвергся бы полному презрѣнію со стороны товарищей. Теперь же наиболѣе развитые студенты уже смѣло высказываютъ горячее желаніе совсѣмъ упразднить студенческія дуэли и замѣнить ихъ судомъ чести. Можно ли ожидать въ скоромъ будущемъ такой перемѣны—неизвѣстно, такъ какъ въ Германіи даже образованнѣйшіе люди одобряютъ нравы и такіе обычаи студентовъ, въ которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ пошлаго молодечества и вреда для здоровья и кошелька молодыхъ людей.

ЛЮТЕРАНСКАЯ ВѢРА.

Какъ и почему появилась новая вѣра.—Лютеръ и его отношеніе къ католичеству.—Какъ лютеранская религія учитъ смотрѣть на духовныхъ лицъ.—Характерныя черты лютеранства.—Ученіе о таинствахъ.—Какъ происходятъ крестины.—Церкви.—Отношеніе германскихъ лютеранъ къ религіи.—Пасторы.

Въ Германіи $49\frac{1}{2}$ милліоновъ жителей. Преобладающая религія среди нихъ—лютеранская: ее исповѣдуетъ 62% (т.-е. 62 человекъ изъ 100); католиковъ въ этой странѣ только одна треть всѣхъ жителей, а именно 36%; остальные же 2% населенія исповѣдуютъ другія христіанскія религіи или еврейскую.

Сначала во всемъ христіанскомъ мірѣ существовала одна общая религія. Такимъ образомъ прежде не было ни православныхъ, ни католиковъ, ни протестантовъ, но были

только христіане. Эта общая для всѣхъ христіанъ церковь въ XI в. распалась на двѣ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ церкви—на восточную (православную) и римско-католическую съ римскимъ папою во главѣ. (Римско-католическая религія описана въ книгѣ: «Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Испанцы»).

Всевозможныя злоупотребленія папъ, грубость, алчность и развращенность католическаго духовенства и монаховъ, ихъ поборы, разорявшіе народъ, суевѣрія, которыя они распространяли среди него,—возбуждали на западѣ все бѣльшее недовольство. Наконецъ въ XVI ст. оно стало проявляться открыто. Ученый католическій монахъ Мартинъ Лютеръ въ Германіи, а скоро за нимъ и приходскій священникъ Цвингли въ Швейцаріи начали разоблачать гнусныя поступки католическаго духовенства. Эти вновь появившіеся обличители скоро пріобрѣли много союзниковъ, друзей и приверженцевъ какъ изъ среды людей образованныхъ—изъ профессоровъ, студентовъ, священниковъ, такъ и изъ лицъ высокопоставленныхъ. Всѣ они, теперь уже въ бѣльшемъ кругу людей, начали указывать на злоупотребленія католическаго духовенства. Нужно, однако, замѣтить, что новые обличители и проповѣдники, будучи сами ревностными католиками, и не думали сначала измѣнять католической религіи: они считали долгомъ указывать лишь на многочисленныя злоупотребленія католическаго духовенства. Но такъ какъ ревностные приверженцы католичества защищали все безъ разбора, то новые проповѣдники начали мало-помалу нападать и на нѣкоторыя темныя стороны католической религіи, а затѣмъ задѣвать и ея основныя догматы, указывая, что и они даютъ поводъ къ суевѣріямъ, лжи, неправдѣ и соблазну.

Въ 1529 г., на сеймѣ, было рѣшено преслѣдовать въ Германіи всѣхъ послѣдователей новаго ученія, которое

стало быстро распространяться, но новые проповѣдники, подъ руководствомъ князей и нѣмецкихъ государей, выразили противъ этого торжественный *протестъ*, — оттого-то всѣхъ послѣдователей новаго ученія начали называть *протестантами*.

Между проповѣдниками-реформаторами, которые въ дѣлѣ религіи рѣшили произвести реформу (преобразование), возникли большія несогласія, вызвавшія наконецъ расколъ въ самой протестантской церкви и распаденіе ея на нѣсколько сектъ, изъ которыхъ главными явились *лютеранская* и *реформатская*.

Протестантство стало быстро распространяться, и скоро въ западной Европѣ было множество послѣдователей протестантскаго исповѣданія. Вообще каждая изъ этихъ двухъ религій — католичество и протестантство — была принята тѣмъ или другимъ народомъ, характеру и умственному развитію котораго она наиболѣе соотвѣтствовала. Юго-западныя страны, какъ, на примѣръ, Испанія, Франція, Италія и другія, у жителей которыхъ прежде всего развиты воображеніе, фантазія, вообще чувства, а также любовь къ внѣшнему блеску, — удержали католицизмъ, придающій такое значеніе пышнымъ церемоніямъ и блестящей церковной службѣ и послѣдователи котораго считаютъ папу намѣстникомъ Христа и полновластнымъ владыкою своей церкви. Въ странахъ же сѣверо-западныхъ, между народами германскаго племени, у которыхъ болѣе преобладаетъ холодный разумъ, утвердилось протестантство. Родиной протестантства считается Германія: Лютеръ былъ основателемъ первой протестантской церкви, которую обыкновенно и называютъ лютеранской, по имени ея основателя.

Лютеранская вѣра отвергаетъ всякое значеніе древне-христіанскихъ преданій, святыхъ, учителей церкви, соборовъ и признаетъ одно только священное писаніе.

Въ духовныхъ лицахъ, какъ посредникахъ между Богомъ и христіанами, лютеранская религія не видитъ необходимости. Никто и ничто, объясняетъ она, не долженъ стоять между вѣрующими и Христомъ, между ними не должно быть никакихъ посредниковъ, никакихъ особыхъ носителей благодати,—однимъ словомъ, лютеранство провозглашаетъ ученіе о всеобщемъ священствѣ, то есть о равенствѣ всѣхъ вѣрующихъ передъ Богомъ, о правѣ каждаго лично обращаться къ Богу безъ всякаго посредничества со стороны духовенства. Тѣмъ не менѣе лютеране не могли совсѣмъ устранить духовенства: въ каждомъ приходѣ у нихъ существуетъ свой пасторъ, но на свое служеніе онъ не получаетъ никакого высшаго полномочія и посвященія, и притомъ его главная и первая обязанность — произносить проповѣди въ церкви.

Лютеранская вѣра совсѣмъ отвергаетъ главный догматъ католической религіи о главенствѣ папы и его непогрѣшимости. Лютеране находятъ, что главою церкви долженъ быть не папа, а только одинъ Господь Іисусъ Христосъ. Они не признаютъ также ни монашества, ни безбрачія духовенства. Въ этомъ отношеніи самъ Лютеръ подалъ первый примѣръ: онъ снялъ монашескую одежду и женился на одной бывшей монахинѣ; поэтому лютеранскіе пасторы — люди женатые.

Одинъ изъ главныхъ догматовъ лютеранства заключается въ томъ, *что личная вѣра, если только она глубока и вполне искренна, и въ то же время постоянное, непосредственное отношеніе вѣрующаго къ Богу имѣютъ болѣе значенія, чѣмъ всѣ внѣшніе подвиги благочестія.* Къ этимъ внѣшнимъ подвигамъ лютеране относятъ — путешествія къ святымъ мѣстамъ, аскетическіе подвиги самоотреченія въ родѣ монашества и безбрачія, обязательныя посѣщенія церкви, посты и обязательную

милостыню. Всѣ эти, по понятіямъ лютеранъ, внѣшніе подвиги, они не только отвергаютъ, какъ бесполезные для спасенія человѣка, но смотрятъ на нихъ даже какъ на вредные для его нравственности, такъ какъ подобные подвиги, по мнѣнію лютеранъ, развиваютъ въ христіанинѣ тщеславіе, самодовольство, суетность и лицемѣріе. Католики смотрѣли на внѣшніе подвиги благочестія, какъ на истинное благочестіе, и находили ихъ вполне достаточными для спасенія; Лютеръ же находилъ, что такой взглядъ приноситъ много вреда нравственности христіанъ и совсѣмъ отвергъ необходимость какихъ бы то ни было внѣшнихъ подвиговъ. Въ нравственномъ отношеніи лютеранство требуетъ отъ своихъ послѣдователей—правдивости, честности, человеколюбія, воздержанія и трудолюбія, но не самоотреченія.

Всю надежду на спасеніе лютеране возлагаютъ на одного Господа Іисуса Христа и находятъ излишнимъ обращаться съ просьбами о спасеніи, прощеніи грѣховъ и помощи къ Божіей Матери и другимъ святымъ. На этомъ основаніи они отрицаютъ молитвы и обращенія къ святымъ, такъ какъ это, по ученію лютеранской церкви, не только не имѣетъ никакого значенія въ дѣлѣ спасенія, но служитъ даже оскорбленіемъ Господа Іисуса Христа, единственно къ Которому только и слѣдуетъ обращаться безъ всякихъ посредниковъ. Самое же почитаніе святыхъ лютеране находятъ противорѣчащимъ вѣрѣ въ единого Бога, а также первой заповѣди Божіей. Прославленные святые для лютеранъ—только замѣчательныя историческія личности; почитаніе же изображеній святыхъ, ихъ мощей и всякихъ предметовъ, оставшихся послѣ святыхъ, лютеране считаютъ идолопоклонствомъ. Они отвергаютъ также молитвы за усопшихъ и смотрятъ на нихъ, какъ на дерзкую попытку измѣнить опредѣленіе Божіе относительно судьбы покойниковъ.

Лютеране стараются все упростить, какъ въ религіозной жизни своихъ послѣдователей, такъ и въ ихъ богослуженіи, но тутъ у нихъ болѣе противорѣчій, чѣмъ въ чемъ бы то ни было: отвергая иконы, церковныя украшенія и уничтожая бѣольшую часть службъ и обрядовъ католичества, они въ то-же время украшаютъ свои храмы изображеніемъ Распятія и удержали при богослуженіи пѣніе и музыку органовъ, а также колокольный звонъ и нѣкоторыя церковныя процессіи.

Лютеранская религія отвергаетъ и бѣольшую часть таинствъ. По ученію лютеранъ, таинства даны какъ для того, чтобы возбуждать въ христіанахъ вѣру, такъ и для того, чтобы эта вѣра давала возможность христіанамъ входить въ непосредственное общеніе съ Христомъ. Такъ какъ, по ученію Лютера, первородный грѣхъ уже прощенъ при крещеніи, то онъ считаетъ излишнимъ мѣропомазаніе и причисляетъ его лишь къ благочестивымъ обрядамъ. «Развѣ бракъ увеличиваетъ увѣренность въ спасеніи? Развѣ онъ развиваетъ и усиливаетъ вѣру въ Спасителя?» спрашиваетъ Лютеръ, и такъ какъ онъ отвѣчаетъ отрицательно на тотъ и другой вопросъ, то и не причисляетъ брака къ таинствамъ. Таинство елеосвященія имѣетъ цѣлью давать исцѣленіе отъ болѣзни, но такъ какъ и оно, по ученію Лютера, не усиливаетъ вѣры и не соединяется съ представленіемъ объ искупленіи и жертвѣ, принесенной за насъ Спасителемъ, то и его онъ не признаетъ таинствомъ. Но наибольшее негодованіе возбуждаетъ въ Лютерѣ даже мысль о священствѣ, какъ о таинствѣ. Священство, посредствомъ котораго духовенство дѣлается посредникомъ между Христомъ и христіаниномъ, по понятію Лютера, не возбуждаетъ, а подавляетъ вѣру и «заслоняетъ Христа своимъ нечестивымъ станомъ». И такъ, четыре таинства—мѣропомазаніе, бракъ, елеосвященіе и свя-

щенство—лютеранская религія совсѣмъ не признаетъ за таинства; въ покаяніи же она отвергаетъ устную исповѣдь и разрѣшеніе кающагося отъ грѣховъ: лютеране признаютъ необходимымъ лишь внутреннее сокрушеніе о грѣхахъ. Даже крещеніе и евхаристію (причащеніе), признаваемые лютеранами за настоящія таинства, они лишаютъ прежняго значенія.

Хотя лютеранская религія, какъ и всякая протестантская, представляетъ совершенную противоположность католической, но Лютеръ, будучи въ началѣ самъ католикомъ, невольно удержалъ кое-что изъ религіи, которую самъ исповѣдывалъ: такъ, напримѣръ, обливаніе при крещеніи.

У лютеранъ среднихъ и высшихъ классовъ Германіи крещеніе новорожденныхъ происходитъ въ домѣ родителей. Но бѣдные крестьяне крестятъ дѣтей въ церкви. Пасторъ собираетъ ихъ огуломъ по цѣлому десятку за-разъ и приглашаетъ воспріемниковъ стать возлѣ купели, или, лучше сказать, стола, въ углубленіи котораго вставлена металлическая тарелка. Пасторъ читаетъ молитвы, послѣ чего подходитъ къ каждой воспріемницѣ, которая держитъ ребенка, и, со словами молитвы, креститъ своею рукою лобъ и грудь новорожденнаго. Затѣмъ, обнаживъ головку дитяти, онъ три раза обливаетъ ее водою надъ этой тарелкой. Послѣ этого, продолжая держать надъ тарелкой головку ребенка, на него накидываютъ платокъ, за концы котораго берутся воспріемники. Опять слѣдуетъ молитва, знаменіе креста, и церемонія окончена. Такимъ образомъ ребенка крестятъ совершенно одѣтаго, обнажая только его головку.

Евхаристію (таинство причащенія) лютеране признаютъ таинствомъ, но отвергаютъ пресуществленіе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову. Можно подумать при этомъ, что Лютеръ совсѣмъ отвергаетъ таинственное присутствіе

Спасителя въ таинствѣ евхаристіи, но это не вѣрно. Отвергнувъ пресуществленіе, Лютеръ не отвергаетъ невидимаго присутствія Іисуса Христа во время этого таинства. «Хлѣбъ и вино не претворяются въ тѣло и кровь Христову», говоритъ Лютеръ, «хлѣбъ и вино по прежнему остаются хлѣбомъ и виномъ, но тѣмъ не менѣе Христосъ пребываетъ своимъ тѣломъ здѣсь же вмѣстѣ съ видимымъ хлѣбомъ».

Лютеране весьма равнодушно относятся къ своей религіи: лютеранскіе храмы, даже во время большихъ праздниковъ, никогда не бываютъ особенно переполнены. Это отчасти и понятно: лютеранскіе храмы не возбуждаютъ религіознаго воодушевленія; въ богослуженіи нѣтъ ни поэзіи, ни страсти. Неукрашенный, точнѣе сказать, голый храмъ не говоритъ чувству, и молящіеся какъ будто исполняютъ лишь свою обязанность, а не слѣдуютъ внутренней потребности сердца. Когда идетъ богослуженіе, не слышно и не видно горячихъ молитвъ собравшихся; поетъ нѣсколько лицъ, стоящихъ за органомъ, пасторъ читаетъ проповѣдь, и унылая служба кончается.

Нѣмецкіе пасторы живутъ особнякомъ, въ кругу своего семейства и родственниковъ: они такъ же далеки отъ народа, какъ и отъ высшаго класса общества. Еще въ деревнѣ, особенно когда недостаетъ партнера для карточной игры, помѣщики иногда приглашаютъ къ себѣ пастора, но тотъ въ такихъ случаяхъ всегда чувствуетъ себя неловко, въ положеніи чловѣка низшаго; въ городѣ же онъ никогда не появится въ обществѣ людей привилегированныхъ. Къ тому же пасторы въ Германіи—люди обыкновенно весьма небогатые, живутъ они чрезвычайно скромно, платье ихъ потерто, бѣлье не блеститъ особенной чистотой. Ни одна дѣвушка, имѣющая претензію на благородное происхожденіе, не пойдетъ за пастора замужъ. Простонародье,

особенно городское, съ предубѣжденіемъ смотритъ на пастора, который мало знаетъ своихъ прихожанъ и никогда не вмѣшивается въ ихъ дѣла. Въ среднемъ классѣ, изъ котораго пасторъ и самъ вышелъ и среди членовъ котораго онъ не чувствуетъ никакой неловкости, онъ также не имѣетъ значенія. Его духовный санъ не даетъ ему здѣсь особеннаго права на уваженіе, и съ нимъ обращаются, какъ со всѣми остальными: ему говорятъ «господинъ пасторъ», онъ не отказывается отъ картъ, трубки и пива, и его разговоры такіе же свѣтскіе, какъ и всѣхъ окружающихъ.

РЕЙНЪ.

Его значеніе для нѣмцевъ и обожаніе, которымъ онъ пользуется.—
Замки и соборы.—Скала Лорелен.—Рейнгау и его вино.

Трудно дать понятіе, какъ нѣмцы гордятся своимъ Рейномъ. Этотъ народъ, патріотичный до рабства, входящій въ восторгъ даже отъ вещей весьма посредственныхъ въ своемъ отечествѣ, совершенно падаетъ въ прахъ передъ Рейномъ, этой могучей, имѣющей для него во всѣхъ отношеніяхъ громадное значеніе и дѣйствительно прекрасной рѣкой. Не только берега Рейна и его ближайшія прибрежья, но вся область, по которой протекаетъ эта знаменитая рѣка (отъ границъ Швейцаріи до Голландіи), одна изъ благословеннѣйшихъ, роскошнѣйшихъ и красивѣйшихъ мѣстностей Европы. Вслѣдствіе этого, уже 2000 лѣтъ тому назадъ, въ рейнскую область постоянно стремились разные народы и оставили въ ней памятники различныхъ временъ. Безчисленное множество древнихъ замковъ и укрѣпленій всюду смотрятъ съ высоты скалъ въ зеленая воды Рейна; нѣкоторые изъ нихъ и теперь

цѣлы и невредимы, другіе представляютъ живописныя развалины. Рейнъ богатъ всевозможными воспоминаніями изъ различныхъ временъ, а также прекрасными соборами въ городахъ, изъ которыхъ самый знаменитый Кельнскій соборъ, построенный еще въ IX в. Много встрѣчается въ этой чудной рейнской области и живописныхъ развалинъ монастырей въ лѣсистыхъ долинахъ, и римскихъ построекъ и укрѣпленій. Къ тому же ни одна германская рѣка не окружена такимъ богатствомъ поэтическихъ преданій, какъ Рейнъ. Здѣсь нѣтъ ни одной скалы, ни одного уголка, ни одной башни и замка, ни одного горнаго выступа, съ которымъ не связано было бы народное преданіе о великихъ короляхъ и храбрыхъ герояхъ, о дивныхъ красавицахъ, объ ужасныхъ драконахъ, о добрыхъ и злыхъ духахъ.

Если въ рейнскую область стремились уже съ древнихъ временъ, то тѣмъ болѣе стремятся въ нее теперь, когда пути сообщенія такъ облегчены, когда на берегахъ рѣки возникло столько новыхъ городовъ. Но не только это притягиваетъ къ Рейну. Минеральные источники рейнской области, ея промышленные города, ея сочный виноградъ и прекрасное вино, ея величественные соборы, оригинальные замки, башни и укрѣпленія, самые разнообразныя историческіе памятники, желаніе видѣть чудныя картины природы, воспроизведенныя въ стихахъ и на полотнѣ лучшими европейскими художниками и поэтами, наконецъ, ея мягкій климатъ ежегодно привлекаютъ сюда многія тысячи путешественниковъ. Что касается нѣмцевъ, то для cadaго изъ нихъ нѣтъ болѣе счастья, какъ путешествовать по Рейну, или совершить по этой чудной рѣкѣ хотя увеселительную прогулку. Въ теплые дни множество вагоновъ переполнены пассажирами, совершающими такія увеселительныя прогулки въ какой-нибудь дивный уголокъ: они летятъ по рельсамъ, проложеннымъ по тому и другому берегу Рейна,

а также и на тысячѣ пароходовъ, прорѣзывающихъ его воды.

Ни одна рѣка не воспѣта такъ великими поэтами всего міра, какъ Рейнъ; что касается нѣмцевъ, то они прославили родную рѣку во множествѣ стихотвореній. Свою любовь къ Рейну нѣмцы, какъ и всѣ свои чувства, доводятъ до сентиментальности, восторженно привѣтствуютъ рѣку и относятся къ ней, какъ къ живому существу. Усаживаясь на пароходъ, чтобы отправиться по Рейну, вы безпрестанно слышите: «доброе утро, отецъ-Рейнъ», а при разставаніи: «прощай, отецъ-Рейнъ».

Значеніе Рейна для нѣмцевъ дѣйствительно велико. Рейнъ и Дунай—главныя нѣмецкія рѣки, но Рейнъ имѣетъ большое преимущество передъ Дунаемъ: это единственная въ Германіи альпійская рѣка, прокладывающая путь въ сердце Европы. Рейнъ и его берега служатъ великими путями сообщенія и торговли между югомъ и сѣверомъ, между Голландіей и Швейцаріей, Англіей и Италіей. Рейнъ, оставляя предѣлы Швейцаріи, гдѣ на скалистыхъ вершинахъ виситъ множество ледниковъ, которые доставляютъ ему огромныя массы водъ, стремящихся въ него съ бѣшеною силою, является однимъ изъ величайшихъ потоковъ Европы. Въ Рейнѣ соединяются всѣ условія, которыя придаютъ рѣкѣ огромное значеніе. Онъ впадаетъ въ море съ приливомъ и отливомъ, что очень важно для торговли, такъ какъ это облегчаетъ судоходство. Направляясь въ своемъ теченіи съ юга на сѣверъ, онъ не имѣетъ большихъ извилинъ и прерывается быстринами только въ одномъ мѣстѣ, и то на очень далекомъ разстояніи отъ устья. О значеніи рѣки можно судить уже и по числу поселеній на ея берегахъ: чѣмъ больше расположено на нихъ городовъ, тѣмъ важнѣе рѣка, а на Рейнѣ городовъ больше, чѣмъ на всякой другой рѣкѣ Германіи. Мало того, потребность въ поселеніи на

Рейнъ была всегда такъ велика, что въ ближайшемъ разстояніи отъ рѣки образовался другой такой же рядъ городовъ. Самая важная услуга, какую Рейнъ оказываетъ Германіи, состоитъ въ томъ, что онъ орошаетъ многочисленныя области. Нѣмцы имѣютъ полное право называть Рейнъ *нѣмецкой рѣкой*. Начиная отъ источниковъ и до устья, онъ уже издавна протекаетъ по нѣмецкимъ областямъ. Берега Рейна вмѣстѣ со всѣми своими притоками, за небольшими исключеніями, заселены нѣмцами, или, во всякомъ случаѣ, народами, говорящими по-нѣмецки. Рейнская область въ Германіи обладаетъ, наконецъ, прекраснѣйшимъ климатомъ. Рейнъ—самая западная изъ нѣмецкихъ рѣкъ; зима въ прибрежныхъ мѣстностяхъ этой рѣки не такъ сурова и лѣто не такъ жарко, какъ въ сѣверныхъ частяхъ Германіи. Безконечныя виноградники Рейна съ сѣвера защищены вѣтромъ горъ и открыты съ юга, какъ оранжерея. Весна наступаетъ здѣсь раньше, чѣмъ въ сѣверныхъ и восточныхъ частяхъ Германіи, а осень стоитъ дольше. Жителей сѣверной и восточной Германіи, пріѣзжающихъ сюда, пріятно поражаетъ различіе климата; вступивъ на почву этой благословенной области, имъ кажется, что они вступили въ область вѣчной весны. Еще вчера у себя, на своей суровой родинѣ, они видѣли только первые зеленые побѣги березъ, а черезъ сутки пути, здѣсь, они находятъ все въ полномъ цвѣтѣ. Виноградная лоза, которая и въ хорошіе годы приноситъ имъ дома только кислые плоды, покрываетъ здѣсь горныя склоны и даетъ вино лучшаго качества. Каштаны и миндальное дерево простираютъ изъ-за стѣнъ садовъ свои вѣтки, покрытыя чудными розовыми цвѣтами. Первое посѣщеніе рейнской долины въ прекрасное весеннее или лѣтнее время, а тѣмъ болѣе во время сбора винограда, производитъ самое пріятное впечатлѣніе на жителя болѣе суровыхъ мѣстностей Германіи.

На Рейнѣ не только о развалинахъ, башняхъ и замкахъ ходитъ множество разсказовъ, но каждая скала, каждый выступъ горы, который огибаетъ лодочникъ, каждое особое приключеніе изъ его жизни, несчастное происшествіе, даже историческіе факты, совершившіеся въ этой мѣстности и передаваемые изъ устъ въ уста, — все это въ теченіи вѣковъ преобразилось въ баллады, легенды и народныя преданія, иногда фантастическія и вымышленныя, иногда дѣйствительныя, иногда взятая изъ вѣрованій и сказаній древняго времени, но всегда поэтическія.

Между выступами горъ, или мысами, самымъ знаменитымъ считается скала Лорелея, — ее называютъ также «скалою скорби». Видъ этого мыса не представляетъ ничего особеннаго: это просто изборожденный временемъ большой выступъ скалы. У подошвы этого утеса теченіе очень быстро; прежде рѣка въ этомъ мѣстѣ была усѣяна опасными подводными камнями; вслѣдствіе этого суда часто разбивались и бывало много несчастій съ людьми. Одно изъ наиболѣе извѣстныхъ преданій о «скалѣ скорби» прекрасно передано Гейне, знаменитымъ нѣмецкимъ поэтомъ, въ его глубоко прочувствованномъ, поэтическомъ стихотвореніи «Лорелея». Вотъ отрывокъ изъ него:

„Прохладно. Ужъ день догораетъ,
И Рейнъ чуть лепечетъ струей;
Вершина горы вся сверкаетъ
Въ сіяньи зари золотой.
Сидитъ на вершинѣ, сіяя,
Чудесная дѣва-краса;
Блеститъ ея ткань золотая,
Ея золотая коса.
И волосы чешетъ, и съ милой
Усмѣшкою пѣсню поетъ;
Могучей, волшебною силою
Та пѣсня за сердце беретъ.
Той пѣсней безумно взволнованъ
И бѣдный рыбакъ въ челнокѣ;

Онъ взоромъ къ вершинѣ прикованъ,
 Не видитъ онъ скаль на рѣкѣ.
 И тонетъ бѣдняга: темнѣя,
 Пучина закрылась надъ нимъ,
 И сдѣлала то Лорелея
 Безжалостнымъ пѣньемъ своимъ“.

Проѣзжая мимо этой «скалы скорби», сколько глазъ поднимается вверхъ, къ сѣрому выступу, въ надеждѣ увидѣть хотя тѣнь красавицы Лорелеи, услышать хотя звукъ ея дивнаго голоса. Но ни въ горахъ, ни въ глубинѣ воды ничего не слышно и не видно, и только тому, кто проѣзжаетъ здѣсь вечеромъ, когда волны шумно разбиваются о скалы, когда луна обливаетъ своимъ таинственнымъ свѣтомъ камни, фантазія помогаетъ создать образъ чародѣйки Лорелеи, расчесывающей свою чудную косу.

Рейнъ притягиваетъ также путешественниковъ своимъ виномъ, пользующимся громкою славою. Область Рейнгау (отъ Майнца до Рюдесгейма) славится самыми лучшими виноградниками, и это въ то-же время красивѣйшая мѣстность на Рейнѣ. Тутъ на высокихъ холмахъ и на крутыхъ склонахъ растетъ самый великолѣпный виноградъ. Согрѣваемые палящими лучами южнаго солнца, защищенные отъ вредныхъ вѣтровъ высокою горною стѣною, виноградники Рейнгау пользуются самымъ пріятнымъ климатомъ и приносятъ прекрасные плоды. Рейнгау уже въ давно прошедшія времена славился своими виноградниками. Названіе каждой мѣстности есть въ то же время названіе какого-нибудь особеннаго вина, извѣстнаго и любимаго: «Юганвисбергское», «Штейнбергское» и т. д. напоминаютъ вино особеннаго вкуса и находятся въ мѣстностяхъ, названіе которыхъ они носятъ.

Нѣмцы считаютъ свое рейнское вино лучшимъ въ свѣтѣ и воспѣваютъ его гораздо больше, чѣмъ это сдѣлано другими народами относительно своихъ собственныхъ

винъ. Нѣтъ счета нѣмецкимъ писателямъ, прославляющимъ это вино въ стихахъ и прозѣ, но особенно странно то, что даже очень талантливые и умные нѣмецкіе писатели, разсуждающіе о достоинствѣ рейнскаго вина, обыкновенно приходятъ отъ него въ такой восторгъ, что совершенно забываютъ чувство мѣры, а нерѣдко и самый смыслъ. Они провозглашаютъ рейнское вино въ такой степени благороднымъ напиткомъ, что оно будто бы требуетъ «глубокой философской оцѣнки». Другіе придаютъ ему даже нравственное значеніе: «оно не только», говорятъ они, «уничтожаетъ гнетущее, мрачное настроеніе, но возбуждаетъ умъ, вселяетъ лучшія мысли, укрѣпляетъ энергію для борьбы за святое дѣло родины»,—все это говорится не только серьезно, но торжественно, строго и внушительно. Многіе нѣмецкіе писатели, восхваляя рейнское вино, видятъ въ этомъ средство возвеличить свое отечество, свою нѣмецкую національность на счетъ другихъ народовъ: «вина французскія, испанскія, итальянскія,—все это напитки безъ мысли,—можетъ быть потому ни одинъ народъ и не умѣетъ пить такъ вино своей родины, какъ нѣмецъ. Свое рейнское вино онъ пьетъ съ разсудкомъ, такъ какъ оно возбуждаетъ умъ и вызываетъ чувства». Между тѣмъ выше мы видѣли, что свое пиво и вино нѣмецъ далеко не всегда пьетъ съ полнымъ разсудкомъ.

Ко всему сказанному необходимо прибавить, что не все одинъ восторгъ и въ рейнской области: на ряду съ средне-вѣковыми замками, живописными развалинами, современными дворцами знати, древними соборами поразительной красоты и роскошнѣйшими домами богатыхъ владѣльцевъ виноградниковъ, лежатъ и въ высшей степени бѣдные округа, въ которыхъ селятся виноградари: эти бѣдняки часто по полугоду живутъ въ проголодь, а въ годы неурожайные на виноградъ и совсѣмъ бѣдствуютъ. Но съ

жизнію и положеніемъ нѣмецкихъ рабочихъ читатель подробно познакомится ниже, въ очеркахъ, имъ особо посвященныхъ.

ШВАРЦВАЛЬДЪ.

Природа страны и ея жители.—Ихъ одежда и занятія: деревянные издѣлія, плетеніе изъ соломы и часовая промышленность.

Шварцвальдъ — чрезвычайно гористая юго-западная мѣстность Германіи (находится на правомъ берегу Рейна и начинается близь того пункта, гдѣ эта рѣка поворачиваетъ на сѣверъ), съ очень высокими вершинами, покрытая громадными, преимущественно хвойными лѣсами. Вотъ отъ этихъ-то безконечныхъ и темныхъ лѣсовъ эта страна и получила названіе Шварцвальда, что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ черный лѣсъ. Чѣмъ выше поднимаешься на горы Шварцвальда, тѣмъ менѣе встрѣчаешь жилищъ, тѣмъ бѣднѣе растительность. Однако здѣсь и на высотахъ нѣтъ слишкомъ негостепріимныхъ уголковъ; чаще встрѣчаешь оживленную горную страну, прорѣзанную дорогами и тропинками, вспаханную и засѣянную, гдѣ только возможно. Тѣмъ не менѣе виноградники, которые всюду преслѣдовали путешественника по берегамъ Рейна и близь этой рѣки, смѣняются здѣсь уже рожью, а еще выше — рожь уступаетъ мѣсто овсу, и, наконецъ, на высотѣ болѣе 2500 ф. надъ уровнемъ моря, населеніе воздѣлываетъ только картофель. Такое же различіе и въ климатѣ: у подножія горъ Шварцвальда почти не знаютъ настоящей зимы, а только холода, вѣтры, слякоть и изморозки въ продолженіи 2—3 мѣсяцевъ; по крайней мѣрѣ 8 мѣсяцевъ въ году здѣшній крестьянинъ занятъ полевыми работами; между тѣмъ на вершинахъ снѣгъ падаетъ уже въ концѣ

сентября и лежитъ до половины апрѣля. Такимъ образомъ Шварцвальдъ—одна изъ мѣстностей Германіи, гдѣ рядомъ съ суровыми картинами природы можно встрѣтить живописные уголки.

Красивые города разсѣяны въ низменностяхъ по всему Шварцвальду и стоятъ обыкновенно подлѣ рыцарскихъ замковъ. Шварцвальдскія деревни состоятъ какъ изъ большихъ, богатѣйшихъ крестьянскихъ дворовъ, такъ и изъ маленькихъ хижинъ, разбрсанныхъ по склонамъ горъ. Здѣсь наряду съ маленькими хижинами, хозяевамъ которыхъ принадлежатъ ничтожные куски земли, встрѣчаются и въ высшей степени зажиточные крестьяне, владѣющіе землею въ сотни десятинъ. Это происходитъ оттого, что тутъ существуетъ обычай *миноратства*, по которому младшій сынъ остается наслѣдникомъ земли и всего имущества родителей. Старшимъ братьямъ онъ выдѣляетъ самые ничтожные участки, на которыхъ можно разбить нѣсколько грядъ картофеля и содержать одну корову или двѣ козы. Вотъ потому-то многіе крестьяне владѣютъ здѣсь огромными участками земли и живутъ настоящими помѣщиками. Они гордо смотрятъ на остальныхъ крестьянъ и держатъ нерѣдко болѣе дюжины работниковъ. Обширные лѣса такого владѣтельнаго крестьянина даютъ ему достаточное количество дровъ; на горныхъ склонахъ онъ распахиваетъ цѣлыя полосы, сѣетъ хлѣбъ и картофель и въ то-же время получаетъ порядочный доходъ съ коры деревьевъ. Его нивы орошаются многочисленными ручейками, текущими по склонамъ, и онъ старательно за ними ухаживаетъ, что при большомъ числѣ рабочихъ рукъ и не затруднительно. На склонахъ расположены прекрасныя пастбища, и въ хлѣвѣ богатаго крестьянина вы найдете штукъ 30—40 рогатаго скота и нѣсколько лошадей. Бокъ-о-бокъ съ богатыми и огромными крестьянскими дворами

живутъ владѣльцы небольшихъ участковъ земли, часто старшіе братья, выдѣленные изъ хозяйства своимъ младшимъ братомъ. Когда они не заняты работой на собственномъ маленькомъ хозяйствѣ, нѣкоторые изъ нихъ нанимаются работать у богатыхъ крестьянъ, часто своихъ близкихъ родственниковъ.

Въ домахъ богатыхъ крестьянъ очень удобная обстановка, нерѣдко можно найти мягкую мебель, даже фортепіано и шкафъ съ хорошей фарфоровой посудой. Въ жилищахъ бѣдныхъ крестьянъ обстановка самая простая, но, несмотря на это, и у нихъ всегда есть часы, а иногда ихъ бываетъ по нѣскольку, на окнахъ же красуются цвѣты. У каждаго домика небольшой колодезь, и нерѣдко подлѣ него находится часовня съ небольшимъ колоколомъ, которымъ сзываютъ на утреннюю и вечернюю молитву.

Зайдите въ одинъ изъ чистенькихъ шварцвальдскихъ домиковъ, и вы всегда будете радушно приняты. На столѣ вы найдете нѣсколько газетъ: шварцвальдскіе крестьяне интересуются политикой, любятъ читать, спорить и поговорить о томъ, что происходитъ на божьемъ свѣтѣ. Ихъ любознательность особенно развѣрывается въ трактирѣ, который существуетъ въ каждой деревнѣ. Комната трактира большая, свѣтлая, и на стѣнахъ ея висятъ литографическіе портреты Шиллера и Гете, — знаменитыхъ нѣмецкихъ писателей. Посѣтителей всегда много: это дровосѣки, плотовщики, часовые мастера и другой рабочій людъ Шварцвальда. Они горячо спорятъ о правительственныхъ распоряженіяхъ, о только что прочитанной статьѣ.

Одежда мужчинъ — короткіе, до колѣнъ доходящіе панталоны, чулки и башмаки съ пряжками. На головѣ круглая поярковая шляпа; на груди свѣтлый, но чаще всего ярко-красный жилетъ. Женщины носятъ короткую юбку со складками, пестрый корсажъ, изъ подъ котораго видны

бѣлые, вышитые рукава рубахи, и цилиндрическую шляпу съ небольшими полями; у нѣкоторыхъ эти шляпы бывають очень высоки и громоздятся на головѣ, въ видѣ башни.

Шварцвальдъ богатъ лѣсами, но за то земледѣліе сопряжено здѣсь съ большими трудностями и главнымъ образомъ ограничивается разведеніемъ ржи, овса и картофеля. Самая важная отрасль сельскаго хозяйства—скотоводство. Поэтому болѣе другихъ между жителями Шварцвальда встрѣчается дровосѣковъ, пастуховъ, плотовщиковъ, ремесленниковъ, приготовляющихъ деревянныя издѣлія, а также часовщиковъ, которые среди здѣшняго рабочаго люда занимають самое почетное мѣсто. Лѣса, которыми богатъ Шварцвальдъ, не только составляютъ главный источникъ дохода для ихъ владѣльцевъ, но они даютъ заработокъ и огромной массѣ бѣднаго люда, занимающейся рубкою, распиливаніемъ и перевозкою лѣса. Одну часть лѣса рубятъ на дрова, другую часть распиливають на лѣсопильняхъ и отправляють на плотяхъ въ разные города.

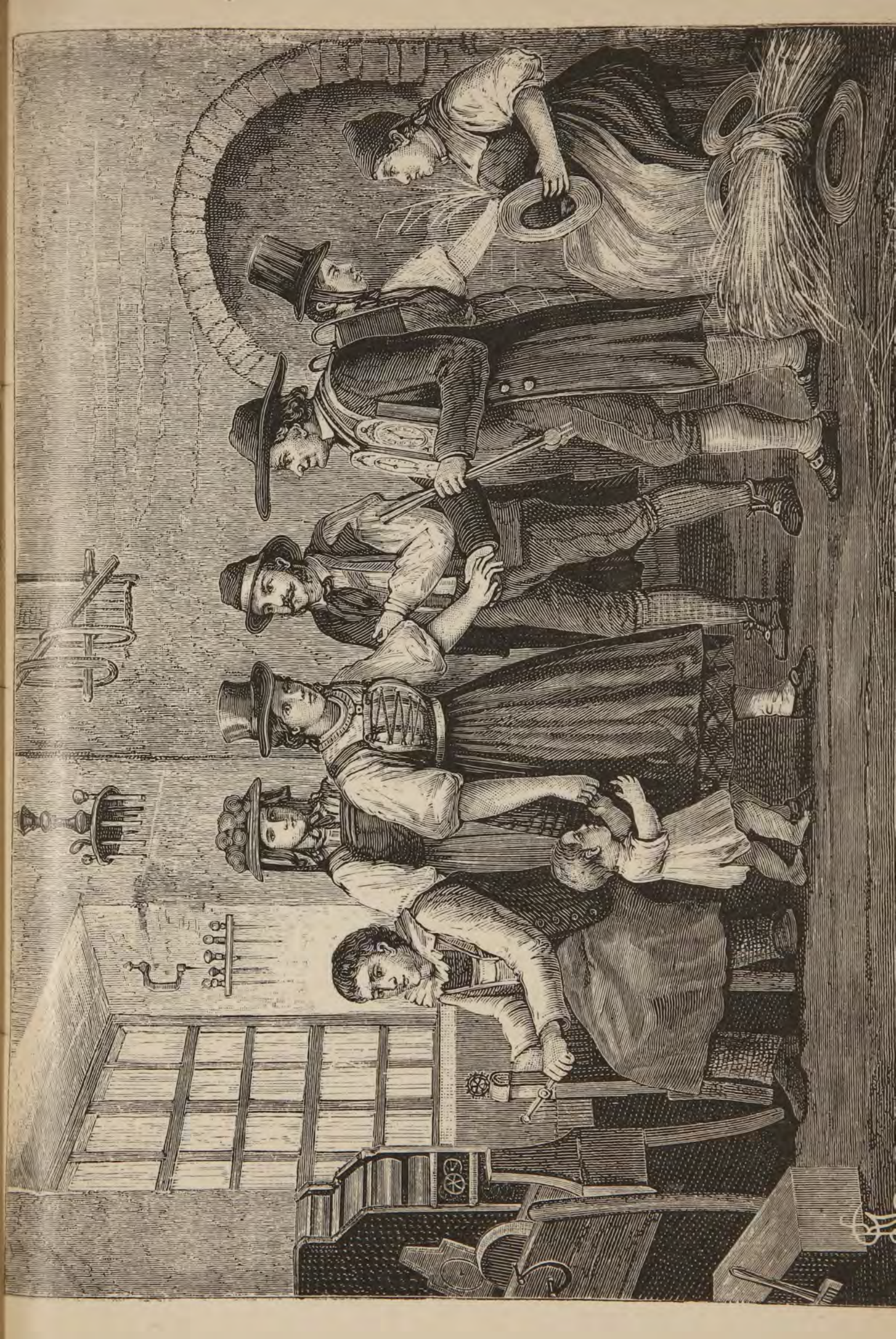
Однако ни лѣса, ни пастбища горныхъ вершинъ, ни поля и сады долинъ не достаточны для прокормленія мѣстнаго населенія, слишкомъ многочисленнаго сравнительно съ источниками пропитанія. Вслѣдствіе этого жители многихъ деревень недавно въ большомъ числѣ переселились въ Америку, да и теперь отсюда зимою отправляются массами за границу искать заработковъ; тѣ, которые остаются дома, занимаются мелкими промыслами или ремеслами. И для этихъ ремеслъ матеріаломъ служить то же дерево; множество рукъ занято приготовленіемъ изъ него самыхъ разнообразныхъ издѣлій: деревянной обуви, бочекъ, деревянной посуды. Рабочіе, занимающіеся приготовленіемъ изъ дерева различныхъ предметовъ, выбираютъ изъ своей среды нѣсколькихъ человѣкъ, которымъ поручають про-

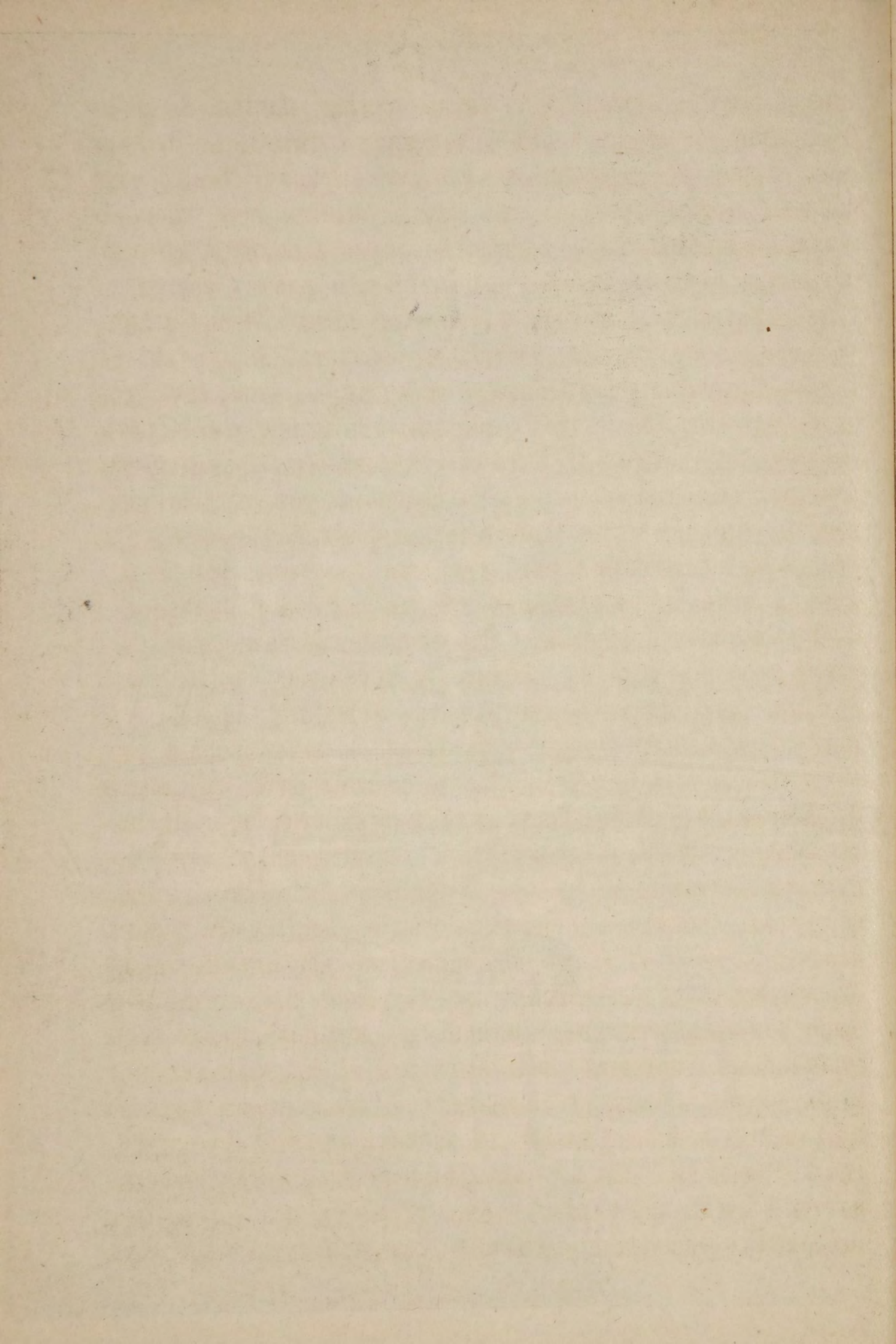
дажу своихъ произведеній. Эти торговцы, съ товаромъ на плечахъ, странствуютъ не только на родинѣ, но и за границей. Между женщинами особенно сильно распространено плетеніе шляпокъ изъ соломы. Плетеніемъ соломы занимаются здѣсь уже издавна, и это ремесло весьма усовершенствовалось въ прошломъ столѣтіи. Въ Шварцвальдѣ тоже уже издавна существовало стеклянное производство. Особые разнощики продавали свои стеклянные товары не только у себя, но и внѣ своей родины, и познакомили своихъ домашнихъ со способомъ плетенія соломы итальянцевъ и швейцарцевъ, которые уже издавна пріобрѣли громкую извѣстность плетеніемъ соломенныхъ шляпъ. Шварцвальдскія женщины употребляютъ ржаную солому и срѣзываютъ ее прежде, чѣмъ колосъ созрѣетъ; когда онѣ ее выбѣляютъ, то металлической иглой раскалываютъ каждую соломинку на пять и на десять частей, сплетаютъ эти части въ узкія и очень длинныя полоски. Эти полоски онѣ продаютъ на фабрики, и изъ нихъ уже тамъ готовятъ шляпы, но очень многія женщины и шляпы дѣлаютъ дома. Зимой все семейство, по крайней мѣрѣ всѣ женщины и дѣти, цѣлый день занимаются плетеніемъ соломы. Эта работа перешла въ такую привычку, что женщины часто продолжаютъ плести, когда отправляются въ деревню или на рынокъ, даже въ то время, когда у нихъ на головѣ тяжелыя корзины.

Самый извѣстный промыселъ Шварцвальда, — приготовленіе часовъ. Хотя здѣсь существуютъ фабрики и множество мастерскихъ для приготовленія часовъ, но во многихъ мѣстностяхъ этой гористой и лѣсной страны крестьяне занимаются этою работою и у себя дома. Во многихъ хижинахъ всѣ мужчины семейства неустанно трудятся надъ стѣнными и столовыми часами, жена и дочери плетутъ солому и прядутъ, подростки раскрашиваютъ

циферблаты часовъ, — всѣ члены семьи заняты съ утра до поздняго вечера, кромѣ маленькихъ дѣтей 5—6-лѣтняго возраста, играющихъ тутъ же на полу. Когда нѣсколько штукъ часовъ уже готово, одинъ изъ членовъ семьи привязываетъ ихъ себѣ на грудь и спину и отправляется въ городъ, гдѣ онъ сбываетъ свою работу торговцу. Шварцвальдскіе столовые и стѣнные часы очень разнообразны: полусуточные, которые заводятъ два раза въ сутки, суточные, недѣльные, мѣсячные и, наконецъ, годовые, то-есть такіе, которые заводятъ лишь одинъ разъ въ годъ. Нѣкоторые изъ этихъ часовъ — съ различными затѣями: съ фигурами, съ кукушками, съ автоматами, которые приходятъ въ движеніе во время боя часовъ. Въ часахъ съ фигурами, при каждомъ движеніи маятника, фигура монаха, часового или животнаго дѣлаетъ какое-нибудь особенное движеніе: выворачиваетъ глаза, поворачиваетъ голову и т. п. Въ часахъ съ трубачомъ, когда часы должны бить, открывается дверца, выходитъ трубачъ и подаетъ сигналъ; въ часахъ, украшенныхъ кукушкой, она кукуетъ въ то время, когда часы должны бить; въ часахъ съ автоматами изображаютъ пирующихъ гулякъ, желѣзнодорожные поѣзда на всемъ ходу, прыгающихъ птичекъ, корабли, качающіеся на волнахъ; движеніе всѣхъ этихъ фигуръ совершается посредствомъ пружинъ. На всѣхъ европейскихъ выставкахъ шварцвальдскіе часы привлекаютъ огромную толпу любопытныхъ. На одной изъ выставокъ было обращено всеобщее вниманіе на шварцвальдскіе часы съ птицами, которыя перепрыгивали съ вѣтки на вѣтку и въ то же время насвистывали цѣлыя пѣсни, удачно подражая соловью, канарейкѣ, зяблику, малиновкѣ и другимъ птицамъ. Тутъ же были выставлены и другіе часы, которые очень забавляли дѣтей. На однихъ изъ нихъ былъ изображенъ «любитель клецокъ»: голодный человѣкъ сидитъ

за столомъ, на которомъ стоитъ тарелка съ клецками, хватаетъ ихъ вилкой одну за другой, широко раскрываетъ ротъ и глотааетъ ихъ. Это представлено такъ искусно, что кажется, будто онъ дѣйствительно глотааетъ клецки. Въ Шварцвальдѣ готовятъ также часы съ барабаннымъ боемъ и съ музыкой. На различные часы существуютъ и разныя цѣны: тутъ готовятъ маленькіе часы въ деревянной оправѣ, по 40—50 к., а часы съ музыкой или барабаннымъ боемъ, гдѣ каждый часъ мѣняется мелодія, стоятъ отъ 100 до 400 р.

Кромѣ столовыхъ часовъ съ кукушкой, трубачомъ и тому подобныхъ, въ Шварцвальдѣ занимаются приготовленіемъ карманныхъ часовъ. Тамъ, гдѣ существуетъ эта работа, практикуется раздѣленіе труда, благодаря которому все это ремесло распалось на отдѣльныя занятія: одинъ дѣлаетъ рамы для часовъ, другой выливаетъ латунныя колеса и колокольчики, третій дѣлаетъ цѣпочки, одинъ разрисовываетъ циферблаты, этотъ зазубриваетъ колеса, тотъ насаживаетъ ихъ и т. д. Между тѣмъ приготовленіе простыхъ столовыхъ часовъ не подвергается такому раздѣленію труда и представляетъ результатъ работы цѣлаго семейства, въ которомъ надъ болѣе трудными частями механизма работаютъ старшіе и болѣе опытные работники, а надъ простыми и менѣе сложными—младшіе члены, а очень часто и дѣти.

Приготовляя часы съ музыкой еще въ прошломъ столѣтіи, шварцвальдцы развили въ себѣ музыкальныя способности и стали дѣлать небольшіе музыкальныя ящики, а затѣмъ и органы, называемые у нихъ оркестріонами. Оркестріонъ играетъ большія музыкальныя вещи и замѣняетъ собою множество духовыхъ инструментовъ: флейту, фаготъ, рожокъ, трубу и многіе другіе. Для каждой пьесы вставляютъ новый валикъ. Но эти оркестріоны пригото-

ляютъ уже не на дому, а въ мастерскихъ, съ большимъ числомъ рабочихъ. Шварцвальдцы прославились своими оркестріонами, или органами, которые выписываетъ у нихъ вся Европа, и запросъ на нихъ увеличивается съ каждымъ годомъ, такъ какъ ихъ все болѣе начинаютъ употреблять въ гостиницахъ.

Люди, занимающіеся часовымъ промысломъ въ Шварцвальдѣ, живутъ гораздо лучше, чѣмъ остальные крестьяне. Каждый, даже самый мелкій мастеръ, имѣетъ собственный домъ, въ которомъ и занимается часовымъ промысломъ; при домѣ участокъ земли въ 1—2 десятины. Земля, конечно, не много даетъ, и всѣ расходы мастеръ покрываетъ доходами отъ часового промысла.

Число лицъ, занятыхъ часовой промышленностью въ Шварцвальдѣ, доходитъ до 15.000 человѣкъ, а количество ежегодно изготовляемыхъ часовъ—болѣе 4-хъ милліоновъ штукъ.

Сознавая всю важность часового промысла, правительство уже давнымъ давно нашло необходимымъ улучшить способъ фабрикаціи часовъ. Съ этою цѣлью была устроена школа для обученія часовому ремеслу, которая должна была усовершенствовать способы труда и обучить болѣе тонкому производству карманныхъ часовъ и часовъ съ гириями, отдѣлать отъ часового мастерства приготовленіе футляровъ, раскрашиваніе циферблатовъ,—однимъ словомъ, мало-по-малу вводитъ раздѣленіе труда. Школа, хотя существовала лишь нѣсколько лѣтъ, дала прекрасные результаты: когда на рынкахъ Европы появились шварцвальдскіе часы болѣе тонкой работы, явился и несравненно большій спросъ на нихъ. Теперь нѣтъ уже почти ни одной страны въ Европѣ, куда бы не проникали шварцвальдскіе часы.

ЭССЕНЬ.

Крупшовскіе заводы.—Каменно-угольныя залежи.

Къ востоку отъ Рейна (между рѣками Руромъ и Липпе) находится Эссенъ, который не только считается однимъ изъ замѣчательныхъ фабричныхъ городовъ, но и получилъ всемірную извѣстность своимъ *сталелитейнымъ заводомъ*, такъ какъ онъ поставляетъ во всѣ государства знаменитыя пушки изъ литой стали, которымъ нѣтъ равныхъ. Эссенъ въ то же время мѣстожителство Круппа, хозяина этого знаменитаго завода, «царя желѣза», «всемірнаго поставщика смерти», милліонера, который изготовленіемъ орудій смерти нажилъ себѣ громадное состояніе, устроилъ на родинѣ съ баснословнымъ блескомъ и роскошью свои дворцы, въ которыхъ онъ принимаетъ коронованныхъ особъ, и купилъ въ Испаніи лучшіе рудники въ Европѣ. Оттуда, на собственныхъ корабляхъ, онъ перевозитъ въ Эссенъ руду, а его собственные вагоны подвозятъ ее къ самымъ мастерскимъ.

Еще далеко отъ Эссена виденъ дымъ безчисленнаго множества трубъ. Воздухъ города, пропитанный дымомъ, смѣшаннымъ съ сажей, гарью, копотью, цѣлый день поднимается вверхъ черными исполинскими столбами, заволакивающими небо и все окружающее. Внѣшность города далеко не привлекательна: дома и постройки, прокопченные сажей и дымомъ множества фабричныхъ трубъ, имѣютъ совершенно грязный видъ. На городскихъ бульварахъ только изрѣдка можно встрѣтить двухъ-трехъ гуляющихъ дамъ, женъ и дочерей управляющихъ фабриками, инженеровъ и надсмотрщиковъ,—вся жизнь и движеніе сосредоточены на заводѣ. Громадное большинство жителей этого города—католики, доказательства чего вы

встрѣчаете здѣсь на каждомъ шагу. Въ витринахъ магазиновъ выставлены портреты римскаго папы, янтарныя четки, крестики, фарфоровые ангельчики, молящіяся монахини. Но рабочими на заводѣ являются какъ протестанты, такъ и католики, и они живутъ между собою совершенно мирно. Во время религіозныхъ преслѣдованій католиковъ протестанты стали было недружелюбно относиться къ нимъ и даже тѣснить ихъ. Тогда Круппъ, хозяинъ завода, собралъ своихъ подчиненныхъ и сказалъ имъ: «я не желаю, чтобы ко мнѣ проникали религіозныя распри; здѣсь нѣтъ другой религіи, кромѣ религіи труда. Хотя я самъ протестантъ, но у меня всегда было больше католическихъ рабочихъ, и я никогда не замѣчалъ несогласія между ними и протестантами». И дѣйствительно, религіозные раздоры скоро совсѣмъ прекратились, и все пошло по старому.

Взобравшись на какой-нибудь возвышенный пунктъ въ самомъ городѣ, лучше всего познакомишься съ его внѣшностью. Со всѣхъ сторонъ рельсы трехъ желѣзныхъ дорогъ, какъ желѣзнымъ поясомъ, охватываютъ городъ. Куда ни взглянешь, только и видишь громадныя локомотивы, которые двигаются по всѣмъ направленіямъ, черныя холмы нагроможденнаго угля и трубы, трубы безъ конца. Безконечное количество самыхъ разнообразныхъ зданій, этотъ особый городъ въ городѣ—и есть знаменитый сталелитейный заводъ Круппа. Всѣ послѣднія побѣды нѣмцевъ Германіи были выкованы его молотами. Въ высшей степени гнетущее, тяжелое впечатлѣніе оставляетъ этотъ адскій заводъ, рабочіе котораго съ такимъ прилежаніемъ выковываютъ орудія смерти для своихъ собратій.

Въ Эссенѣ болѣе 75 тысячъ жителей, и народонаселеніе этого города увеличивается съ необыкновенной быстротой. Этимъ быстрымъ развитіемъ городъ прежде всего

обязанъ своимъ огромнымъ каменноугольнымъ залежамъ. Вся мѣстность между рѣками Руромъ и Липпе, къ востоку отъ Рейна, пользуется этими залежами, и потому здѣсь уже издавна непрерывнымъ рядомъ тянутся одинъ за другимъ заводы и фабрики. Каменный уголь, по справедливости, называютъ «хлѣбомъ промышленности», такъ какъ въ Германіи онъ даетъ работу огромному количеству людей (болѣе 260.000 чел.), и по расчету онъ еще на много столѣтій останется неистощимымъ источникомъ богатства.

Разработка каменнаго угля и содѣйствовала болѣе всего развитію желѣзной промышленности, центромъ которой является Крупповскій сталелитейный заводъ. Круппъ постоянно получаетъ заказы военныхъ снарядовъ, то изъ одного конца міра, то изъ другого и какъ-то онъ самъ послалъ отъ себя въ подарокъ султану пушку, которая стоила на наши деньги болѣе 175,000 руб. Нужно однако замѣтить, что его заводъ занимается фабрикаціею не только военныхъ снарядовъ: здѣсь приготавливаютъ рельсы для желѣзныхъ дорогъ, оси для пароходовъ, ободки для колесъ, сталь для струнъ и для инструментовъ и т. п. до безконечности.

Чтобы составить себѣ понятіе о громадныхъ размѣрахъ Крупповскаго завода, мы назовемъ хотя самыя главныя учрежденія. Здѣсь существуютъ: 1,648 плавильнень, 298 паровиковъ, 77 паровыхъ молотовъ, 294 паровыхъ машины, 1,063 разныхъ другихъ машинъ: токарныхъ станковъ, машинъ для струганія и др.; нѣсколько десятковъ прессовъ, множество точильныхъ машинъ, машинъ для полировки и еще много другихъ. При сталелитейномъ заводѣ имѣется больница, а также лазаретъ для больныхъ. Въ окрестностяхъ Эссена построено 3250 квартиръ для рабочихъ. Мѣсто, занятое этими постройками,

такъ велико, что пересѣкается широкими улицами. Для служащихъ существуетъ 150 особыхъ квартиръ. При этой колоссальной колоніи устроены и особыя булочные, пекарни, скотобойня, лавки колоніальныхъ товаровъ, сапожныя и портняжныя мастерскія, гостиница для прїѣзжающихъ, нѣсколько пивныхъ съ билліардами, однимъ словомъ годовой оборотъ только здѣшнихъ торговыхъ заведеній простирается до милліона рублей на наши деньги. Кромѣ названныхъ заведеній тутъ не мало и разнообразныхъ школъ.

Круппъ такъ боится, чтобы не открыли секретъ его фабрикаціи, что во многихъ мѣстахъ на стѣнѣ, которою окруженъ его заводъ, прибито объявленіе на трехъ языкахъ, гласящее: «предупреждаютъ публику, что всякая просьба о посѣщеніи заведенія будетъ встрѣчена отказомъ». Да и не только посторонніе, даже ни одинъ рабочій не осматривалъ всего завода, на которомъ работаетъ. Всѣ рабочіе завода (ихъ болѣе 25.000) подчинены военной дисциплинѣ. Они раздѣлены на взводы, которыми командуютъ особые начальники, а мастерскія до того напоятъ укрѣпленные лагери, что даже сосѣди не знаютъ, что въ нихъ дѣлается. Тотъ, кто изъ начальниковъ завода особенно строго охраняетъ секреты мастерскихъ, получаетъ особую награду.

Всѣ фабричныя помѣщенія обнесены оградой, а весь заводъ окруженъ стѣной. Передъ каждымъ входомъ и выходомъ день и ночь стоитъ сторожъ въ особой будкѣ. Ночью особенно тщательно осматриваетъ все зданіе пожарная команда фабрики, которая въ то же время составляетъ и полицію.

БАВАРІЯ.

Значеніе пива для баварца.—Пивныя революціи.—Религія народа.—Крестьянскій домъ.—Крестьянская аристократія.—Положеніе работниковъ въ семействѣ баварскаго крестьянина.—Кулачные бойцы.—Поединки и состязанія.—Сатирическія пѣсенки.—Тайный народный судъ.—Любовь баварца къ танцамъ и представленіямъ.—Деревня Обераммергау.—Крестьяне-актеры: ихъ жизнь и представленіе драмы страстей Господнихъ.

Страсть къ пиву и умѣнье превосходно готовить его—характерная черта нѣмцевъ, и этимъ они отличались уже съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Изъ всѣхъ странъ Германіи первенство приготовленія пива принадлежитъ Баваріи. Ни въ одной мѣстности Германіи употребленіе этого національнаго напитка не доходитъ до такихъ размѣровъ, какъ въ Баваріи. Общественные и семейные праздники, увеселенія, радость и горе, веселое и печальное извѣстіе, начало и конецъ каждаго предпріятія, однимъ словомъ, самое ничтожное событіе баварецъ неизмѣнно встрѣчаетъ за кружкою пива. Баварскія крестьянки имѣютъ обычай даже грудныхъ дѣтей поить пивомъ. Всѣ разговоры, всѣ интересы вертятся около пива. Трудно представить, до какой страсти доходитъ у баварца любовь къ пиву. Въ своей родине его очень скоро одолеваетъ смертельная тоска, которая, мало-по-малу, какъ червь, подтачиваетъ его, до тѣхъ поръ необыкновенно крѣпкій, организмъ. Съ этой смертельной тоской ему болѣе всего приходится бороться въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ пива или гдѣ оно дурного качества. На пиво и на громадное потребленіе его баварцами существуетъ множество поговорокъ и пословиць. Нѣмцы говорятъ о баварцѣ, что онъ *бочка для пива*, когда встаетъ, и *бочка пива*, когда ложится. Многимъ бѣднякамъ пиво въ Баваріи замѣняетъ супъ и хлѣбъ, и когда цѣна на него хотя нѣсколько воз-

вышається, вспыхиваетъ пивная революція, которая быстро охватываетъ всю страну. То же самое случается и тогда, когда появляется пиво плохого качества. Въ 1844 г., въ Мюнхенѣ, главномъ городѣ Баваріи, народъ перебилъ стекла королевскаго дворца и громадными толпами съ угрозами и криками расхаживалъ по улицамъ изъ-за того, что бутылка пива вздоржала на полкопѣйки. Въ Баваріи, гдѣ каждый житель въ среднемъ ежедневно выпиваетъ приблизительно отъ 6 до 8 бут., вздоржаніе пива даже на полкопѣйки имѣетъ огромное значеніе. Рабочему, при этомъ повышеніи, приходится въ мѣсяць тратить болѣе прежняго отъ 84 к. до 1 руб. 12 коп. на наши деньги,—а это для него не шутка, особенно если принять во вниманіе, что заработокъ его въ это время не увеличивается.

И такъ баварцы, по своей любви къ пиву, походятъ на всѣхъ остальныхъ нѣмцевъ Германіи, даже превосходятъ ихъ всѣхъ въ этомъ отношеніи, но зато по своимъ нравамъ, обычаямъ и религіи они сильно отличаются отъ нихъ. Громадное большинство баварцевъ—католики: ихъ въ Баваріи три четверти населенія, а именно болѣе 3¹/₂ милліоновъ, а лютеранъ немного болѣе 1 милліона. Вотъ о баварцахъ-католикахъ мы и поговоримъ въ этомъ очеркѣ.

Дома въ Баваріи—деревянные, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ нижняя часть изъ камня. Отличительная черта баварскихъ домиковъ та, что они всѣ почти двухъэтажные и съ галлереею; кромѣ того съ передней стороны домика одинъ, два, а то и три балкончика. Надъ дверью дома всегда изображенъ какой-нибудь патронъ, то-есть святой, покровитель или защитникъ той или другой мѣстности. У баварцевъ, какъ у ревностныхъ католиковъ, очень много патроновъ (о католической религіи есть особый очеркъ въ книжкѣ: «Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Испанцы»).

Святой изображень у баварцевъ не только надъ дверью дома, но фигурами святыхъ очень часто разрисованы и всѣ стѣны; главная сторона дома обсажена фруктовыми деревьями. Окна чрезвычайно маленькія и недостаточно освѣщали бы домъ, если бы ихъ не было такъ много: обыкновенно по два во всѣхъ стѣнахъ, выходящихъ наружу. Какъ галерея, такъ и балконы украшены горшками цвѣтовъ,—густая зелень и цвѣты тянутся по периламъ и густо обвиваютъ всѣ балконы. Безъ цвѣтовъ здѣсь не можетъ жить ни одинъ бѣднякъ: каждая дѣвушка въ воскресный и праздничный день плететъ вѣнки изъ цвѣтовъ и украшаетъ ими свой корсажъ; парень тоже любитъ втыкать гвоздику въ волосы за ухомъ. Надъ крышею торчатъ головы лошадей и тутъ же возвышается крестъ. Какое значеніе имѣютъ головы животныхъ, украшающихъ дома, точно неизвѣстно; по всей вѣроятности это остатокъ еще древне-германскаго языческаго времени, когда приносили въ жертву лошадей, головы которыхъ, въ видѣ украшенія, втыкали на верхушки домовъ. Сзади крыши дома—маленькая деревянная колокольня съ колоколомъ, по звуку котораго работники собираются домой къ обѣду и къ завтраку, но такія колокольни бывають, разумѣется, только у богатыхъ крестьянъ.

Черезъ дверьходишь въ сѣни, на противоположной сторонѣ которыхъ находятся кухня и входъ въ хлѣвъ, а съ правой стороны сѣней—главная жилая комната. Въ этой жилой комнатѣ, подлѣ самой двери, большая изразцовая печь. Вокругъ нея скамейка, въ углу, между печью и скамейкой, диванчикъ, на которомъ грѣются старики, больные или работники, продрогшіе за работой. Вокругъ всѣхъ стѣнъ комнаты тянутся скамейки, а въ красномъ углу стоитъ чисто выскобленный деревянный столъ, за которымъ обѣдаетъ вся семья. Подлѣ стола—полка, на

которой лежатъ единственныя книги въ домѣ: календарь, молитвенникъ и дѣтскія тетради; тутъ же посреди—распятіе, украшенное цвѣтами; надъ книжной полкой множество образовъ; на снуркѣ качается голубь, изображающій св. Духа, съ распростертыми крыльями, вырѣзанный изъ бумаги и украшенный блестками и мишурой: это домашній алтарь. Подлѣ двери, ведущей въ сѣни, всегда виситъ сосудъ съ св. водой, и каждый входящій и выходящій изъ дому опускаетъ туда палецъ, прикладываетъ его ко лбу и крестится. Тутъ же подлѣ сосуда, на дощечкѣ, освященный кусокъ соли; его кладутъ въ пойло скоту, какъ цѣлительное средство. Очень незатѣйливая крутая лѣстница ведетъ въ верхній этажъ (большая часть домовъ въ два этажа), гдѣ устроена спальня хозяина и его жены. Главное мѣсто занято постелью съ балдахинномъ, украшеннымъ картинками религіознаго содержанія. Тутъ же стоятъ ярко раскрашенные цвѣтами сундуки съ холстами. Въ этой же комнатѣ, въ стеклянномъ шкафу,—лучшая посуда: кружки, стаканы, чашки и предметы религіи, напр., изображеніе св. Младенца изъ воска подъ стекляннымъ колпакомъ. Въ верхнемъ этажѣ дома, кромѣ спальни хозяевъ, нерѣдко находятся комнаты, предназначенныя для дѣтей; здѣсь спятъ и работницы, работники же лѣтомъ проводятъ ночь въ хлѣву. Все въ крестьянскихъ баварскихъ домахъ, въ большинствѣ случаевъ, говоритъ о зажиточности и достаткѣ. Только богатые крестьяне ведутъ свое хозяйство, а бѣдные крестьяне довольно рѣдко имѣютъ здѣсь собственыя дома: они обыкновенно поступаютъ рабочими къ богатымъ крестьянамъ и живутъ въ ихъ домахъ.

Баварцы — народъ въ высшей степени религіозный: крестъ на верхушкѣ дома и картинка религіознаго содержанія показываютъ, что религіозные обычаи проникаютъ

всю ихъ жизнь. За распятіемъ, на домашнемъ алтарѣ, висятъ ивовыя сережки, вѣтки омелы, издревле считающіяся священными; все это связано въ пучокъ, и онъ долженъ охранять отъ пожара и молніи.

Баварцы очень часто ходятъ въ церковь, отправляются на богомолье и на поклоненіе св. мѣстамъ и патронамъ (покровителямъ), соблюдаютъ множество постовъ. Церкви въ дни поста биткомъ набиты народомъ. Посмотрите на лица присутствующихъ, и васъ поразитъ въ нихъ печать истиннаго благоговѣнія и религіозности. Каждый держитъ въ рукахъ молитвенникъ и строго слѣдитъ за ходомъ богослуженія. Священникъ читаетъ молитву о страданіи Христа, всѣ старики съ умиленіемъ повторяютъ ее за нимъ. Всякій разъ, когда священникъ кончаетъ молитву словами: «распятый Господь Іисусъ Христосъ», всѣ молящіеся поютъ: «помилуй насъ», и каждый въ ту же минуту цѣлуетъ на своемъ молитвенникѣ изображеніе распятаго Христа.

Благочестіе баварца идетъ однако рука объ руку съ его любовью къ земнымъ благамъ. Послѣ посѣщенія церкви, онъ считаетъ необходимымъ извѣдать и земную радость. Можетъ быть вслѣдствіе этого трактиры обыкновенно строятъ очень близко отъ церквей. Каждый разъ послѣ службы въ церкви посѣтителей въ трактирѣ бываетъ такъ много, что многимъ не хватаетъ въ нихъ даже мѣста. Войдите въ праздничный день въ деревенскій трактиръ, и вы увидите въ главной его комнатѣ, очень большой, нѣсколько массивныхъ, чрезвычайно длинныхъ столовъ. Баварецъ любитъ въ трактирѣ основательно опереться о столъ локтями, а потому здѣшніе столы приноровлены къ этой привычкѣ и устроены необыкновенно прочно. Садятся за столъ, строго придерживаясь степени зажиточности и общественнаго положенія. За первымъ столомъ, противъ входа, на виду у всѣхъ входящихъ, сидятъ самые богатые

крестьяне—владѣльцы 50—70 десятинъ земли; за вторымъ столомъ размѣщаются крестьяне, владѣющіе отъ 30 до 40 десятинъ; за третьимъ—крестьяне-владѣльцы средняго достатка; за четвертымъ—крестьяне, владѣющіе мелкою собственностью, а за пятымъ—разночинцы: разносчики, продавцы мышеловокъ, продавцы ваксы и тому подобный людъ. За первымъ столомъ, за которымъ съ такою важною возсѣдаютъ «деревенскіе князья», т.-е. крестьянская аристократія, можно встрѣтить одного, а иногда и двухъ вертлявыхъ челоуѣчковъ, которыхъ называютъ въ Баваріи «дурачками» и «блюдолизами». Здѣшніе крестьяне-аристократы имѣютъ много замашекъ прежнихъ нашихъ помѣщиковъ-самодуровъ: они любятъ, чтобы за ихъ столомъ, когда они особенно расположены поблагодумствовать, сидѣлъ дурачокъ, который потѣшалъ бы ихъ и надъ которымъ они могли бы безъ церемоніи подтрунивать. Каждый изъ этой крестьянской знати прекрасно знаетъ свое мѣсто за важнымъ столомъ. Если кто нибудь нечаянно или по незнанію займетъ его, онъ, не пускаясь въ длинныя объясненія, говоритъ: «здѣсь сидѣлъ мой дѣдъ, и я сижу». За этимъ столомъ всегда господствуетъ сознаніе своего достоинства, никогда не происходитъ шума, крика и суеты, всѣ разговоры ведутся благопристойно, чинно и торжественно. Съ важнымъ и серьезнымъ видомъ разговариваютъ они о дѣлахъ общины, округа, деревни, о своемъ полѣ, скотѣ и о событіяхъ дня. За вторымъ и третьимъ столомъ болѣе оживленія, чѣмъ за первымъ, а за четвертымъ и пятымъ никто не стѣсняется: тутъ всѣ весело и оживленно болтаютъ, безпрестанно раздаются громкій смѣхъ и злыя, колкія насмѣшки по адресу богачей.

По внѣшнему виду баварцы, живущіе въ равнинахъ, нѣсколько отличаются отъ тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ въ горахъ: первые—средняго роста, болѣе мѣшковаты

и неуклюжи, чѣмъ горцы; но всѣ они, и мужчины, и женщины, какъ горцы, такъ и жители равнинъ, имѣютъ чрезвычайно здоровый видъ,—кромѣ нѣсколькихъ мѣстностей въ Баваріи, въ которыхъ попадаются люди съ шею обезображенною зубомъ. Волосы у всѣхъ баварцевъ острижены довольно коротко; громадное большинство отпускаетъ усы. (На предлагаемой картинкѣ изображены типы баварцевъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ—жителей равнинъ; слѣва—наверху дружка во время свадьбы: когда онъ отправляется звать на свадьбу гостей, онъ украшаетъ палку букетомъ цвѣтовъ, а также разноцвѣтными лентами; подъ дружкой изображенъ свадебный музыкантъ).

Крѣпкая привязанность ко всему старому, вспыльчивость, любовь къ праздникамъ и къ религіознымъ процессіямъ, религіозность, доходящая до суевѣрія, — вотъ характерныя черты баварцевъ-католиковъ: они любятъ шутить съ невиннымъ лукавствомъ, съ ѣдкостью и находчивостью даютъ остроумные отвѣты, а чуть кто задѣлъ когонибудь изъ нихъ, тотъ сейчасъ же познакомится съ его здоровыми кулаками. Горячій споръ, ссору баварецъ разрѣшаетъ своимъ кулакомъ и имъ же защищаетъ свои права. Во многихъ общинахъ существуетъ даже свой специальный «кулачный боецъ», на которомъ лежитъ обязанность быть на всѣхъ поединкахъ представителемъ своихъ односельчанъ. Слава такого бойца часто переходитъ за предѣлы его родной общины. У него никогда не бываетъ недостатка въ упражненіи своихъ кулаковъ: всѣ церковныя и праздничныя дни, а также свадьбы представляютъ ему множество удобныхъ случаевъ показать свою силу и ловкость. Къ чести баварцевъ слѣдуетъ сказать, что у нихъ рѣдко дѣло доходитъ до кровопролитія. вмѣсто ножей у нихъ свое оружіе: тяжелое желѣз-

JOSEPH J. O'BRIEN

ное кольцо, съ тупыми выступами въ нѣсколькихъ мѣстахъ, которое они всегда носятъ на мизинцѣ правой руки; къ тому же у нихъ всегда наготовѣ пивная кружка и стулъ,—все это они пускаютъ въ дѣло, когда разгорячатся, и въ другомъ оружіи не имѣютъ нужды.

Наивность баварцевъ, ихъ склонность дразнить другъ друга и подсмѣиваться лучше всего выражаются въ ихъ сатирическихъ пѣсняхъ, въ которыхъ они подсмѣиваются другъ надъ другомъ или надъ различными происшествіями своей жизни. Эти сатирическія пѣсенки импровизируются (т.-е. сочиняются безъ подготовки) и поются тамъ же, гдѣ и сочинены,—въ полѣ, во время полевыхъ работъ, во время отдыха, въ трактирахъ. Часто козій пастухъ на горѣ затягиваетъ такую пѣсенку дѣвушкѣ, которая работаетъ внизу; та, не затрудняясь, отвѣчаетъ ему тутъ же на мѣстѣ сочиненными стихами, полными насмѣшки. Эти сатирическія пѣсни часто поются сообща рабочими одной деревни своимъ сосѣдямъ; та и другая сторона не остаются въ долгу и прѣбираютъ своими перебранками другъ друга до того, что обѣ стороны бросаются другъ на друга съ поднятыми кулаками. Парень поетъ пастушкѣ: «я знаю красивый колокольчикъ: хорошо онъ звенить. Но я знаю также и красивую дѣвушку: какъ красиво она ходитъ! Какъ бы хотѣлось мнѣ подружиться съ нею! Пара ея глазокъ,—что пара звѣздочекъ!» Дѣвушка, не отрываясь отъ работы, съ лукавой улыбкой поетъ въ отвѣтъ, не задумываясь: «красивый ты парень, нарядно одѣтъ, но смѣлъ ты не въ мѣру... я люблю тебя всѣмъ сердцемъ и буду любить такъ долго, что ты не успѣешь и плюнуть».

Въ семействѣ зажиточнаго крестьянина всегда много работниковъ, и хотя хозяинъ держитъ себя съ ними гордо и высокомерно въ публичномъ мѣстѣ, тѣмъ не менѣе положеніе работниковъ въ такихъ семействахъ весьма

сносно. Чѣмъ прилежнѣе работники, чѣмъ уважительнѣе они относятся къ своему хозяину, тѣмъ болѣе славы, почета и выгоды для баварскаго богача. Онъ и платитъ имъ хорошее жалованье, ласковъ съ ними, но болѣе всего старается угодить имъ сытнымъ столомъ: это самое важное для баварскаго работника.

Весьма важную роль въ домѣ играетъ возница, и его должность считается здѣсь не только болѣе почетною, но и выгодною: онъ привозитъ и отвозитъ всѣхъ работниковъ и ихъ пожитки, отправляется съ хозяиномъ продавать лошадей и хозяйственныя сбереженія, ухаживаетъ за лошадьми. Хотя онъ получаетъ отъ хозяина годовое жалованье за свои обязанности, но каждый работникъ, котораго онъ отвозитъ, даетъ ему отъ себя коп. 15—20; когда хозяинъ продаетъ лошадь, возница получаетъ двѣ марки ¹⁾. Въ конюшнѣ онъ полный господинъ, и на побѣгушки для него держать еще мальчика. Впрочемъ въ баварскомъ семействѣ не только возница, кромѣ жалованья, имѣетъ свои маленькіе доходы, но и работница. Всякій разъ, когда торговецъ скотомъ приходитъ въ хлѣвъ покупать скотину, она получаетъ съ каждой проданной свиньи по 10 пфенниговъ, съ каждаго теленка по 20—30 пф., а съ коровы 40—50 пф. Когда она отвозитъ на рынокъ припасы, она тоже кое-что получаетъ отъ хозяйки, а когда у нея удастся хлѣбъ, то съ каждаго упека по 6—10 пфен. Кромѣ того каждая хозяйка, чтобы поощрить главную работницу, очень часто дѣлаетъ ей маленькіе подарки. Аккуратный хозяинъ всѣ условія съ рабочими записываетъ въ календарь. Вотъ выписка изъ одного, самаго обычнаго, календаря: «возницѣ въ годъ слѣдуетъ 150 марокъ и ме-

¹⁾ Марка на наши деньги, смотря по курсу, приблизительно отъ 45 до 50 коп.; въ маркѣ 100 пфенниговъ, слѣдов. 1 пфеннигъ около полукопѣйки, а то и меньше.

лочныя деньги за провозъ; старшему работнику—140 марокъ; второму работнику—112 марокъ; третьему—80 марокъ; мальчику, который ухаживаетъ за лошадьми, 50 марокъ; старшей работницѣ—106 марокъ, подарки и хлѣбныя деньги; второй работницѣ—72 марки и деньги съ каждой коровы, которая откармливается на убой». Этотъ календарь, въ случаѣ тяжбы между работникомъ и хозяиномъ, служитъ документомъ. Но жалованье баварскаго работника не всегда бываетъ одинаково: въ одномъ мѣстѣ оно больше, въ другомъ меньше.

Хотя работнику въ баварскомъ семействѣ приходится много работать, но онъ питается здѣсь весьма порядочно. Во многихъ семействахъ существуетъ на цѣлый годъ распisanіе обѣдовъ. Это распisanіе баварскій работникъ заучиваетъ наизусть и при всей своей религіозности, скорѣе забудетъ молитву, чѣмъ тотъ день, когда назначено его любимое кушанье. Горе, если молодая хозяйка отступить отъ распisanія хотя на шагъ: серьезное возстаніе неизбежно. Дни, въ которыхъ по распisanію значится пиво и мясо,—торжество для работниковъ: на такихъ дняхъ сосредоточиваются всѣ ихъ помышленія; къ сожалѣнію въ году только 6 такихъ дней. Достаточно самаго ничтожнаго измѣненія въ распisanіи (дозволяется улучшать, но никогда не ухудшать его), чтобы поколебать до основанія спокойствіе баварскаго двора. Если работникамъ подаютъ что-нибудь хуже назначеннаго, они бросаютъ поданное и разбиваютъ посуду. Жнецамъ, вмѣсто пива и рубцовъ, подали на завтракъ въ одномъ семействѣ яйца: они съ негодованіемъ бросили ихъ объ стѣну, такъ что на ней долго оставались желтыя пятна.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Баваріи существуетъ въ высшей степени оригинальный обычай: здѣсь иногда производится *тайный народный судъ* надъ тѣми, ко-

торые, по понятію народа, очень сильно провинились. Такого суда преступникъ не избѣгаетъ даже и тогда, когда государственный судъ его оправдалъ. Этимъ судомъ караютъ за обманъ, ростовщичество, скупость, мошенничество, за кутежъ, не имѣющій границъ; при этомъ нападаютъ на богатыхъ и бѣдныхъ, не щадятъ и духовныхъ лицъ. Объ устройствѣ этого тайнаго суда очень мало извѣстно, такъ какъ всѣ участники, когда полиція производитъ разслѣдованіе, молчатъ или отдѣлываются ничего незначащими показаніями. Изъ этого ясно, что участники даютъ торжественную клятву хранить тайну. Нѣкоторыхъ всетаки удавалось поймать на мѣстѣ преступленія, но не было примѣра, чтобы кто-нибудь выдалъ товарища или открылъ устройство этого тайнаго общества. Вотъ какъ происходятъ эти *тайныя народныя судилища*: преступника, котораго считаютъ нужнымъ покарать, обыкновенно предостерегаютъ въ стихахъ о томъ, что если онъ не исправится къ такому-то сроку, то долженъ ждать себѣ наказанія. Если предупрежденный преступникъ, по миѣнію крестьянъ, не исправился, онъ подвергается жестокому наказанію, къ которому его присуждаетъ «тайное народное судилище». Вотъ въ чемъ оно состоитъ: въ полночь преступникъ въ ужасѣ просыпается отъ страшнаго шума: крики, барабанный бой, ревъ, залпы изъ ружей, самый безобразный стукъ по разнымъ предметамъ, производящимъ непріятный звукъ, однимъ словомъ ему устраиваютъ адскій концертъ. Сотни замаскированныхъ людей или совершенно вымазанныхъ сажей со всѣхъ четырехъ сторонъ окружаютъ домъ преступника и при этомъ будятъ жителей села, чтобы они были свидѣтелями наказанія, но всякаго непрошеннаго гостя, въ родѣ полиціи, умѣютъ въ-время выпроводить. Преступника вызываютъ изъ дому, и нерѣдко ему приходится выбѣжать въ одной

рубашкѣ. Когда всѣ мѣры предосторожности уже приняты, дѣлаютъ перекличку судьямъ, при чемъ ихъ величаютъ выдуманными именами и титулами. Когда перекличка окончена, одинъ изъ распорядителей выступаетъ на середину и при свѣтѣ фонаря читаетъ написанный стихами списокъ провинностей осужденнаго. Толпа сопровождаетъ это чтеніе страшнымъ воємъ и громко повторяетъ послѣдніе стихи, гремя ручными мельницами, звонками, бубенчиками, цѣпями и барабанами. При этомъ то одинъ, то другой изъ судей обращаются къ преступнику съ угрозами. Послѣ чтенія этого рокового списка раздается рѣзкій свистъ предводителя, и вся толпа мгновенно исчезаетъ. Человѣкъ надъ которымъ былъ произведенъ такой судъ, навсегда опозоренъ, и этого боятся несравненно больше государственнаго суда. За вредъ, причиненный людямъ, непричастнымъ къ этому суду, всегда добросовѣстно вознаграждаютъ, но тоже тайнымъ образомъ. Очень часто за нѣсколько минутъ до начала суда особые замаскированные вѣстники являются передъ домомъ сосѣдей преступника и предупреждаютъ ихъ о «тайномъ народномъ судилищѣ». Тогда жители выбѣгаютъ изъ домовъ, спускаютъ скотъ съ цѣпей, чтобы страшный шумъ, который будетъ слышенъ на разстояніи нѣсколькихъ часовъ ходьбы, не напугалъ его. Бывали случаи, когда жителей не предупреждали о судѣ, скотъ, заслышавъ адскій шумъ и ревъ, начиналъ рваться съ цѣпей и тутъ же задыхался. За такой вредъ, какъ мы уже говорили, хозяева тайнымъ образомъ получали вознагражденіе.

Мужчины одѣваются въ куртку, жилетъ, въ узкіе, подвязанные у колѣнъ штаны, въ чулки и башмаки; остроконечную шляпу украшаютъ перомъ. Многія женщины тоже носятъ остроконечную шляпу, которую онѣ обшиваютъ лентами или украшаютъ снуркомъ и кисточками

(см. предыдущую картинку). Остальная одежда женщинъ состоитъ изъ юбки, пестраго шейнаго платка и корсажа. Но далеко не всѣ мужчины и женщины въ Баваріи придерживаются этой одежды.

Всѣ баварцы большіе любители танцевъ, но нигдѣ въ Баваріи не пляшутъ съ такимъ увлеченіемъ, какъ въ горныхъ мѣстностяхъ. Въ праздникъ вечеромъ, въ хижину, гдѣ есть молодая дѣвушка, собирается нѣсколько ея подругъ (всѣ онѣ обыкновенно пастушки); сюда же приходитъ дровосѣкъ и одинъ-два охотника. Первое удовольствіе, которое они затѣваютъ сообща—это танцы. Всѣ они пляшутъ съ такимъ увлеченіемъ, что тутъ нерѣдко и сѣдой старикъ, завидя, какъ лихо отхватываетъ молодежь, тоже пускается въ плясъ, стараясь не ударить лицомъ въ грязь. (Вотъ такіе-то танцы въ хижинѣ пастушки и изображены на картинкѣ).

Кромѣ танцевъ, баварскіе крестьяне большіе любители различныхъ представленій и превосходные актеры. Материаломъ для представленія каждый разъ служитъ какое-нибудь недавнее событіе изъ деревенской жизни. Вотъ какимъ образомъ явилось «представленіе о башмачникѣ», которое много разъ давали въ одной изъ деревень. Одинъ деревенскій башмачникъ, и прежде нелюбимый сосѣдями, сталъ особенно дурно обращаться съ своею женою; выведенная изъ терпѣнія, она, наконецъ, исколотила его плетью, о чемъ и не замедлила сообщить своимъ сосѣдямъ. Въ тотъ же самый вечеръ парни, сидя въ трактирѣ за пивомъ, говорили другъ другу: «ну, у насъ есть теперь представленіе для масляницы, — будемъ представлять нашего башмачника». И въ самомъ дѣлѣ, наступила масляница, и на рыночную площадь выѣхала телѣга, окруженная множествомъ народа. Впереди всѣхъ шли мужчины, переодѣтые рыночными торговками: въ лѣвой рукѣ они держали по

дубинѣ, а въ правой—соску на веревкѣ. Отъ времени до времени они опускаютъ по дорогѣ соску въ лужу и потомъ такъ ловко бросаютъ ее въ средину зѣвающей публики, что она нерѣдко попадаетъ прямо въ ротъ какой-нибудь дѣвушкѣ. Та, которой попала соска въ ротъ, начинаетъ кричать и отплевываться; кругомъ нея всѣ смѣются. Здѣсь и тамъ идутъ паяцы съ мѣшками сажі, и, лишь только дѣвушка зазѣвалась, они ловко выдѣлываютъ ей сажей усы. Нѣтъ конца крику, смѣху и остродамъ. Но вотъ телѣга остановилась на площади; шумъ, гамъ и смѣхъ утихли. Сцена, устроенная на телѣгѣ, представляетъ комнату башмачника съ досчатымъ потолкомъ. На связкѣ соломѣ храпитъ парень, переодѣтый и изображающій жену башмачника. Пьяный башмачникъ, шатаясь, подходитъ ночью къ своему дому и со всей силы начинаетъ ломиться въ дверь. Но, несмотря на его крики и угрозы, дверь остается запертою. Тогда башмачникъ начинаетъ лѣзть на потолокъ, чтобы снять доску и пролѣзть въ домъ; но онъ не совсѣмъ приподнял доску, и потому его ноги прошли черезъ дыру въ комнату, а въ плечахъ онъ застрялъ и повисъ, продолжая бранить жену. Послѣдняя въ ту же минуту вскакиваетъ и начинаетъ молоткомъ колотить его по ногамъ. Въ толпѣ зрителей раздается веселый смѣхъ. Телѣга двигается на слѣдующую улицу, и тамъ начинается снова то же самое представленіе.

Истинными артистами являются баварскіе крестьяне тогда, когда они даютъ настоящія театральныя представленія, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго содержанія. Такими представленіями прославились крестьяне одной баварской деревни, которая называется Обераммергау (въ 5-ти часахъ ѣзды отъ Мюнхена, главнаго города Баваріи). Всемирною извѣстностью пользуется представленіе драмы страстей Господнихъ. На это представленіе со всѣхъ кон-

цовъ свѣта съѣзжается множество народа, и наплывъ публики постоянно увеличивается. Нужно замѣтить, что это представленіе баварскіе крестьяне даютъ только одинъ разъ въ 10-ть лѣтъ: въ 70-хъ гг. публики присутствовало болѣе 60,000, въ 1880 г. ея было болѣе 90,000, а въ 90-хъ гг. уже болѣе 120,000; пропорціонально этому увеличилась и цифра сбора. Доходъ съ продажи билетовъ идетъ на покрытіе издержекъ по спектаклю и на общественныя нужды: на церковь, школу и, наконецъ, часть раздается тѣмъ, кто приготовилъ сцену, и актерамъ, чтобы вознаградить ихъ за потерянное рабочее время, такъ какъ имъ пришлось не только участвовать во всѣхъ репетиціяхъ, но и долго учиться. Вознагражденіе актерамъ распределяется сообразно роли cadaго, такъ что одни изъ нихъ получаютъ больше, другіе—меньше. Всѣхъ участвующихъ въ спектаклѣ, съ хоромъ и музыкантами, 700 ч.,—слѣдовательно болѣе чѣмъ половина населенія деревни. Въ представленіи участвуютъ также дѣти и старики. Тѣ, которые не могутъ быть актерами, участвуютъ въ оркестрѣ, которымъ управляетъ школьный учитель, или готовятъ декорации, костюмы и составляютъ театральную прислугу. Такимъ образомъ все населеніе такъ или иначе принимаетъ участіе въ спектаклѣ. Въ послѣднее представленіе актеры, исполнявшіе первыя роли, получили по 650 марокъ, а низшіе по 65 мар., исключая актера, исполнявшаго роль Іисуса и получившаго 1,000 мар. Участвующимъ дѣтямъ заплатили по 30 мар. каждому. Такая плата не можетъ, конечно, обогатить актера, но дѣло въ томъ, что почти весь громаднѣйшій сборъ отъ спектаклей остается въ деревнѣ, расходуется на нужды ея жителей; даже сумма, которую употребляютъ на представленіе, вся остается въ деревнѣ, потому что шитье костюмовъ, рисовка декораций, постройка театра и т. п. устраиваются преимущественно руками

мѣстныхъ жителей. Такимъ образомъ представленія эти приносятъ выгоду не только тѣмъ, что сумма сбора сама по себѣ значительна, но и потому, что они даютъ заработокъ мѣстнымъ жителямъ. Къ тому же оберраммергаузцы, во время представленій, наживаются еще отъ подвоза посѣтителей со станцій желѣзныхъ дорогъ и обратно, отъ ихъ ночлега, такъ какъ нѣкоторые, пріѣхавъ въ эту деревню на представленіе, проводятъ въ ней по нѣсколькимъ днямъ. Во время представленія 1890 г. посѣтители оставили въ этой деревнѣ около 2-хъ милліоновъ марокъ. Для деревни съ 1400 жителей такая сумма, разумѣется, весьма значительна.

Вся жизнь этихъ крестьянъ-актеровъ, ихъ надежды, заботы, воспоминанія вертятся на этихъ представленіяхъ. Разъ интересъ всего населенія такъ тѣсно связанъ съ ними, невозможно даже себѣ и представить, чтобы они шли плохо. Наконецъ, всѣ жители растутъ и воспитываются среди актерскаго дѣла, всѣ разговоры вертятся на томъ, кто какъ игралъ, почему игралъ дурно или хорошо, какъ слѣдуетъ играть то или другое. Всѣ они охотно вспоминаютъ, когда играли и какую роль, сохраняютъ даже на память какую-нибудь принадлежность сценическаго костюма: шлемъ, мантию, ангельскія крылья. Дѣти вспоминаютъ о томъ, какъ играли ихъ родители, родители прозрѣваютъ въ дѣтяхъ будущихъ исполнителей на ту или другую роль. «Она будетъ у насъ чудесная Матерь Божія», скажутъ вамъ, указывая на бѣлокурую дѣвочку съ большими вдумчивыми глазами,—и будущая исполнительница Богородицы вся раскраснѣется отъ удовольствія. Да и какъ жителямъ Оберраммергау не быть талантливыми актерами, когда вся ихъ жизнь складывается такъ, что ихъ сценическій талантъ, который вмѣстѣ съ опытностью отцовъ переходитъ къ дѣтямъ, развивается съ самаго ранняго

возраста: они еще малютками участвуют въ живыхъ картинахъ, выступаютъ на театральныхъ подмосткахъ еще будучи дѣтьми, когда на сценѣ приходилось изображать толпу. Наконецъ, хотя драма страстей Господнихъ идетъ разъ въ 10-ть лѣтъ, но ее повторяютъ въ продолженіе 5-ти мѣсяцевъ, и притомъ оберраммергаузцы каждую зиму разыгрываютъ свѣтскія пьесы передъ жителями сосѣднихъ деревень.

Можно себѣ представить, какая происходитъ по всей деревнѣ суматоха, когда наступаетъ этотъ десятый годъ, назначенный для спектакля. «Кто будетъ играть? Какая кому достанется роль?» — вотъ вопросы, которые у всѣхъ на устахъ. Устроивъ зимою собраніе, на которомъ присутствуютъ всѣ жители деревни, они сообща выбираютъ нѣсколькихъ чловѣкъ, которые составляютъ *комитетъ духовной драмы*: онъ распоряжается всѣмъ дѣломъ, назначаетъ актеровъ и распредѣляетъ между ними роли. Все это совершается въ высшей степени торжественно. Прежде чѣмъ приступить къ выборамъ, всѣ жители деревни съ раннего утра отправляются въ церковь, на богослуженіе, въ концѣ котораго священникъ дѣлаетъ наставленіе избирателямъ и избираемымъ, чтобы они какъ можно добросовѣстнѣ отнеслись къ своему дѣлу. Изъ церкви всѣ отправляются въ общую залу, и тамъ уже происходятъ выборы и распредѣленіе ролей. Тотъ, кто получаетъ важнѣйшія роли, считаетъ это для себя величайшею честью. Всѣ безъ исключенія избранныя лица приготавливаются къ исполненію драмы, какъ къ какому-нибудь священнодѣйствию. Исполняющій роль Іисуса умерщвляетъ свою плоть, постится, часто говѣетъ и выходитъ на сцену лишь послѣ причастія. Еще во время послѣдней войны оберраммергаузцы подавали прошеніе королю, чтобы актера, представляющаго Христа, не брали въ солдаты и «не заставили

остричь его длинныхъ волосъ», — и эта просьба была уважена.

Съ самаго начала приготовленій строится и театр — большое зданіе, служащее на одно только лѣто; другіе пишутъ декораціи, шьютъ костюмы. Обераммергаузцы стараются придать обстановкѣ представленія характеръ по возможности исторически-правдоподобный; они приобрѣли изданіе библіи, картинки которой пользуются особенною извѣстностью, и по этимъ картинкамъ шьютъ костюмы, ставятъ живыя картины. Вмѣстѣ съ этимъ въ деревнѣ идутъ и другія приготовленія: жители приноравливаютъ свои дома къ приему гостей, закупаютъ постели, посуду. Каждое семейство за это время успѣетъ принять и дать ночлегъ многимъ лицамъ; здѣсь и тамъ появляются новые рестораны. Всѣ жители деревни въ необыкновенномъ волненіи: ждуть огромнаго наплыва публики, коронованныхъ гостей, репортеровъ всѣхъ странъ свѣта. Представленія происходятъ лѣтомъ, начиная съ мая и кончая сентябремъ, каждое воскресенье, каждый праздникъ. Если въ одно изъ воскресеній наплывъ публики такъ великъ, что не хватаетъ мѣстъ, то представленіе повторяютъ на слѣдующій день. Временное театральное зданіе, на краю деревни, вмѣщаетъ болѣе 5000 зрителей. Къ нему примыкаетъ довольно большое и постоянное строеніе для уборныхъ, которое служитъ театромъ для представленія небольшихъ пьесъ. Мѣста устроены довольно первобытнымъ образомъ: ближайшая къ сценѣ половина сверху открыта и занята простыми скамьями, другая же часть отгорожена и покрыта легкимъ навѣсомъ; тутъ устроены мѣста болѣе удобныя и нумерованныя. Такимъ образомъ, хотите вы быть ближе къ сценѣ, вы платите дешевле, но сидите подъ открытымъ небомъ; хотите быть подъ кровлею, платите дороже и сидите дальше отъ сцены.

Оркестръ ¹⁾ помѣщается, какъ и вездѣ, передъ сценой, только во время дождя его ставятъ сбоку, чтобы прикрыть парусиннымъ навѣсомъ; сцена тоже частью открыта, частью закрыта. Если представленіе приходится въ дождливый или слишкомъ знойный день, оно не отмѣняется; оно не прерывается даже, если случайно набѣжавшая туча разразится грозой, и актеры продолжаютъ представленіе подъ палящими лучами солнца или подъ проливнымъ дождемъ, иногда даже съ громомъ и молніей.

Текстъ драмы «Страстей Господнихъ», написанный отчасти стихами (стихотворная часть поется хоромъ), отчасти прозой, уже издавна исполнявшійся въ Обераммергау, былъ много разъ измѣненъ и переработанъ. Въ новѣйшей своей обработкѣ эта драма носить длинное названіе: «великая жертва искупленія на Голгофѣ, или исторія страданія и смерти Іисуса по 4-мъ евангелистамъ, съ представленіями картинъ изъ Ветхаго Завѣта на размышленіе и назиданіе».

Весь спектакль раздѣляется на 17 частей или представлений, которыя безъ всякихъ антрактовъ идутъ одно за другимъ, кромѣ часового перерыва для подкрѣпленія себя пищею. Каждое изъ этихъ 17 представлений состоитъ еще изъ двухъ частей: первая изъ нихъ заключается въ томъ, что справа и слѣва выходитъ хоръ мужчинъ и женщинъ и начинаютъ пѣть о томъ (а иногда и декламировать), что зрители сейчасъ увидятъ и услышатъ. Это пѣніе сопровождается живыми картинами. Мужчины и женщины хора одѣты въ восточныя одежды: въ золоченныхъ коронахъ на головахъ и въ длинныхъ бѣлыхъ балахонахъ, съ разноцвѣтными плащами. Они поютъ стихо-

¹⁾ Музыкальный оркестръ и хоровое пѣніе набираются изъ тѣхъ же крестьянъ; къ музыкѣ и пѣнію здѣсь, какъ и вездѣ въ Германіи, причаеетъ школа.

творныя обращенія къ публикѣ, то однимъ голосомъ, то двумя, тремя, или всѣмъ хоромъ. Затѣмъ занавѣсъ поднимается, и то, что было пропѣто, изображается въ видѣ живой картины. Послѣ этого хоръ уходитъ за кулисы; тогда начинается представленіе самой драмы. И такъ непрерывно 17 разъ: уходитъ хоръ, начинается драма; закончено дѣйствіе драмы, снова выходитъ хоръ.

Чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе о драмѣ, мы вкратцѣ изложимъ первыя три представленія, остальные только назовемъ.

1. *Въѣздъ въ Іерусалимъ.* Хоръ вспоминаетъ, что прародители были изгнаны изъ рая (живая картина изображаетъ это изгнаніе), но Богъ милосердъ: онъ отдаетъ кровь своего Сына за спасеніе человѣчества, и, какъ символъ этого, уже блеститъ крестъ (живая картина—крестъ, на которомъ распятъ Спаситель и предъ нимъ четыре молящіяся фигуры). Затѣмъ занавѣсъ падаетъ, хоръ увѣщеваетъ зрителей слѣдить внимательно за страданіями Искупителя и оставляетъ сцену. Начинается самая драма въѣздомъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ. Показываются толпы мужчинъ, женщинъ и дѣтей съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ, которые привѣтствуютъ Спасителя громкими криками: «Осанна!» Наконецъ появляется самъ Спаситель на ослѣ среди своихъ учениковъ. Онъ въ блѣдно-фіолетовомъ платѣ и въ красномъ плащѣ, сидитъ на ослѣ и сходитъ, какъ только доѣзжаетъ до передней части авансцены. Роль Спасителя беретъ на себя самый талантливый актеръ и исполняетъ ее обыкновенно безукоризненно. Всѣ движенія его просты, фигура внушаетъ благоговѣніе. На средней части сцены падаетъ занавѣсъ, потомъ опять поднимается, и передъ зрителями — внутренность храма, въ которомъ видны лавки мѣняль съ ихъ столами, продавцы ягнятъ и голубей. Христосъ приближается къ нимъ

и начинаетъ увѣщевать торговцевъ не вести купли и продажи въ храмъ божьемъ, но они ни внимаютъ Его словамъ, и Онъ опрокидываетъ столы, выпускаетъ голубей, которые, улетаая, поднимаются вверхъ надъ головами зрителей, и бичемъ выгоняетъ изъ храма торговцевъ и мѣняль.

2. *Замыселъ верховнаго совѣта.* Хоръ: «они бѣжали, злодѣи, и требуютъ мести!» поетъ хоръ и далѣе напоминаетъ, какъ сыновья Іакова условились извести своего брата Іосифа (картина), а вслѣдъ за этимъ продолженіе драмы. На сценѣ — засѣданіе верховнаго совѣта, члены котораго совѣщаются, какъ бы извести Іисуса: они сидятъ на маленькихъ скамейкахъ у кулисъ, а за ними, на болѣе высокихъ мѣстахъ, Анна и Каіафа; первый въ бѣломъ, второй въ красномъ платьѣ, — оба въ высокихъ митрахъ.

3. *Прощаніе въ Вифаніи.* Хоръ провозглашаетъ разставанье Богоматери съ Сыномъ, какъ нѣкогда Товій прощался съ родителями (картина этого прощанья). Другая живая картина представляетъ невѣсту (изъ пѣсенъ Соломона), окруженную 8-ю іерусалимскими дочерьми и оплакивающую уходъ жениха. Это предшествуетъ той сценѣ, въ которой Христосъ прощается съ матерью и съ своими учениками.

4. *Послѣдній приходъ въ Іерусалимъ,* гдѣ между прочимъ является Іуда. Въ прежнія времена его обыкновенно изображали извергомъ: онъ вѣшался на глазахъ у всѣхъ, и маленькіе чертенята пожирали его внутренности. Теперь его изображаютъ главнымъ образомъ алчнымъ и недалекимъ. Онъ слѣдуетъ за Спасителемъ потому, что ожидаетъ отъ Него выгодъ для себя; но, замѣчая пренебрежительное отношеніе Спасителя ко всему житейскому, Іуда начинаетъ сомнѣваться въ вѣрности своихъ расчетовъ. И вдругъ онъ узнаетъ, что Учитель истратилъ

300 динарiевъ (такую большую сумму, на которую можно было бы нѣкоторое время пожить безпечно) на драгоценное миро... Нѣтъ, ему, Іудѣ, необходимо приискать для себя что-нибудь болѣе надежное! Въ такомъ настроеніи онъ попадаетъ торговцамъ, выгнаннымъ Спасителемъ изъ храма; они предлагаютъ ему отъ Синедріона награду, если онъ откроетъ мѣстопробываніе Іисуса. Іуда сначала колеблется, но затѣмъ рѣшается, — вѣдь если что и случится, онъ Іуда, бросится передъ Нимъ на колѣни: «Учитель такой добрый, простить меня, какъ прощаль уже многихъ». Но когда Іуда узнаетъ, что его Учитель приговоренъ къ смерти и только по его винѣ, это такъ поражаетъ его, что онъ налагаетъ на себя руки (Его самоубійство происходитъ въ одной изъ слѣдующихъ сценъ).

Затѣмъ слѣдуютъ:

5. *Тайная вечеря.* 6. *Предатель.* 7. *Іисусъ на Оливковой горѣ.* 8. *Іисусъ передъ священникомъ Анной.* 9. *Іисусъ передъ Каіафой.* 10. *Отчаяніе Іуды.* 11. *Іисусъ передъ Пилатомъ.* 12. *Іисусъ передъ Иродомъ.* 13. *Бичеваніе и вѣнчаніе терновымъ вѣнцомъ.* 14. *Іисусъ осужденъ на распятіе.* 15. *Перенесеніе креста.* 16. *Іисусъ на Голгофѣ* и 17. *Воскресеніе.*

Въ исполненіи этой драмы поражаетъ внѣшній видъ актеровъ: тутъ не существуетъ париковъ, не допускается ни малѣйшей гримировки. Морщина, согбенный станъ, сѣдина, извѣстный цвѣтъ волосъ, — все до мельчайшихъ подробностей должно быть дѣломъ природы, а не рукъ чело-вѣческихъ. Такимъ образомъ для каждой роли оберраммергаузцамъ приходится выбирать актера, не только болѣе другихъ способнаго на ту или другую роль, но и такого, который бы соотвѣтствовалъ избранной роли своимъ ростомъ, годами, всею своею фигурою. Поэтому необыкновенно удачны въ этой драмѣ всѣ народныя сцены, когда на

подмосткахъ сразу появляется 300, 400 человекъ, — старики, дѣти, юноши, безъ всякой поддѣлки подъ возрастъ, которые всею душою отдаются игрѣ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ ГЕРМАНИИ.

Германія — страна, издавна славящаяся широкимъ распространениемъ грамотности. Въ тѣ времена, когда еще никто не думалъ о просвѣщеніи народа, школьный вопросъ былъ серьезно обсуждаемъ въ Германіи. Вызвано это было прежде всего причинами историческими: Лютеру необходимо было показать народу, что католичество противорѣчитъ Евангелію, что жизнь католическаго духовенства идетъ въ разрѣзъ со всѣми христіанскими понятіями о религіи. Для этого прежде всего нужно было распространять грамотность среди простого народа и употреблять всѣ усилія, чтобы онъ могъ читать Евангеліе. Глубоко убѣжденный въ необходимости образованія простого народа, Лютеръ и въ своихъ проповѣдяхъ постоянно проводилъ ту же мысль. «Господа», говорилъ онъ обращаясь къ городскимъ властямъ: «почему вы не приступаете немедленно къ распространенію образованія среди народа? Что васъ останавливаетъ? Недостатокъ денегъ? Каждый годъ издерживаются громадныя суммы на вооруженіе войска, на постройку крѣпостей, на улучшеніе дорогъ, и деньги находятя. Между тѣмъ благоденствіе города зависитъ не отъ богатства его жителей, неприступныхъ крѣпостей, роскошныхъ домовъ: его дѣйствительное благо, сила и спасеніе состоятъ въ образованныхъ, развитыхъ и направленныхъ къ добру гражданахъ. Если же въ настоящее время подобныхъ гражданъ такъ мало, то кто же въ этомъ виновать, какъ не вы, городскія власти, дозволяя дѣтямъ расти, какъ деревья въ дикомъ лѣсу». Проникнутый со-

знаніемъ величайшаго значенія грамотности для народа, онъ восклицалъ: «Если бъ я не былъ проповѣдникомъ слова Божія, то желалъ бы быть школьнымъ учителемъ, и рѣшительно не знаю, значеніе котораго изъ двухъ выше. Народъ не понимаетъ, что онъ обязанъ предъ Богомъ и своими согражданами давать образованіе каждому ребенку и посылать въ школу даже малоспособнаго. Христіанство потому и находится нынѣ въ такомъ упадкѣ, что не заботились о дѣтяхъ; съ воспитанія дѣтей и надо начать дѣло возрожденія». Итакъ, самое страстное желаніе Лютера было—устройство первоначальныхъ, чисто народныхъ школъ, и такое стремленіе проявилось въ Германіи уже въ XVI в., въ то время, когда никто и не думалъ о народномъ образованіи. Разумѣется, это стремленіе Лютера не могло быть тотчасъ осуществлено, но онъ далъ распространенію грамотности самый сильный толчекъ.

Теперь, когда въ Германіи осталось очень и очень немного безграмотныхъ, ихъ число постоянно уменьшается. Но именно въ тѣхъ провинціяхъ, въ которыхъ бѣдствуетъ наибольшее количество сельскихъ рабочихъ, тамъ и наибольшее количество безграмотныхъ. Если же брать по мѣстностямъ, то во всей Германской имперіи наибольшій процентъ безграмотныхъ находится въ Пруссіи, а наименьшій—въ Саксоніи. По оффиціальнымъ даннымъ за 1890 г. изъ числа рекрутъ въ Пруссіи не умѣли ни читать, ни писать 0,8% въ среднемъ, т.-е. на тысячу рекрутъ было всего 8 человѣкъ безграмотныхъ. Однако нужно замѣтить, что большее число безграмотныхъ въ Пруссіи встрѣчается преимущественно въ тѣхъ ея мѣстностяхъ, гдѣ много поляковъ. Въ громадномъ же большинствѣ округовъ чисто нѣмецкихъ процентъ безграмотныхъ рекрутъ несравненно меньше; очень не мало даже такихъ округовъ, гдѣ почти совсѣмъ нѣтъ безграмотныхъ.

Относительно распространения грамотности многія небольшие государства Германіи стоятъ несравненно выше Пруссіи. Ежегодные оффиціальныя отчеты о грамотности рекрутъ во всей Саксоніи и Вюртембергѣ показываютъ, что въ этихъ странахъ число неграмотныхъ рекрутъ было отъ 1 до 4 на 10.000 чел. По прекрасной организаціи школьнаго дѣла саксонское королевство издавна считается образцовой страной въ Германіи. И дѣйствительно, уже со времени Лютера саксонское правительство не переставало заботиться объ улучшеніи народнаго образованія, увеличивая число народныхъ школъ даже въ такіе годы, когда эта маленькая страна была обременена разорительными налогами. Здѣсь уже издавна съ одинаковымъ рвеніемъ, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ государи, такъ и частныя лица заботились о народномъ образованіи и смотрѣли на него, какъ на величайшее народное благо. И въ настоящее время въ Саксоніи нѣтъ безграмотнаго крестьянина (безграмотный по крайней мѣрѣ представляетъ здѣсь большую рѣдкость), нѣтъ такого, который бы не зналъ, что его отечество по образованію стоитъ во главѣ европейскихъ государствъ, и не гордился бы этимъ болѣе, чѣмъ военными побѣдами.

Обязательность обученія — самая характерная черта народнаго образованія въ Германіи: посѣщеніе школъ дѣтьми въ этой странѣ обязательно для родителей всѣхъ сословій, обязательно оно даже для странствующихъ актеровъ и для людей, неимѣющихъ постоянного мѣста жительства. Если этотъ наиважнѣйшій законъ школьнаго законодательства Германіи не выполняется, если дѣти не посѣщаютъ школы безъ уважительной на то причины, ихъ родители подвергаются денежному штрафу, а то и тюремному заключенію. Обязательное посѣщеніе дѣтьми школы составляетъ основной принципъ ученія Лютера:

«если во время войны можно заставлять гражданъ взять оружіе», говоритъ онъ, «то тѣмъ скорѣе можно заставить ихъ давать образованіе своимъ дѣтямъ, такъ какъ тутъ дѣло идетъ о борьбѣ уже несравненно болѣе тяжелой, т.-е. о борьбѣ съ злымъ духомъ, который витаетъ вокругъ насъ, стараясь лишить государство нравственныхъ людей!» Такимъ образомъ обязательность обученія прежде всего стала закономъ церкви, и только потомъ уже, гораздо позже, сдѣлалась закономъ государства. Съ тѣхъ поръ дѣти въ Германіи, какъ людей богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, обязаны ежедневно ходить въ школу, и это сдѣлалось такимъ же обычаемъ, какъ для отцовъ ходить на работу или на государственную службу. Многіе думаютъ, что если бы теперь отмѣнили законъ объ обязательномъ обученіи, количество дѣтей, посѣщающихъ школы, не уменьшилось бы, по крайней мѣрѣ, первое время. *«Школьная повинность»* и *«военная повинность»*, — вотъ слова, которыя никогда не сходятъ съ устъ германскаго народа; въ нихъ выражается вся фізіономія современной Германіи.

Во всѣхъ государствахъ Германіи, за исключеніемъ Брауншвейга, дѣти обязаны посѣщать школу съ 6-ти и съ 7-ми лѣтн. возраста, а въ Брауншвейгѣ имъ позволяютъ лѣниться лишь до пяти лѣтъ. Когда ребенку исполнилось пять лѣтъ, родители обязаны ежедневно посылать его въ школу, или сами учить его грамотѣ, или нанять для этого домашняго учителя. Посѣщеніе школы въ Пруссіи обязательно для каждаго ребенка отъ 6-ти до 14-ти лѣтняго возраста, а въ Саксоніи отъ 7-ми до 15-ти: такимъ образомъ всѣ обязаны учиться въ школѣ по крайней мѣрѣ 8 лѣтъ. Ни одинъ фабрикантъ, ни хозяинъ мастерской, ни другой какой бы то ни было предприниматель не имѣютъ права заставлять дѣтей работать, не обязав-

шись предварительно посылать ихъ въ школу. На многихъ большихъ фабрикахъ существуютъ школы для обученія дѣтей, тамъ работающихъ. Въ общественныхъ школахъ каждое утро учитель дѣлаетъ перекличку и записываетъ неявившихся на таблицу, а затѣмъ каждую недѣлю отсылаетъ ее къ предсѣдателю школьнаго комитета. Тотъ въ свою очередь посылаетъ за родителями неявившихся учениковъ и спрашиваетъ о причинѣ ихъ неявки. Если родители не посылаютъ своего ребенка въ школу и не могутъ представить свидѣтельство о томъ, что онъ получаетъ домашнее образованіе, ихъ немедленно штрафуютъ. Если по истеченіи нѣкотораго срока оказывается, что ихъ дѣти все еще не посѣщаютъ школы, родителей штрафуютъ въ другой и въ третій разъ, увеличивая каждый разъ размѣръ штрафа. Если отецъ и послѣ этого не будетъ учить своего ребенка, его подвергаютъ тюремному заключенію, какое бы высокое положеніе онъ ни занималъ. Инспекторъ школъ имѣетъ право подвергнуть экзамену каждаго ребенка, обучающагося на дому, и если онъ найдетъ его отсталымъ отъ своихъ сверстниковъ, онъ можетъ заставить родителей немедленно начать посылать его въ школу; если ребенокъ неаккуратно посѣщаетъ школу, и для этого нѣтъ никакихъ уважительныхъ причинъ, его родителей точно также подвергаютъ штрафу за каждый пропущенный день, а въ случаѣ неуплаты штрафа ихъ заключаютъ въ тюрьму. Штрафъ присуждается комитетомъ, надзирающимъ за школами; взысканіе производится, въ случаѣ необходимости, при помощи полиціи, и затѣмъ эти деньги поступаютъ въ кассу школьнаго комитета. Каждый разъ, когда приходится сажать родителей въ тюрьму, обращаютъ вниманіе на то, чтобы ихъ дѣти въ это время не оставались безъ призора. Въ видахъ увеличенія наказанія нерадивыхъ родителей, они могутъ

быть лишены права пользоваться помощью со стороны общины, которая ни въ какомъ случаѣ не лишаетъ ея ихъ дѣтей во всемъ, что касается образованія; такимъ родителямъ можетъ быть не дозволено даже участвовать въ дѣлахъ общины, такъ же, какъ и исправлять какую-либо должность при церкви или при школѣ. Если, наконецъ, всѣ испробованныя наказанія окажутся недѣйствительными, къ дѣтямъ назначаютъ опекуна для наблюденія за ихъ образованіемъ. Многимъ такія карательныя мѣры могутъ показаться слишкомъ строгими, но на практикѣ ихъ приходится примѣнять чрезвычайно рѣдко, такъ какъ въ этомъ не оказывается никакой нужды: если не вынуждаетъ нищета, родители аккуратно посылаютъ въ школы своихъ дѣтей; если же они сильно бѣдствуютъ, то само начальство снисходительно смотритъ на то, что дѣтямъ приходится поступаться школьными обязанностями.

Необходимо также замѣтить, что школьная повинность не ограничивается только окончаніемъ народной школы: во многихъ государствахъ Германіи дѣтей еще обязываютъ въ продолженіи года, иногда двухъ, а кое-гдѣ даже и трехъ, посѣщать воскресныя школы, различные курсы и тому подобное. И такъ въ продолженіи всего времени, пока дѣти учатся, они находятся подъ строгимъ присмотромъ школьнаго начальства, которое воспитываетъ и обучаетъ ихъ такъ, какъ того желаетъ правительство. Изъ всего сказаннаго ясно, что правительство забираетъ въ свои руки каждаго ребенка, едва только онъ выйдетъ изъ пеленокъ, оставляетъ его подъ своимъ строгимъ надзоромъ въ среднемъ въ продолженіи 8-ми лѣтъ, а затѣмъ еще черезъ 6-ть лѣтъ оно беретъ его снова подъ свою опеку, надѣваетъ на его голову остроконечную каску и записываетъ его съ этихъ поръ въ число своихъ защитниковъ. Такимъ образомъ каждый человѣкъ въ Германіи

въ лучшую, самую молодую пору своей жизни отбываетъ сначала школьную, а потомъ воинскую повинность.

Послѣдствіемъ закона объ обязательномъ обученіи является распространеніе образованія между всѣми классами общества въ поразительныхъ размѣрахъ. Каждый нѣмецъ, съ которымъ приходится сталкиваться, особенно въ германскихъ городахъ, какъ бы низко ни было его общественное положеніе, умѣетъ весьма удовлетворительно читать, писать и считать.

Характеръ, духъ и направленіе всего обученія въ германской народной школѣ твердо держится: 1) строго религіозной основы, 2) національнаго, узко-патріотическаго направленія и 3) строгой классной и умственной дисциплины, такъ какъ школьная дисциплина должна быть здѣсь приготовленіемъ къ военной дисциплинѣ. Организациія германскихъ школъ проникнута тѣмъ же духомъ, какъ и организациія войска: въ ней господствуетъ тотъ же порядокъ, доведенный до мелочности, та же дисциплина, которая хотя и приучаетъ къ повиновенію и къ точному выполненію своихъ обязанностей, но за то убиваетъ зачатки творчества, самобытности и оригинальности.

Какъ въ протестантскихъ, такъ и въ католическихъ земляхъ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Германіи самое большое вниманіе въ народныхъ школахъ обращено на религію. Можно даже сказать, что народное образованіе въ Германіи до 1872 г. было исключительно религіозное. Но какіе странные результаты дало оно! При исключительно религіозномъ образованіи, господствовавшемъ до 1872 г., и глубоко религіозномъ направленіи, которымъ проникнута была школа съ самаго ея основанія до послѣдняго времени, лютеране Германіи относятся совершенно равнодушно къ своей религіи, и въ этой странѣ встрѣчается болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, людей невѣрующихъ.

Однако въ самое послѣднее время правительство, опасаясь, чтобы духовенство не забрало въ свои руки слишкомъ много власти, начало мало-по-малу ослаблять его вліяніе и, наконецъ, закономъ 1872 г., рѣшилось довѣрить свѣтскимъ властямъ наблюденіе надъ школами, предоставленное прежде исключительно пасторамъ. При этомъ программу обученія, сравнительно съ прежнимъ, сильно расширили свѣтскими предметами и сократили количество часовъ, посвященныхъ закону Божьему. Теперь въ народныхъ школахъ Германіи обучаютъ: закону Божьему, чтенію, письму, ариѳметикѣ, началамъ геометріи, рисованію, пѣнію, исторіи, географіи, естественной исторіи, гимнастикѣ, а въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ еще и нѣкоторымъ другимъ предметамъ. Слѣдовательно, на образованіе учениковъ народныхъ школъ, на ихъ умственное развитіе и свѣтскія знанія въ самое послѣднее время обращено большое вниманіе, но характеръ обученія остался тотъ же, т.-е. теперь, какъ и раньше, прежде всего преслѣдуютъ религіозныя, но еще болѣе — узкопатріотическія цѣли, т.-е. говоря о Германіи, превозносятъ ее выше всякой мѣры: знакомя учениковъ съ прошлымъ и настоящимъ ихъ родины, совсѣмъ умалчиваютъ о дурномъ, о мрачныхъ сторонахъ ихъ жизни, а то хорошее, которое у нихъ есть дѣйствительно, выставляютъ въ преувеличенно прекрасномъ видѣ.

Весьма видную роль въ народной школѣ играютъ гимнастика и хоровое пѣніе. Нѣмцы издавна считаютъ пѣніе крайне необходимымъ при воспитаніи. Начиная съ ранняго дѣтства, обученіе пѣнію продолжается въ теченіе всего учебнаго курса, и вслѣдствіе постояннаго упражненія пріобрѣтается большая привычка и навыкъ, что развило въ нѣмецкой молодежи любовь къ пѣнію и музыкѣ, истинное пониманіе ихъ, а также музыкальный смыслъ и

вкусъ до такого совершенства, какого не достигала до сихъ поръ ни одна нація. Если обратить вниманіе на росписаніе часовъ занятій въ учительскихъ семинаріяхъ, гдѣ готовятъ будущихъ учителей народныхъ школъ, то мы узнаемъ, что пѣнію и музыкѣ посвящаютъ здѣсь чрезвычайно много времени. Въ учительскихъ семинаріяхъ обучаютъ и теоріи музыки, и игрѣ на скрипкѣ, и игрѣ на фортепіано, и игрѣ на органѣ: кромѣ того много упражняются въ хоровомъ пѣніи. Молодого человѣка совсѣмъ не примутъ въ учительскую семинарію, если у него нѣтъ природныхъ склонностей къ музыкѣ и пѣнію, что должно быть засвидѣтельствовано при вступительномъ экзаменѣ двумя хорошими музыкантами-экзаменаторами. Съ перваго же года воспитанникамъ учительскихъ семинарій даютъ въ руки музыкальныя произведенія Гайдна, Генделя, Мендельсона и другихъ замѣчательныхъ музыкальныхъ композиторовъ, и въ концѣ-концовъ они должны умѣть сочинять небольшія музыкальныя пьесы для органа сельской церкви. Нѣмецкіе педагоги смотрятъ на пѣніе и музыку не только, какъ на средство смягчать нравы, но преслѣдуютъ при этомъ и чисто практическія цѣли: ученики семинарій и народныхъ школъ должны заучивать извѣстное число духовныхъ и патріотическихъ пѣсенъ, а хоровое пѣніе, какъ извѣстно, служить лучшимъ проводникомъ идей, выраженныхъ въ пѣсняхъ.

Если посѣтитель войдетъ въ какую-нибудь народную школу Германіи, его прежде всего поразитъ въ ней необыкновенная чистота и порядокъ въ классѣ, а также строжайшая дисциплина и замѣчательное послушаніе учениковъ. Это достигается тѣмъ, что учитель старается прежде всего установить такой порядокъ въ классѣ, при которомъ его, т.-е. учителя, не отвлекали бы отъ предмета ни малѣйшій шумъ, ни малѣйшее нарушеніе клас-

снаго порядка. Кромѣ очень строгой дисциплины, главная задача каждаго учителя—давать учащимся немного, но чтобы это немного было усвоено ясно, твердо и по возможности всѣми, какъ способными, такъ и наиболѣе слабыми изъ учениковъ. Не менѣе важнымъ считается—обращать вниманіе на дрессировку способностей, на практическую умѣлость въ томъ или другомъ предметѣ и скорѣе на развитіе памяти, чѣмъ на широкое умственное развитіе.

Классный порядокъ въ германскихъ школахъ, дѣйствительно, возбуждаетъ удивленіе. Какъ искусный музыкантъ управляетъ оркестромъ, такъ нѣмецкій учитель завѣдуетъ классомъ. Ни посѣщеніе посторонняго лица, ни другое какое-либо обстоятельство не развлекаютъ школьниковъ ни на мгновеніе. Они сидятъ, не шелохнувшись, положивъ руки на столъ, съ глазами, устремленными въ одну точку, то-есть на своего учителя. Чуть кто немножко отвелъ голову, учителю достаточно едва замѣтнаго знака рукою, чтобы все пришло въ прежній порядокъ. Когда онъ спрашиваетъ: «кто можетъ отвѣтить», желающіе отвѣчать поднимаютъ руку, но ни одинъ ученикъ не издастъ ни звука прежде, чѣмъ это будетъ дозволено. Такой порядокъ достигается не только школьною дисциплиною: нѣмецкія дѣти уже дома бываютъ значительно вымуштрованы. Впрочемъ, маленькимъ дѣтямъ, для которыхъ долгое неподвижное сидѣнье было бы слишкомъ утомительнымъ, дается роздыхъ. Они въ промежуткѣ ученія, примѣрно, чрезъ каждые полчаса, поютъ пѣсенку, дѣлаютъ извѣстныя движенія, и все это происходитъ точно также въ строгомъ порядкѣ и по командѣ. Для достиженія этой дисциплины въ нѣмецкой школѣ ничѣмъ не затрудняются. Болѣе шаловливыхъ и бойкихъ учитель награждаетъ подчасъ полновѣсною оплеухой; кромѣ того

онъ постоянно держать въ рукахъ длинную трость и очень искусно ею распоряжается. Она служитъ ему и для указокъ при объясненіяхъ, и для того, чтобы мимоходомъ, безъ всякихъ словъ, хлестнуть по рукамъ того, кто чѣмъ-нибудь развлекся. Нерѣдко учитель очень безцеремонно пользуется своимъ правомъ наказывать и таскаетъ учащихся за волосы, за уши, даже за щеки. Но болѣе всего такихъ учителей, которые и въ наказаніяхъ придерживаются строгой системы. За ничтожную провинность учитель только устремляетъ суровый взглядъ на виновнаго, послѣ этого—дѣлаетъ выговоръ наединѣ, слѣдующая степень наказанія—выговоръ при всемъ классѣ, затѣмъ наказаніе въ уголь, послѣ этого идутъ болѣе чувствительныя наказанія—неожиданная пощечина, или, какъ нѣмцы называютъ, «моментальное потрясеніе» и, наконецъ, исключеніе изъ школы на время и т. д. Всѣ эти карательныя мѣры имѣютъ множество подраздѣленій, смотря по винѣ преступника. Что касается до тычкѣвъ, пинкѣвъ, щелчкѣвъ, трепокъ за вихоръ, то они совсѣмъ не идутъ въ счетъ.

Въ нѣмецкой народной школѣ дѣти научаются правильно и красиво писать, быстрому изустному и письменному счету и приобрѣтаютъ важнѣйшія знанія по естествовѣдѣнію, по географіи и исторіи. Вообще нѣмецкая школа, особенно въ сравненіи съ испанской, итальянской и даже французской, даетъ несравненно больше знаній, но сильно грѣшитъ излишнею дрессировкою ума и природы ребенка. При этомъ нѣмецкая школа, обогащая учащагося значительнымъ количествомъ знаній, ограничиваетъ умственное развитіе его лишь практическими потребностями. Изъ нея выходятъ люди добросовѣстные, умѣющіе хорошо справляться со всякимъ дѣломъ, которое можетъ представиться въ жизни, но безъ той искры

божіей, которая заставляла бы ихъ стремиться далѣе на пути развитія и завоеванія полной свободы и самостоятельности. Вотъ почему страна эта, несмотря на широкое распространеніе грамотности, несмотря на множество образцовыхъ учебныхъ заведеній, превосходные университеты, всегда стояла въ политическомъ отношеніи ниже Англии. Хотя въ Англии болѣе безграмотныхъ, чѣмъ въ Германіи, но за то родина англичанъ славится болѣе Германіи своимъ замѣчательнымъ государственнымъ устройствомъ, а также тою свободою личности и тѣми правами и преимуществами, которыми англичане пользуются въ несравненно большей степени, чѣмъ нѣмцы.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ПОМѢЩИКИ И КРЕСТЬЯНЕ.

Поземельная собственность.—Помѣщики: ихъ жизнь и помѣстья.—Зажиточные крестьяне и ихъ отношеніе къ бѣднякамъ.—Положеніе крестьянъ средняго достатка.—Горе-горькая судьба безземельныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ.—Земледѣльческіе рабочіе.—Все усиливающееся выселеніе съ родины.

Поземельная собственность распредѣлена въ Германіи въ высшей степени разнообразно. Есть громадныя пространства, даже цѣлыя провинціи, гдѣ на вопросъ: «чья земля», постоянно слышишь одинъ и тотъ же отвѣтъ: «господская». И дѣйствительно, въ такихъ мѣстностяхъ дворяне владѣютъ громадными помѣстями: они преимущественно находятся на сѣверѣ. Хотя вы найдете и здѣсь не мало богатыхъ крестьянъ-собственниковъ, но все-таки наиболѣе крупныя помѣстья чаще всего принадлежатъ дворянамъ, а владѣльцами мелкой поземельной собственности являются въ Германіи почти исключительно крестьяне.

Богатые нѣмецкіе помѣщики-дворяне, въ большинствѣ случаевъ, весьма дѣльные сельскіе хозяева: они употреб-

ляютъ всѣ средства и силы, чтобы улучшить свое хозяйство и доводятъ его, даже въ томъ случаѣ, если оно находится въ жалкой мѣстности, до замѣчательнаго совершенства. Въ нѣкоторыхъ дворянскихъ помѣстьяхъ земля такъ плоха, что представляетъ голый песокъ или торфяникъ. Но послѣ того, какъ образованный помѣщикъ нѣсколько времени управлялъ своимъ имѣніемъ, вмѣсто нигуда негодныхъ болотныхъ растений вы находите въ немъ уже превосходныя поля зерноваго хлѣба, сочныя луга клевера, стѣной стоящія конскіе бобы, даже сахарную свекловицу. Иное хозяйство ведется совсѣмъ на песчаной почвѣ, но владѣлецъ его въ концѣ-концовъ достигаетъ возможности получать богатые урожаи, даже сѣять пшеницу.

Помѣстья богатыхъ дворянъ-собственниковъ очень разнообразны, смотря по мѣстности, гдѣ они находятся, и степени зажиточности каждаго изъ нихъ. Можно сказать однако, что въ общемъ богатые землевладѣльцы Германіи, хотя и не живутъ въ своихъ деревняхъ съ такимъ царскимъ великолѣпіемъ, какъ англійскіе, но ихъ помѣстья оставляютъ впечатлѣніе очень большихъ, разумно устроенныхъ имѣній. У большинства изъ нихъ—парки (если только устройству ихъ не мѣшаютъ климатъ и мѣстныя условія) съ громадными цвѣтниками, любовью къ которымъ такъ отличаются всѣ нѣмцы, и при томъ передъ домомъ обыкновенно прекрасно расчищенный огромный лѣсъ. Обстановка дома, даже самыхъ богатыхъ нѣмецкихъ помѣщиковъ, отличается совершенною простотою и уютностью, но не роскошью. Самый домъ построенъ основательно, хозяйственно и до такой степени прочно, что онъ выдерживаетъ цѣлыя столѣтія, переходя отъ отца къ сыну. Каждый новый владѣлецъ съ любовью поддерживаетъ свое деревенское жилище и обыкновенно дѣлаетъ къ нему только

новую пристройку. Свое обширное и сложное хозяйство богатые помѣщики Германіи ведутъ съ знаніемъ дѣла и весьма расчетливо, — расчетливость уже въ крови каждаго нѣмца. Такое помѣстье представляетъ обыкновенно большой поселокъ: такъ много пристроекъ около самаго дома, и близъ него масса всевозможныхъ сельско-хозяйственныхъ зданій, хлѣвовъ, птичниковъ и жилищъ для большого числа рабочихъ и служащихъ. У весьма многихъ при домѣ два большихъ двора. Въ иныхъ хозяйствахъ много машинъ, и для ихъ сохраненія необходимы особыя зданія, которыя уже не умѣщаются на одномъ, хотя и всегда обширномъ дворѣ, и къ нему приходится прибавлять второй дворъ. Кромѣ названныхъ зданій, у богатаго помѣщика существуетъ не мало построекъ для молочнаго хозяйства, особое зданіе для пекарни, другое для господской кухни, особая кухня для прислуги. Въ людской ежедневно обѣдаетъ тридцать и сорокъ человѣкъ, а въ лѣтнюю пору, когда приглашаютъ другихъ работниковъ, и гораздо болѣе. Кромѣ множества цвѣточныхъ клумбъ въ паркѣ и во дворѣ, за помѣщичьимъ домомъ находится садъ, гдѣ также не мало цвѣтовъ, но который въ то же время даетъ и хорошій доходъ владѣльцу: множество фруктовыхъ деревьевъ не только позволяютъ дѣлать большіе запасы на зиму — сохранять свѣжіе фрукты и еще болѣе заготавливать сушеныхъ, но и посылать на продажу.

Второй разрядъ землевладѣльцевъ — зажиточные крестьяне-собственники: у нихъ обширные дворы, съ значительнымъ количествомъ рабочаго скота, и свои довольно крупные участки они обрабатываютъ, какъ и помѣщики, съ помощью наемныхъ рабочихъ. Объемъ имѣній этихъ богатыхъ крестьянъ-землевладѣльцевъ весьма различенъ: можно встрѣтить крестьянъ, владѣющихъ прекрасной землей въ 100 десятинъ и гораздо болѣе, но даже и тѣ, которые

владѣютъ участкомъ земли въ половину меньшимъ, считаются здѣсь еще весьма зажиточными.

Крестьянскимъ владѣніемъ прежде считалось такое, которое было обложено въ пользу господъ различными повинностями. Въ настоящее время крестьянскія имѣнія уравнены въ правахъ и несутъ одинаковыя тяготы съ дворянскими. Крестьяне и владѣльцы большихъ помѣстьевъ отличаются теперь отъ дворянъ-помѣщиковъ только тѣмъ, что они, по своему рожденію, не принадлежатъ къ высшимъ классамъ общества и сами съ членами своей семьи не только надзираютъ за хозяйствомъ и управляютъ рабочими, но работаютъ наряду съ ними и часто усерднѣе ихъ, чтобы подавать имъ примѣръ неустаннаго трудолюбія. Свою землю богатый крестьянинъ обыкновенно обрабатываетъ лошадьми, быками, плугомъ, а не лопатою и киркой, какъ это бываетъ съ мелкими собственниками. При этомъ члены его семейства не занимаются ни ремеслами, ни поденной работой на сторонѣ, а находятъ занятія дома, въ своемъ собственномъ хозяйствѣ. Богатые крестьяне, то-есть собственники значительнаго количества земли, живутъ въ благоустроенныхъ домахъ, но, хотя нѣкоторые изъ нихъ богаче иныхъ помѣщиковъ, они всегда отличаются отъ послѣднихъ болѣе простой домашней обстановкой, и прежде всего тѣмъ, что сами занимаются простою сельскою работою наряду съ своими рабочими. Всѣ эти богатые крестьяне люди очень бережливые, умѣренныя, работающіе, здоровые, и иной изъ нихъ держитъ у себя весьма много рабочихъ.

Третій разрядъ землевладѣнія въ Германіи представляютъ крестьяне, владѣющіе участками отъ 4—5 до 20-ти десятинъ земли. Наиболѣе крупныя изъ нихъ вполне достаточны для прокормленія крестьянской семьи, но и они уже не настолько велики, чтобы хозяева нуждались для ихъ

обработки въ наемномъ трудѣ; поэтому всѣ сельско-хозяйственныя работы такіе крестьяне справляютъ съ помощью своей собственной семьи и уже этимъ сильно отличаются отъ крестьянъ-собственниковъ второго разряда. Нельзя сказать, чтобы такіе крестьяне жили особенно зажиточно, но ихъ участокъ все же вполне обезпечиваетъ имъ уголь и кусокъ хлѣба, привязываетъ всѣхъ членовъ семьи къ землѣ и къ земледѣльческой дѣятельности; они, наконецъ, имѣютъ возможность не искать заработка на сторонѣ, не браться за побочныя занятія.

Къ четвертому разряду относятся мелкіе землевладѣльцы, то-есть такіе крестьяне, которые владѣютъ небольшими и недостаточными для пропитанія участками земли, начиная отъ самыхъ ничтожныхъ клочковъ въ $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{2}$ десятины до 3—4 десятинъ земли. Крестьянинъ, имѣющій полъ или четверть десятины земли, обыкновенно можетъ устроить развѣ одинъ огородъ, а то и разбить лишь нѣсколько грядокъ. Владѣльцевъ такихъ крошечныхъ клочковъ земли называютъ владѣльцами «карликовыхъ участковъ», обозначая этимъ ничтожную величину ихъ земельной собственности. Однако не только владѣльцы «карликовыхъ участковъ», но вообще весь этотъ четвертый разрядъ мелкихъ землевладѣльцевъ чрезвычайно бѣдствуетъ. Вычистано, что въ Германіи только крестьяне, имѣющіе 7—8 десятинъ земли, могутъ прокормить семью средней величины, т.-е. въ 6—7 душъ, тѣ же, участокъ которыхъ меньше этого размѣра, не могутъ ни прокармливать членовъ своей семьи, ни предоставлять имъ достаточно занятій на своемъ участкѣ. Между тѣмъ какъ этихъ мелкихъ землевладѣльцевъ 4-го разряда (у которыхъ менѣе 3—4 д.), такъ и людей совершенно безземельныхъ чрезвычайно много въ Германіи: ихъ насчитываютъ съ женами и дѣтьми болѣе $9\frac{1}{2}$ милліоновъ. Или не имѣя вовсе земли, или имѣя ее

въ крайне недостаточномъ для прокормленія количествѣ, такіе крестьяне становятся ремесленниками, занимаются ткачествомъ, портняжествомъ, приготовленіемъ посуды, а ихъ семейства въ лѣтнее время исполняютъ всѣ работы по сельскому хозяйству; зимою члены семьи такого хозяина присоединяются къ нему и помогаютъ ему въ его ремеслѣ. На многихъ «карликовыхъ участкахъ» нѣтъ даже хутора: все семейство такого землевладѣльца, съ хозяиномъ во главѣ, поступаетъ рабочими на ферму помѣщика или крупнаго землевладѣльца-крестьянина и поселяется въ одномъ изъ домиковъ, предназначенныхъ для земледѣльческихъ рабочихъ. Нанявшись въ рабочіе, они выговариваютъ у хозяина право обрабатывать въ извѣстное время свой клочекъ земли. Вѣдь на это не приходится терять особенно много времени: «карликовый участокъ» не воздѣлываютъ ни лошадыю, ни быкомъ, но взрываютъ землю лопатой и киркой; произведенія, собранныя съ такихъ небольшихъ клочковъ земли, отправляютъ не на возу, а въ корзинѣ или въ ручной телѣжкѣ.

Почему же въ Германіи лишь 7—8 десятинъ можетъ прокормить обычную крестьянскую семью, тогда какъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ она можетъ существовать безъ особенно тяжелыхъ лишеній и на земельномъ участкѣ въ 4—5 десятинъ? Главною виною въ этомъ—*раздробленность* и безъ того мелкихъ участковъ на еще болѣе мелкіе. Въ Германіи часто и крупныя имѣнія разбиты на множество участковъ, но отъ этой раздробленности особенно страдаютъ мелкіе землевладѣльцы. Къ тому же еще эти участки нерѣдко лежатъ другъ отъ друга очень далеко. Вотъ крестьянинъ, который весь свой участокъ могъ бы обработать въ три, четыре дня, но такъ какъ онъ разбитъ на множество полосъ, иногда очень далеко лежащихъ другъ отъ друга, то на ходьбу тратится столько времени,

что ему мало и недѣли, чтобы покончить работу на своей землѣ. Случается, и это весьма нерѣдко, что земледѣлец по ошибкѣ обрабатывает чужую полосу, а свою оставляетъ безъ вниманія. Нѣкоторые изъ этихъ участковъ такъ малы, что при продажѣ съ публичнаго торга ихъ оцѣниваютъ въ одинъ—два рубля. Когда здѣшній крестьянинъ въ разговорѣ съ пріятелями упоминаетъ то объ одномъ своемъ имѣніи, которое лежитъ въ такой-то деревнѣ, то о другомъ, находящемся уже въ другомъ мѣстѣ, вы подумаете, что передъ вами богатый собственникъ, между тѣмъ это бѣдный крестьянинъ, имѣющій всего двѣ десятины земли, разбитыхъ болѣе чѣмъ на 20 участковъ. Когда прошлымъ лѣтомъ онъ пахалъ свое поле, онъ повредилъ лень сосѣда, съ которымъ у него началась безконечная ссора. Его овощи, разведенныя на другой полосѣ, пострадали отъ весеннихъ холодовъ, другіе посѣвы подточилъ червякъ. Одинъ изъ его сыновей, видя, что остальные полосы участка его отца едва могутъ прокормить старика, нанялся поденщикомъ на ближайшую ферму, второй его братъ поступилъ на фабрику, а третій эмигрировалъ (выселился) въ Америку.

Мелкіе собственники прибѣгаютъ ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы извлечь побольше выгоды изъ своего небольшого, до безконечности раздробленнаго участка: на одной полосѣ они сѣютъ пшеницу, на другой сажаютъ картофель, разводятъ овощи, хмѣль, табакъ, однимъ словомъ разнообразятъ произведенія своего хозяйства до безконечности. Это дѣлается въ виду того, что если одно растеніе постигнетъ неурожай, уродится другое. Такая черезполосица и мелкое дробленіе земли дурно вліяютъ и на нравственность; они даютъ поводъ для безконечныхъ споровъ, ссоръ и дразгъ, къ тому-же тамъ, гдѣ нѣтъ общаго пастбища, каждый крестьянинъ заставляеть своего сына

стеречь скотину на поляхъ и опушкахъ лѣса, такъ что одинъ пастухъ приходится очень часто на одну только голову скота. Такъ какъ пастухами бываютъ дѣти, то пастушеская жизнь пріучаетъ ихъ къ лѣни, распущенности и воровству. Мелкіе собственники очень часто не могутъ извлечь изъ своихъ крошечныхъ участковъ достаточно пищи для своего скота, и потому ихъ сыновья уже съ дѣтства привыкаютъ не считать преступленіемъ пользованіе чужою собственностью: они изощряются въ томъ, какъ бы безнаказанно пасти скотъ на чужой землѣ.

Въ большинствѣ случаевъ зажиточные крестьяне живутъ одною жизнію съ своими рабочими: какъ самъ хозяинъ, такъ и все его семейство, а также и его рабочіе обѣдаютъ за однимъ общимъ столомъ и отдыхаютъ одинаковое количество времени. Только въ немногихъ мѣстностяхъ Германіи зажиточные крестьяне обѣдаютъ съ своимъ семействомъ за отдѣльнымъ столомъ. Но и въ первомъ, и во второмъ случаѣ это только чисто внѣшнее, наружное равенство, а на самомъ дѣлѣ его нѣтъ и въ поминѣ. Если зажиточный крестьянинъ и обѣдаетъ за однимъ столомъ съ своимъ рабочимъ, отдыхаетъ столько же, сколько и онъ, работаетъ съ нимъ на одномъ полѣ, то онъ дѣлаетъ это не изъ чувства братства, а чтобы лучше наблюдать за своимъ рабочимъ, чтобы тотъ поменьше лѣнился. Что это слѣдуетъ объяснять именно такъ, а не иначе, видно уже изъ того, что даже тамъ, гдѣ рабочіе пользуются съ хозяиномъ и его семьей равными правами въ домѣ и на работѣ, они, т.-е. рабочіе, обязаны знать свое мѣсто въ трактирѣ и во всякомъ другомъ общественномъ мѣстѣ, и когда хозяинъ ихъ входитъ и садится за столъ, должны сейчасъ же встать и сѣсть на другое мѣсто. Вообще зажиточные крестьяне держатъ себя гордо и высокомерно не только съ своими рабочими, но и съ другими

такими же, какъ и они, крестьянами-хозяевами, если только тѣ чуть-чуть побѣднѣе ихъ. Крестьянинъ, у котораго въ хозяйствѣ 9—10 лошадей, считаетъ ниже своего достоинства сѣсть въ трактирѣ за одинъ столъ съ двухлошаднымъ. Все это вызываетъ въ бѣдныхъ крестьянахъ страшную ненависть къ обеспеченнымъ крестьянамъ.

Нигдѣ въ Европѣ рознь сословій, ненависть и презрѣніе богатыхъ крестьянъ-собственниковъ къ безземельнымъ или малоземельнымъ не доведены до такихъ крайнихъ предѣловъ, какъ въ Германіи. Въ Англіи собственниками земли являются богатѣйшіе аристократы, съ которыми ихъ земледѣльческіе рабочіе не имѣютъ ничего общаго и на которыхъ съ дѣтства они привыкли смотрѣть, какъ на что-то сравнительно съ ними во всѣхъ отношеніяхъ высшее,—въ Германіи же совсѣмъ не то. Во многихъ мѣстностяхъ этой страны по смерти крестьянина вся земля его переходитъ къ одному наслѣднику: или по собственному выбору отца семейства, или по жребію, если наслѣдника не назначено, или по закону къ старшему въ родѣ. Тамъ, гдѣ вся земля переходитъ къ старшему въ родѣ, говорятъ, что въ такой мѣстности существуетъ *майоратъ*. Но есть мѣстности въ Германіи, гдѣ вся земля переходитъ къ младшему сыну: такой обычай называется *миноратомъ*. Но какой бы обычай ни существовалъ въ той или другой мѣстности, къ младшему сыну или къ старшему переходитъ вся земля послѣ смерти отца, большею частью она достается изъ всей семьи только одному члену. Такимъ образомъ братья и сестры, жившіе при жизни отца, зажиточнаго крестьянина, въ полномъ довольствѣ, послѣ его смерти, кромѣ одного наслѣдника, становятся безземельными пролетаріями (нищими) и должны наниматься въ батраки и чернорабочіе, очень часто у родного брата. Ненависть между богатыми и бѣдными здѣсь

особенно сильна уже потому, что тѣ и другіе, по своему положенію, близко стояли другъ къ другу, развивались въ дѣтствѣ при одинаковыхъ условіяхъ, получили болѣе или менѣе одинаковое образованіе. Вотъ потому-то въ Германіи существуетъ непріязнь, нерѣдко переходящая въ непримиримую вражду между богатыми крестьянами-землевладельцами и безземельными или малоземельными сельскими рабочими.

Большая часть малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ дѣлается обыкновенно *сельскими рабочими*. Они дѣлятся на три класса: 1) *служащіе*,—это такого сорта рабочіе, которые совсѣмъ не имѣютъ собственной земли, но за свою работу у помѣщика или у богатаго крестьянина получаютъ въ пользованіе на время ихъ службы небольшой клочокъ земли, а также жилище, кое-что натурою и небольшую плату деньгами. Ко второму разряду принадлежатъ *хатники*: они имѣютъ свой собственный домикъ, а также собственный клочокъ земли, но обыкновенно до такой степени крошечный, что онъ не можетъ прокормить всѣхъ членовъ семьи, и они вслѣдствіе этого вынуждены искать заработка на сторонѣ. Третій разрядъ рабочихъ—*поденщики*, не имѣющіе уже ни клочка земли, ни хаты, однимъ словомъ никакой собственности; они живутъ исключительно поденною платою.

Крупные землевладельцы, зная по опыту, какъ увеличивается съ каждымъ годомъ эмиграція (выселеніе) земледѣльческихъ рабочихъ въ другія страны и опасаясь остаться совсѣмъ безъ рабочихъ рукъ, стремятся теперь прикрѣпить сельскихъ рабочихъ къ своему помѣстью. Для этого они съ каждымъ годомъ строятъ въ своихъ помѣстьяхъ все болѣе жилищъ; такимъ образомъ мало-по-малу они окружили себя цѣлыми селеніями, въ которыхъ живутъ ихъ рабочіе. Слѣдуетъ замѣтить вообще,

что лучше всего жить тѣмъ земледѣльческимъ рабочимъ, которымъ удалось наняться къ расчетливымъ, но умнымъ хозяевамъ: такіе, хотя и зорко наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы рабочій не терялъ ни одной минуты, но зато стараются предоставить ему жилище хотя нѣсколько поспоснѣе, но еще болѣе стараются угодить ему пищею, какъ это можно было видѣть въ Баваріи. Разумѣется, это можетъ быть лишь тогда, когда между хозяиномъ и рабочимъ такое условіе, что рабочій живетъ и ѣсть у хозяина.

Никакой законъ не ограничиваетъ продолжительности рабочаго дня сельскихъ рабочихъ, за исключеніемъ того, что для малолѣтнихъ обязательно посѣщеніе школы. Лѣтомъ взрослые крестьяне, работающіе по найму, работаютъ отъ восхода до захода солнца, а во время жатвы и другихъ спѣшныхъ лѣтнихъ занятій—14, 15 и даже 16 ч. въ сутки. Зимой работаютъ меньше, отъ 8 до 9-ти ч., но расчетливые хозяева и тутъ стараются увеличить продолжительность рабочаго дня: чтобы заставить рабочихъ вставать раньше, они пускаютъ свои часы впередъ, одни на четверть, другіе на полчаса и болѣе. Единственное время, которое у *служащихъ* остается для обработки своего клочка земли, полученнаго отъ хозяина,—воскресные и праздничные дни. Какъ и всѣ германскіе лютеране, служащіе совершенно равнодушно и холодно относятся къ религіи и отправляются въ такіе дни не въ церковь, а на свое поле копать картофель, косить сѣно, и, если бы не эти праздничные дни, они не могли бы управиться съ своимъ маленькимъ хозяйствомъ, такъ какъ все остальное время они работаютъ на своего хозяина. Посмотримъ же, какъ обезпечиваетъ этотъ тяжелый трудъ ихъ семьи. За свою работу, вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ (*служащаго* обыкновенно нанимаютъ съ помощникомъ, которымъ можетъ

быть какъ мужчина, такъ и женщина, и этому своему помощнику служащій долженъ самъ платить) такой рабочій получаетъ отъ землевладѣльца одинъ клочекъ садовой земли съ удобреніемъ и другой клочекъ земли, тоже удобренной, для картофеля и льна; онъ имѣетъ право держать корову, нѣсколькихъ овецъ, свинью, нѣсколькихъ гусей, получаетъ жилище, а также извѣстное количество ржи, ячменя и овса; кромѣ того ему даютъ и небольшое денежное вознагражденіе. Однимъ словомъ, если все, что такому рабочему даютъ натурою, перевести на деньги и къ этому приложить и его денежное вознагражденіе, то въ годъ это составитъ сумму около 600 марокъ, что на наши деньги будетъ приблизительно 270 рублей (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нѣсколько больше, зато бываетъ и меньше). Но изъ этой суммы нужно вычесть то, что онъ расходуетъ на содержаніе и вознагражденіе своего помощника, а это обходится ему не менѣе 300 марокъ. Такимъ образомъ семья этого сорта рабочихъ живетъ цѣлый годъ на 135 рублей; если она велика и въ ней много маленькихъ дѣтей, которые не могутъ еще ничего зарабатывать своимъ трудомъ, то этого дохода, даже въ урожайный годъ, недостаточно для ихъ прокормленія. Въ годы же плохого урожая, когда землевладѣльцы-хозяева сильно уменьшаютъ плату служащимъ деньгами, ихъ матеріальное положеніе очень затруднительно. Къ тому же нужно замѣтить, что землевладѣльцы имѣютъ обычай отдавать своимъ рабочимъ полосы земли болѣе плохого качества и менѣе глубоко пропаханныя, поэтому и урожай у нихъ обыкновенно поплоче хозяйскаго. При такомъ заработкѣ, людямъ «служащимъ» съ ихъ семьями грозила бы голодная смерть, если бы члены этихъ семействъ не увеличивали нѣсколько доходъ своимъ трудомъ. Жена нанимается на поденную работу и изо всѣхъ силъ такъ ста-

рается вести свое маленькое хозяйство, чтобы оно давало возможность не покупать для семьи картофеля и овощей, а иногда еще и кое-что продать изъ собственной живности; дѣти нанимаются полоть гряды и чистить плоды.

Судьба *хатниковъ* еще болѣе горемычная. Выше было сказано, что у этихъ рабочихъ существуетъ собственный клочокъ земли; но обыкновенно онъ такъ малъ, что называется даже «карликовымъ» и не даетъ достаточно занятій для всѣхъ членовъ семьи, не можетъ прокормить ихъ обыкновенно и одну четверть года, — вотъ это-то и заставляетъ *хатниковъ* наниматься у сосѣдей на поденную работу. Казалось бы, что въ виду того, что у нихъ существуетъ хотя маленькій, но все же собственный клочокъ земли, ихъ судьба менѣе сурова, чѣмъ у перваго класса рабочихъ, но на дѣлѣ выходитъ иначе. Страстно привязанные къ своимъ земельнымъ участкамъ и къ своей жалкой хатѣ, они употребляютъ всѣ усилія, чтобы навсегда удержать за собой то и другое, но это удается очень немногимъ. Если они не находятъ для себя поденной работы хотя во время одного лѣта (а это случается сплошь и рядомъ), они уже не могутъ ни обсѣменить своихъ маленькиихъ полосокъ весною, ни прокормиться зимою съ своими ребятами. Послѣднее заставляетъ ихъ входить въ долги. Если отсутствіе заработка повторилось два, три раза, «хатникъ» уже неоплатный должникъ.

Нужно однако замѣтить, что отъ долговъ страдаютъ не только «хатники», но большая часть мелкихъ землевладѣльцевъ; всѣ они въ Германіи въ высшей степени обременены долгами. Лишь въ очень немногихъ мѣстностяхъ этой страны мелкимъ землевладѣльцамъ, хотя и съ грѣхомъ пополамъ, удается, безъ большихъ долговъ, кое какъ пробиваться. Но даже и такіе крестьяне могутъ считаться счастливыми, такъ какъ большая часть

мелкихъ собственниковъ-крестьянъ находится въ самомъ тяжеломъ долговомъ рабствѣ у капиталистовъ. Обыкновенно богатый помѣщикъ, сосѣдъ несчастнаго «хатника», съ большимъ удовольствіемъ даетъ ему въ долгъ, пока тотъ еще не погрязъ по уши въ долгахъ. Эта готовность одолжить несчастнаго человѣка объясняется въ этомъ случаѣ исключительно желаніемъ помѣщика купить маленькій клочокъ земли своего должника-сосѣда и присоединить его къ своему помѣстью. Нѣмецкіе помѣщики издавна стремились къ возможно большому расширенію своихъ владѣній, видя въ землѣ не только источникъ богатства, но и средство для достиженія политическаго могущества. Они и теперь употребляютъ всѣ усилія, чтобы округлить свою собственность и быть полновластнымъ хозяиномъ всѣхъ окрестныхъ полей и луговъ, а тутъ еще «хатники», затаившись въ долги и потерявъ всякую надежду удержать за собой свой клочокъ земли, становятся отчаянными ворами зернового хлѣба и всѣхъ сельскихъ продуктовъ помѣщика. Чтобы избавиться поскорѣе отъ такого непріятнаго сосѣда, помѣщикъ или самъ даетъ въ долгъ «хатнику», или скупааетъ его долговья обязательства и дѣлается собственникомъ его земли. Еще чаще обезземеливаетъ несчастнаго его ростовщикъ, но не безъ соглашенія, иногда только молчаливаго, съ его богатымъ сосѣдомъ-помѣщикомъ. Ростовщикъ до тѣхъ поръ даетъ въ долгъ «хатнику» (всегда на чрезвычайно тяжелыхъ условіяхъ и за огромные проценты), пока сумма долга и быстро выросшихъ на нихъ процентовъ не превысила стоимости хаты и клочка земли бѣдняка, а затѣмъ продаетъ его собственность сосѣду-помѣщику. Такимъ образомъ мелкая крестьянская собственность постепенно исчезаетъ и замѣняется съ одной стороны «карликовыми» имѣніями, т.-е. еще меньшаго размѣра клочками земли, а съ другой—громадными помѣстьями.

Пока же «хатники» не завязли еще въ долгахъ и пользуются своею маленькою собственностью, они одну половину года пропитываются отъ продуктовъ своей земли, а другую часть года — голодаютъ; они усердно ищутъ заработка, а если это не выгорѣло, наполняютъ свой желудокъ всѣмъ, что подвернулось подъ руки, всѣмъ, что можно было стащить съ чужого поля, изъ амбара и овина. Долго они не могутъ быть въ такомъ положеніи, и часто, продавъ свою собственность, они становятся странствующими рабочими или временно переселяются въ какую-нибудь другую мѣстность, а то и совсѣмъ покидаютъ родину.

Третій классъ земледѣльческихъ рабочихъ — *поденщики*; въ этотъ разрядъ входятъ многіе бывшіе мелкіе собственники, чаще всего собственники «карликовыхъ» имѣній, уже утратившихъ всякую свою собственность. Плата этимъ поденщикамъ очень различна: приблизительно отъ 40 до 70 к. въ день, — женщины же обыкновенно платятъ половину; лѣтомъ плата повышается; а зимою сильно понижается. Но и такое вознагражденіе получается лишь въ тѣ дни, когда бываетъ заработокъ, а это далеко не всегда случается. Зимою эти «поденщики» цѣлыми толпами шатаются безъ работы, и, если случается неурожай и поднимаются цѣны на предметы первой необходимости, они умираютъ сотнями и тысячами отъ всевозможныхъ лишеній. Въ то время, когда у нихъ нѣтъ дѣла, они отправляются въ лѣсъ для тайной охоты за дичью, бродятъ по дорогамъ съ цѣлью высмотрѣть, нельзя ли что-нибудь стащить, чѣмъ-нибудь поживиться, чтобы утолить свой голодъ, который мучитъ ихъ по крайней мѣрѣ половину каждаго года, пока совсѣмъ не прекратитъ ихъ жалкаго существованія.

Пища земледѣльческаго рабочаго вообще весьма не питательна: она прежде всего очень однообразна, пригото-

лена плохо и невкусно, такъ какъ нѣмцы менѣе другихъ народовъ славятся своими кулинарными способностями. За ихъ столомъ вы вѣчно встрѣчаете картофель во всѣхъ видахъ, зелень, мучнистыя похлебки, гороховую колбасу. Мясную пищу или, точнѣе сказать, свиное мясо иногда употребляютъ только «служащіе», да и то въ небольшихъ порціяхъ; но и у нихъ свиное мясо никогда не подается въ видѣ кушанья, а служитъ лишь приправой къ похлебкѣ. Другіе же разряды земледѣльческихъ рабочихъ никогда не видятъ никакой мясной пищи.

Жилища рабочихъ вполнѣ соотвѣтствуютъ ихъ пищѣ; хотя они по характеру постройки неодинаковы въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи, но въ нихъ есть недостатки общіе имъ всѣмъ. Большая часть такихъ жилищъ безъ отдушинъ для чистаго воздуха и очень тѣсны: въ одной и той же комнатѣ живутъ отъ 8 до 12 человѣкъ; при этомъ комнаты такъ низки, что взрослый человѣкъ не можетъ встать во весь ростъ. Есть округа, въ которыхъ дома земледѣльцевъ до того переполнены жильцами, что отъ тѣсноты появляются разныя болѣзни; при этомъ нужно замѣтить, что въ одной и той же комнатѣ спятъ мужчины и женщины, дѣти, взрослые и старики. Въ очень многихъ жилищахъ для рабочихъ домашнія птицы помѣщаются вмѣстѣ съ людьми; свиной хлѣвъ и навозная куча у самаго входа въ домъ, такъ что непривычный человѣкъ задыхается отъ духоты и вредныхъ испареній. Часто ко всѣмъ этимъ разнообразнымъ условіямъ зараженія присоединяется еще пьянство—единственное утѣшеніе и поддержка этихъ несчастныхъ, какъ при чрезмѣрной утомительной работѣ на палящемъ зноѣ, такъ и во время зимнихъ холодовъ въ ихъ отвратительныхъ жилищахъ.

Работа и ѣда—единственныя занятія; только въ праздникъ вечеромъ молодежь потанцуетъ иногда въ кабачкѣ;

въ это время люди пожилые посматриваютъ на нихъ посоловѣлыми глазами, а сами только пьютъ и пьютъ безъ конца. Хотя всѣ они люди грамотные, но, окончивъ школу и сдѣлавшись сельскими рабочими, они не находятъ времени для чтенія. Во многихъ мѣстностяхъ существуютъ училища, въ которыхъ можно было бы расширить знанія, полученныя въ народныхъ школахъ, но ихъ не посѣщаетъ подростящее поколѣніе земледѣльческихъ рабочихъ, а если изрѣдка и найдется такой любознательный юноша, то усталость отъ изнурительной работы заставляеть его засыпать во время урока. Къ тому же помѣщикамъ, которые обыкновенно являются здѣсь покровителями школъ, невыгодно поощрять умственное развитіе, образованіе и высшія стремленія дѣтей своихъ рабочихъ: они прекрасно понимаютъ, что рабочіе съ достаточнымъ запасомъ знаній и съ болѣе или менѣе широкимъ умственнымъ кругозоромъ уже не будутъ такъ послушны ихъ волѣ.

Нищета, лишенія, горе и отчаяніе заставляютъ эмигрировать (выселяться) очень многихъ земледѣльческихъ рабочихъ. Но прежде, чѣмъ навсегда покинуть свою родину, многіе изъ нихъ лишь на время уходятъ для работы въ другую мѣстность. Характерная черта нѣмцевъ—дѣлать все сообща—проявляется во всей силѣ и въ этомъ случаѣ: земледѣльческіе рабочіе рѣдко странствуютъ по одиночкѣ, а обыкновенно массами, или по крайней мѣрѣ нѣсколько изъ нихъ подъ управленіемъ выбраннаго ими человѣка отправляются вмѣстѣ въ другія провинціи, гдѣ больше работы. Чтобы не потерпѣть неудачи, прежде чѣмъ предпринять такую перекочевку, они выбираютъ между собой человѣка опытнаго, которому поручаютъ заранѣе найти и указать имъ мѣстность, гдѣ бы они могли получить работу. Когда посланный нашель подходящую мѣстность, онъ заключаетъ условіе съ однимъ, а иногда и съ нѣ-

сколькими землевладѣльцами на выполненіе въ извѣстный срокъ тѣхъ или другихъ земледѣльческихъ работъ. Если это условіе понравится тѣмъ, кто его послалъ, они всѣ вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ отъ 20 до 30 человѣкъ, образуютъ одну артель на все лѣто, и отправляются на работу за нѣсколько десятковъ верстъ отъ своей родины. Деньги, полученные за работу, артель дѣлитъ поровну между всѣми членами и на зиму возвращается домой. Такимъ образомъ цѣлыя толпы рабочихъ каждый годъ перекочевываютъ изъ мѣстностей менѣе плодородныхъ въ болѣе плодородныя, изъ бесплодныхъ округовъ на свекло-сахарныя и черепичныя заводы. Странствующие рабочіе во время своей работы питаются плохую пищу, за которую имъ приходится платить очень дорого, а ночью ихъ отъ 20 до 100 чел. набивается куда нибудь на верхъ овина или риги. При тяжеломъ трудѣ, недостаточномъ питаніи, масса людей, скученная въ тѣсномъ, лишенномъ всякихъ удобствъ помѣщеніи, лежа другъ подлѣ друга на соломѣ, безъ раздѣленія половъ, безъ отхожихъ мѣстъ, въ грязномъ платьѣ, въ которомъ они работаютъ въ продолженіи всего лѣта, представляютъ настоящее гнѣздо заразительныхъ болѣзней, особенно часотки, воспаленія глазъ, тифа и безпрестанно заражаютъ мѣстное населеніе.

Несмотря на широко разлитую грамотность среди всѣхъ нѣмцевъ Германіи, эта огромная масса малоземельныхъ и безземельныхъ рабочихъ, громадное большинство которыхъ дѣлается земледѣльческими рабочими, умственно очень мало развита, какъ-то особенно не сообразительна и представляетъ въ этомъ отношеніи огромную разницу даже съ своими собратьями, фабричными рабочими, которые несравненно болѣе ихъ умственно подвижны и развитѣе ихъ. Вслѣдствіе своего невѣжества и отсутствія нравственнаго и умственнаго развитія, а также и вслѣдствіе страшной

нищеты, они чрезвычайно склонны къ преступленіямъ, а особенно къ воровству.

Отчаянная нищета заставляетъ очень многихъ земледѣльческихъ рабочихъ бросать занятія земледѣліемъ, массами уходить на фабрики, дѣлаться нищими, переселяться въ города, а часто и вовсе покидать родину; при этомъ выселеніе сельскаго населенія все растетъ и растетъ. Въ восемь лѣтъ съ 1871 до 1880 г. всего выселилось изъ Германіи въ Америку 626.000, а черезъ десять лѣтъ уже 1.342.000 человѣкъ.

Одною изъ главныхъ причинъ выселенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безысходной нищеты, какъ безземельныхъ крестьянъ, такъ и мелкихъ собственниковъ, можно считать равнодушное отношеніе германскаго правительства къ интересамъ мелкихъ крестьянъ. Все его вниманіе было поглощено до сихъ поръ заботами объ усиленномъ вооруженіи войскъ, объ усовершенствованіи арміи, объ интересахъ кружныхъ землевладѣльцевъ, затѣмъ оно заботилось объ интересахъ торговаго и промышленнаго класса, въ томъ числѣ отчасти и фабричныхъ рабочихъ, а на крестьянъ и ихъ бѣдствія до сихъ поръ обращало очень мало вниманія.

РЕМЕСЛЕННИКИ И СЛУЖАЩІЕ.

Портныхъ, булочниковъ, кондитеровъ, сапожниковъ, парикмахеровъ, мясниковъ, столяровъ, лудильщиковъ и всевозможныхъ ремесленниковъ чрезвычайно много въ Германіи. Этотъ ремесленный классъ, если считать въ немъ не только хозяевъ мастерскихъ, но и мастеровыхъ, подмастерьевъ, рабочихъ и учениковъ, чрезвычайно великъ, а именно, болѣе 3 милліоновъ человѣкъ. Такое громадное количество ремесленниковъ заставляетъ насъ познакомиться

читателей съ ихъ положеніемъ хотя въ самыхъ характерныхъ чертахъ.

По всѣмъ собраннымъ до сихъ поръ свѣдѣніямъ, положеніе ремесленниковъ Германіи становится все болѣе тяжелымъ и безнадежнымъ. Исключая немногихъ изъ нихъ, которые вслѣдствіе своего выдающагося таланта или вслѣдствіе случайно полученнаго ими наслѣдства обезпечены болѣе или менѣе, громадное большинство живетъ въ самыхъ отвратительныхъ условіяхъ: изнуряется продолжительной работой, плохо питается, страдаетъ отъ недостатка заработка. Мало того: прежніе обычаи въ ихъ средѣ начинаютъ мало-по-малу исчезать, понятія о ремесленной чести, а также и довѣріе публики все болѣе утрачиваются. Такое ухудшеніе положенія ремесленниковъ происходитъ отъ очень многихъ причинъ.

Въ прежнее время хозяевами ремесленныхъ мастерскихъ были люди опытные и хорошо знакомые съ своимъ ремесломъ. Вмѣстѣ съ своими мастерами, подмастерьями и учениками, они жили въ одной и той же мастерской, обѣдали за общимъ столомъ, отдыхали и трудились одинаковое количество времени, а главное, молодые, неопытные мастеровые и ученики работали подъ присмотромъ опытнаго и знающаго хозяина. Прежній хозяинъ мастерской и словомъ, и дѣломъ старался внушить своимъ подчиненнымъ такое правило, что лишь добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу можно привлечь покупателей и имѣть постоянную работу. Проникаясь этою мыслию, ученики, подмастерья и мастеровые чрезвычайно внимательно относились къ своей работѣ и прочно приготавливали все, надъ чѣмъ имъ приходилось трудиться. Это заставляло публику цѣнить ремесленную работу и часто предпочитать ее фабричнымъ издѣліямъ. Теперь всѣ эти обычаи совершенно измѣнились. Хозяева обыкновенно не живутъ одною жизнію

съ свои подчиненными и сходятся вмѣстѣ съ ними только въ мастерской, во время работы. Къ тому же хозяевами мастерскихъ, въ большинствѣ случаевъ, являются люди, лишь кое-какъ знакомые съ своимъ ремесломъ. Подмастерья, не поработавъ достаточно времени подъ руководствомъ опытнаго наставника, ничему толкомъ не выучившись, только и смотрятъ, какъ бы поскорѣе сдѣлаться мастерами или даже хозяевами; ученикъ, съ грѣхомъ пополамъ узнавшій, какъ обращаться съ инструментами, спѣшитъ уже наняться подмастерьемъ въ другую мастерскую или бѣжить на фабрику. И подмастерья, и ученики усвоиваютъ теперь отъ хозяина одно правило, берутъ съ него примѣръ лишь въ одномъ—дѣлать все какъ можно скорѣе, лишь бы поскорѣе и подешевле все спустить съ рукъ. Вотъ такое-то отношеніе къ труду чрезвычайно губительно отразилось на работѣ и положеніи современныхъ германскихъ ремесленниковъ: ремесленная работа становится все менѣе прочною, все менѣе является охотниковъ на нее, все чаще ремесленники сидятъ безъ работы. Покупатель прежде нерѣдко вдвое дороже платилъ за ремесленную работу, но предпочиталъ ее фабричной потому, что она была прочнѣе. Мало-по-малу онъ сталъ недовѣрчивѣе относиться ко всѣмъ ремесленнымъ издѣліямъ и отдавать предпочтеніе фабричнымъ, и немудрено: послѣднія не только продаются несравненно дешевле, но оказываются даже и болѣе прочными, и болѣе красивыми.

Однако не только фабрики лишаютъ заработка ремесленниковъ, но и магазины: во всѣхъ большихъ городахъ Германіи устраиваютъ теперь громадныя магазины готовой мужской, дѣтской и женской одежды и бѣлья, и это суживаетъ дѣятельность портныхъ и портнихъ, и чрезвычайно уменьшаетъ ихъ заработокъ. Магазины «готоваго платья» дѣлаютъ въ Германіи, особенно въ Берлинѣ, колоссальныя

обороты и продаютъ свой товаръ по невѣроятно дешевой цѣнѣ. Это готовое платье самыхъ разнообразныхъ цѣнъ покупаютъ теперь въ Германіи всѣ классы общества, такъ какъ самый практическій человѣкъ не можетъ умудриться самостоятельно приготовить себѣ платье такого же качества и по той цѣнѣ, по которой онъ покупаетъ его въ магазинѣ. Иностранцы массами пріобрѣтаютъ этотъ товаръ у крупныхъ нѣмецкихъ фирмъ, такъ какъ съ ними никто не можетъ конкурировать въ дешевизнѣ, и перепродаютъ его въ магазины всѣхъ странъ Европы. Эта неслыханная дешевизна достигается только тѣмъ, что здѣсь за шитье платятъ невѣроятно ничтожную, жалкую плату.

Хозяинъ громаднаго, блестящаго магазина «готоваго платья», какъ въ Берлинѣ, такъ обыкновенно и въ большихъ городахъ Германіи не самъ раздаетъ работу портнымъ и портнихамъ: для этого у него существуютъ посредники, устраивающіе мастерскія для рабочихъ. Но далеко не вся работа исполняется въ подобныхъ мастерскихъ: посредники раздаютъ ее также на домъ портнымъ, а еще чаще портнихамъ. Всѣ эти работники и работницы, изготовляющіе одежду для большихъ магазиновъ Германіи, получаютъ чрезвычайно жалкое вознагражденіе, но особенно ужасно положеніе работающихъ. При невѣроятно ничтожномъ вознагражденіи, эти портнихи подвергаются полной эксплуатаціи со стороны посредниковъ, такъ какъ домашняя работа ускользаетъ отъ какого бы то ни было контроля. Нужно замѣтить, что посредникъ и самъ получаетъ отъ хозяина небольшую плату за каждую готовую вещь, къ тому же онъ желаетъ пріобрѣсти съ нея выгоду, а потому ищетъ портниху, которая взялась бы ее приготовить какъ можно дешевле. Посредникъ за сюртукъ беретъ отъ хозяина 3 м. 50 пф., а портному платитъ 2 марки; работница получаетъ за цѣлый дѣтскій костюмъ отъ 65 пф.

до 1 м. 30 пф. Особенно талантливая швея зарабатываетъ отъ 8 до 9 марокъ въ недѣлю, средняя отъ 4 до 5, а менѣе проворная не вырабатываетъ болѣе 2¹/₂ марокъ въ недѣлю. И при этомъ всѣ они должны на эти деньги нанимать квартиру, питаться и одѣваться. Однимъ словомъ въ этой области труда идетъ эксплуатація, въ такой степени истощающая физическія силы рабочихъ, ихъ бѣдность и лишенія такъ велики, что они теряютъ всякую способность къ борьбѣ съ угнетающимъ ихъ зломъ. Между тѣмъ число этихъ рабочихъ очень велико: въ одномъ Берлинѣ портныхъ и швей насчитываютъ болѣе 90.000 ч., а такъ какъ магазины «готоваго платья» существуютъ теперь во всѣхъ большихъ городахъ Германіи, то можно себѣ представить, какъ велика армія этихъ несчастныхъ. Не только нищета лишаетъ ихъ энергіи, необходимой для того, чтобы сплотиться и подумать сообща объ улучшеніи своего положенія, но и невообразимая конкуренція: если сегодня отъ работы откажутся тысяча работницъ, завтра ихъ мѣста будутъ добиваться три тысячи женщинъ, и тѣ, которыя получаютъ его, обыкновенно смотрятъ на свое нищенское вознагражденіе, какъ на спасеніе отъ голодной смерти. Сильно понижаютъ заработокъ настоящихъ портныхъ жены и дочери чиновниковъ и желѣзнодорожныхъ служащихъ, такъ какъ онѣ нерѣдко берутъ работу по приготовленію бѣлья или одежды, чтобы имѣть карманные деньги.

Во всѣхъ областяхъ ремесленнаго труда въ Германіи рабочимъ живется очень плохо. Сильно уменьшаютъ ихъ заработокъ и быстрые успѣхи въ области техническихъ изобрѣтеній: что еще недавно должно было дѣлать множество рукъ, теперь все это выполняетъ машина, нерѣдко подъ наблюденіемъ одного только человѣка. Чтобы хотя нѣсколько удержать за собой покупателей, ремесленники

все дешевле и дешевле продаютъ свою работу, но это только ухудшаетъ ея качество, такъ какъ они все-таки не могутъ соперничать въ дешевизнѣ съ фабрикою, которая закупаетъ матеріалъ въ громадномъ количествѣ, слѣдовательно получаетъ все по несравненно болѣе дешевымъ цѣнамъ и исполняетъ работу усовершенствованными и дорогими машинами, пріобрѣтеніе которыхъ немислимо для ремесленной мастерской. Сапожникъ, чтобы сшить пару простыхъ сапогъ, долженъ работать отъ 14 до 18 часовъ; онъ продаетъ ихъ по 8 марокъ (марка 46 коп.) за пару и зарабатываетъ на нихъ менѣе 3-хъ марокъ. Фабрика же такую пару продаетъ за 5 марокъ, несмотря на то, что она платитъ своему рабочему 22 марки въ недѣлю, что значительно превышаетъ заработокъ сапожника.

Однако нужно замѣтить, что хотя крупная фабричная промышленность и сильно отбиваетъ заработокъ у ремесленника, но это еще не значитъ, что она совсѣмъ лишаетъ его дѣятельности. До сихъ поръ существуетъ множество ремесленниковъ, которые еще не знаютъ никакого соперничества фабрики, какъ, напр., булочники, кондитеры, мясники, парикмахеры и многіе другіе. Но у портныхъ, сапожниковъ, шляпочниковъ и у многихъ другихъ какъ фабрики, такъ и громадные магазины готовыхъ вещей отнимаютъ заказы. Ремесленники, вмѣсто того, чтобы приготавливать свои издѣлія какъ можно основательнѣе и прочнѣе, стараются взять дешевизной, и въ этой непосильной борьбѣ все болѣе теряютъ покупателей. Цѣны за ремесленную работу сбиты теперь въ Германіи до невозможности. Такое печальное положеніе заставляетъ ремесленниковъ массами бросать ремесло и бѣжать на фабрики, куда ихъ привлекаетъ и несравненно болѣе высокая плата, и сравнительно болѣе легкій трудъ. Къ тому же на фабрики переходятъ наиболѣе способные ремесленники,

а остаются въ ремесленныхъ мастерскихъ менѣе талантливые и энергичные, что опять-таки въ свою очередь въ высшей степени дурно вліяетъ на положеніе ремесленниковъ и на ихъ трудъ, такъ какъ создаетъ имъ все болѣе дурную репутацію.

Плата ремесленникамъ очень различна, смотря по ремеслу, которымъ они занимаются и по мѣстности, въ которой они живутъ; обыкновенно въ большихъ городахъ плата выше, въ деревняхъ и мѣстечкахъ она несравненно ниже. Хорошій стекольщикъ въ городѣ и во время сезона, то есть тогда, когда наиболѣе нуждаются въ его трудѣ, можетъ выработать 3 марки въ день и болѣе, каменщикъ и плотникъ до 2-хъ марокъ 50 пфенниговъ въ день на своихъ харчахъ; тѣ же ремесленники въ мѣстечкахъ и маленькихъ городахъ зарабатываютъ лишь по 2 марки въ недѣлю на хозяйскихъ харчахъ. Къ сожалѣнію обозначеніе платы ремесленниковъ даетъ лишь поверхностное понятіе о ихъ положеніи: они такъ часто сидятъ безъ работы, что даже тотъ изъ нихъ, который получаетъ очень высокую поденную плату, нерѣдко остается безъ всякаго заработка по полугоду и выносить тогда всевозможныя лишенія.

Работа въ ремесленной мастерской продолжается дольше, чѣмъ на фабрикѣ, и самый трудъ въ ней болѣе изнурителенъ. Это происходитъ оттого, что относительно труда фабричныхъ въ Германіи все же существуютъ кое-какіе законы и надзоръ, мѣшающій фабрикантамъ особенно сильно прижимать своихъ рабочихъ, какъ это могутъ дѣлать хозяева ремесленныхъ мастерскихъ. Въ ремесленныхъ мастерскихъ существуетъ полный произволъ, и хозяинъ заставляетъ работать своихъ подмастерьевъ, сколько ему вздумается; единственно, что подчасъ сдерживаетъ или, лучше сказать, сдерживало его въ этомъ отношеніи, это только

боязнѣ, что подмастерье перебѣжитъ отъ него въ другую мастерскую или на фабрику. Но въ послѣднее время и это даже не особенно смущаетъ его, такъ какъ громадное большинство ремесленниковъ страдаетъ отъ безработицы и на мѣсто выбывшихъ всегда легко находятъ новыхъ. На большинствѣ фабрикъ въ Германіи въ среднемъ работаютъ 11 часовъ, ремесленники же считаютъ себя счастливыми, когда они работаютъ не болѣе 13—14 часовъ, такъ какъ у очень многихъ изъ нихъ работа продолжается по 15—16 часовъ въ сутки; есть даже и такія ремесленныя мастерскія, гдѣ работаютъ по 17 часовъ не только взрослые люди, но и подростки. На фабрикахъ существуютъ правильные перерывы въ работѣ, во время которыхъ фабричные ѣдятъ и отдыхаютъ; ремесленники же наскоро съѣдаютъ свой обѣдъ, а закусываютъ обыкновенно даже во время работы. Однимъ словомъ, положеніе въ Германіи огромнаго класса ремесленниковъ несравненно безотраднѣе и во всѣхъ отношеніяхъ хуже положенія фабричныхъ.

Громадный классъ людей въ Германіи занимается коммиссіонерствомъ, т.-е. исполненіемъ всевозможныхъ порученій: пріисканіемъ новыхъ квартиръ, доставкой на домъ покупокъ, отправкою посылокъ, но еще больше въ этой странѣ прислуги. Это однако не значитъ, чтобы здѣсь держали прислуги больше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Средній и высшій классы въ Германіи живутъ несравненно бѣднѣе, скромнѣе и держатъ гораздо менѣе прислуги, чѣмъ это принято въ Англіи и Франціи. Но въ Германіи существуетъ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, гостинницъ, ресторановъ, пивныхъ, кабачковъ,—и во всѣхъ этихъ заведеніяхъ держатъ прислугу. Однимъ словомъ, высчитано, что прислуга вмѣстѣ съ коммиссіонерами составляетъ громадный классъ людей въ 2¹/₂ милліона челов. Какъ же живетъ этой громадной арміи служащихъ? Болѣе всего

среди нихъ кельнеровъ, лакеевъ и горничныхъ при гостинницахъ и ресторанахъ. Въ большинствѣ случаевъ имъ жалованья не полагается; имъ даютъ отъ заведенія, и то далеко не вездѣ, лишь уголокъ, то въ подвалѣ, то на чердакѣ, гдѣ можно поставить кровать и сундукъ. Ихъ главный и единственный доходъ—получки отъ посѣтителей «на чай». Въ богатыхъ гостинницахъ и ресторанахъ эти «получки на чай» составляютъ изрядную сумму, но хозяева сокращаютъ ее всевозможными способами: вычитаютъ за поломанныя и пропавшія вещи, за разбитую посуду, а все это такъ часто случается въ подобныхъ заведеніяхъ; къ тому же служащіе слишкомъ дорого платятъ гостинницѣ за свой обѣдъ. Много выходитъ денегъ у прислуги этихъ заведеній на одежду, такъ какъ отъ каждаго изъ нихъ требуется, чтобы она была вполнѣ приличная. Уменьшаетъ доходъ служащихъ и то, что ихъ безпрестанно штрафуютъ за поведеніе: штрафъ несетъ каждый изъ нихъ за то, что опоздаетъ на 5-ть минутъ, за то, что не подалъ вовремя посѣтителю пальто, однимъ словомъ, за малѣйшій беспорядокъ и разсѣянность.

Положеніе служанокъ при подобныхъ заведеніяхъ еще тяжелѣе: ихъ обязанности и отвѣтственность относительно хозяевъ тѣ же, что и кельнеровъ, но при своемъ, болѣе слабомъ, чѣмъ у мужчинъ, организмѣ, онѣ скорѣе ихъ изнуряются отъ постоянной бѣготни и ресторанной суетоки. Нужно замѣтить, что въ гостинницахъ и ресторанахъ Германіи, особенно во второразрядныхъ изъ нихъ, изъ экономіи обыкновенно держатъ вдвое менѣе прислуги, чѣмъ это необходимо. Иностранцы, живущіе въ подобныхъ заведеніяхъ, приходятъ въ изумленіе, какимъ образомъ 6—7 горничныхъ успѣваютъ убрать 50—60 номеровъ съ 6-ти до 11-ти часовъ утра, а затѣмъ сейчасъ же послѣ этого-то, есть съ 11 часовъ утра и до 12 ч.

ночи, онѣ услуживаютъ за обѣдами, завтраками и закусками болѣе чѣмъ тысячной толпѣ въ будни и 3-хъ-тысячной въ праздники. Эти дѣвушки бѣгаютъ съ утра до поздней ночи, часто не имѣя возможности во все это время присѣсть ни на одну минуту и стоя сѣдаютъ свой кусокъ въ уголку, въ то время, когда новые посѣтители, по нѣскольку разъ кряду, настойчиво требуютъ поскорѣе исполнить ихъ заказы. Нужно помнить, что при этой вѣчной сутолокѣ и бѣготнѣ у нихъ постоянно напряженъ мозгъ, какъ бы въ точности исполнить то или другое приказаніе посѣтителя. И вотъ дѣвушка, отличавшаяся цвѣтущимъ здоровьемъ при своемъ вступленіи въ заведеніе, черезъ годъ, а то и меньше, отъ этой адски-утомительной ресторанной жизни чувствуетъ, что ея силы падаютъ не по днямъ, а по часамъ. Чтобы подкрѣпить себя, она прибѣгаетъ къ пиву все чаще и чаще, но наконецъ и оно не поддерживаетъ ее: она бросаетъ ресторанъ и отправляется домой, въ деревню. Что ждетъ ее на родинѣ? Родные и знакомые встрѣчаютъ ее холодно и съ насмѣшкой: денегъ она прикопила сущіе пустяки, а отъ деревенской жизни и работы совершенно отбилась. Да и какъ ей приняться за тяжелую деревенскую работу, когда она совсѣмъ растратила силы и здоровье? Между тѣмъ она успѣла приобрѣсти привычку къ пиву и къ разнообразію трактирной жизни и сразу становится въ деревнѣ въ разрядъ негодныхъ и даже презираемыхъ работающими деревенскими сверстницами и сверстниками.

РАБОЧИЕ.

Фабричное законодательство.—Положеніе рабочихъ: ихъ заработокъ и продолжительность рабочаго дня.—Пища и жилище.—Ткачи.

Правительство гораздо болѣе обращаетъ вниманія на положеніе фабричныхъ, чѣмъ на положеніе крестьянъ и ремесленниковъ. Но и фабричное законодательство защищаетъ болѣе всего женщинъ и дѣтей, а о взрослыхъ рабочихъ оно заботится уже гораздо меньше. Вотъ какія постановленія находимъ мы въ фабричномъ законодательствѣ Германіи.

Всякій рабочій, поступающій на фабрику, заводъ или рудникъ, долженъ вручить хозяину «рабочій паспортъ». По окончаніи срока найма этотъ паспортъ долженъ быть возвращенъ рабочему съ помѣткой о томъ, когда онъ началъ и кончилъ работу и въ чемъ она состояла. Законъ, подъ страхомъ штрафа и даже тюремнаго заключенія, запрещаетъ дѣлать на этомъ паспортѣ какія бы то ни было замѣчанія о характерѣ или поведеніи рабочаго. Но самъ рабочій, если желаетъ, можетъ попросить хозяина выдать ему особое удостовѣреніе, на отдѣльномъ листѣ, въ его прилежаніи, поведеніи и заработной платѣ. Штрафы, которые хозяева налагаютъ на провинившихся рабочихъ, идутъ теперь не въ ихъ пользу, какъ это было прежде, а въ пользу учреждений, устроенныхъ въ интересахъ рабочихъ. Размѣръ штрафа не долженъ превышать половины дневнаго заработка. По закону фабриканты не имѣютъ также права заставлятъ рабочихъ покупать товары въ своихъ лавкахъ, что прежде такъ разоряло рабочихъ и часто уже одно это дѣлало ихъ неоплатными должниками своихъ хозяевъ. Затѣмъ правительство точно опредѣляетъ праздничный отдыхъ: рабочіе, которые, вслѣдствіе условій

производства вынуждены работать по воскресеньямъ, имѣютъ право на дневной отдыхъ въ другой день недѣли и при томъ могутъ рассчитывать на двойной отдыхъ, если работа происходитъ въ дни Рождества, Пасхи и Троицы. Воскресный трудъ, да и то лишь тамъ, гдѣ онъ крайне необходимъ по условіямъ производства, можетъ продолжаться не болѣе 8-ми часовъ, а въ большей части торговыхъ заведеній онъ вовсе запрещенъ.

Гораздо болѣе, чѣмъ о взрослыхъ рабочихъ, фабричное законодательство заботится о женщинахъ, дѣтяхъ и подросткахъ; оно защищаетъ ихъ отъ произвола фабрикантовъ, отъ непосильнаго и ночного труда. Дѣвушкамъ и женщинамъ совершенно запрещены ночныя работы съ 8^{1/2} ч. вечера и до 5^{1/2} утра, а передъ праздниками онѣ должны оканчивать свою работу не позже 5^{1/2} ч. вечера. Объединенный отдыхъ не можетъ продолжаться для женщинъ менѣе часа, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и менѣе полутора часа. Хотя продолжительность рабочаго дня для взрослоа рабочаго муж. п. не установлена закономъ, но женщинамъ онъ не позволяетъ работать долѣе 11-ти час., а передъ праздниками и 10 час. Работа въ рудникахъ тоже запрещена для нихъ. Дѣти до 13-ти лѣтъ совсѣмъ не допускаются къ работамъ на фабрикахъ, а тѣ изъ нихъ, которые постарше этого возраста, могутъ работать только во время, свободное отъ школьныхъ занятій. Подростки отъ 14-ти до 16-ти лѣтъ должны работать не болѣе 10-ти ч. съ часовымъ отдыхомъ въ объединенное время и получасовымъ утромъ и вечеромъ. Промышленныя заведенія Германіи подчинены теперь надзору фабричныхъ инспекторовъ, которые наблюдаютъ за исполненіемъ предписанныхъ законовъ.

Хотя закономъ въ Германіи 11-ти-часовой рабочей день установленъ только для женщинъ, на очень многихъ фа-

брикахъ и взрослыхъ мужчинъ заставляютъ работать тоже приблизительно 11 ч. До сихъ поръ однако не мало существуетъ и такихъ фабрикъ, на которыхъ работаютъ по 12-ти и 13-ти час. Вообще продолжительность рабочаго дня чрезвычайно различна, смотря по мѣстности и роду труда. Въ подземныхъ горнозаводскихъ работахъ обыкновенно работаютъ по 10 или по 10¹/₂ часовъ, и лишь немногіе рудокопы Германіи работаютъ по 8 и 8¹/₂ час.; за то есть и такіе, наприм., силезскіе рудокопы, которые до сихъ поръ еще работаютъ подъ землею по 12-ти час. въ сутки. Такимъ образомъ количество работы рабочихъ Германіи для большинства до сихъ поръ еще слишкомъ обременительно; вотъ именно отъ этого здѣшніе рабочіе часто хвораютъ, а многіе изъ нихъ и преждевременно умираютъ. Не даромъ же они такъ желаютъ, чтобы правительство вмѣшивалось въ ихъ отношенія къ хозяевамъ и все громче и громче требуютъ, чтобы законодательство точно опредѣлило для взрослыхъ продолжительность рабочаго дня. Пока правительство не торопится исполнить это желаніе, они устраиваютъ стачки, то есть сообща временно прекращаютъ работу въ надеждѣ, что убытки, которые понесутъ отъ этого ихъ хозяева, заставятъ ихъ выполнять требованія рабочихъ. Эти требованія обыкновенно заключаются въ томъ, чтобы хозяева сократили время работы, то есть уменьшили количество рабочихъ часовъ или увеличили бы имъ плату за трудъ; иногда они требуютъ того и другого въ одно и то же время.

Германскіе рабочіе не только желаютъ, чтобы время ихъ труда было точно опредѣлено закономъ, но чтобы оно было и сильно сокращено. Ихъ мечта—добиться 8-ми часового рабочаго дня во всѣхъ областяхъ труда и запрещенія, гдѣ это только возможно, ночной работы. Ночью, по мнѣнію рабочихъ, можно позволять работать лишь тамъ, гдѣ это

крайне необходимо, наприм., на желѣзныхъ дорогахъ; между тѣмъ обыкновенно хозяева заставляютъ рабочихъ трудиться безъ всякой необходимости, лишь для того, чтобы машины не стояли безъ дѣла. Но всѣ эти желанія рабочихъ едва-ли скоро осуществятся.

Плата, которую рабочій получаетъ за свой трудъ, чрезвычайно разнообразна. Тѣмъ не менѣе въ общемъ чернорабочіе получаютъ меньше рабочихъ, обнаруживающихъ особое искусство, ловкость, выучку. Рабочій, одаренный знаніемъ и талантомъ, получаетъ отъ 1.200 до 2.000 марокъ (что приблизительно составляетъ на наши деньги отъ 550 до 920 р.), но такихъ рабочихъ очень не много. Обыкновенно заработокъ рабочаго колеблется отъ 350 до 500 марокъ для чернорабочаго и отъ 500 до 1.000 марокъ за трудъ съ хорошей промышленной выучкой. Женщины и подростки всюду получаютъ несравненно меньше взрослыхъ мужчинъ. Но въ этой странѣ не мало и рабочихъ, получающихъ до такой степени ничтожное вознагражденіе за трудъ, что оно дозволяетъ влачить лишь жалкое существованіе, преисполненное жестокихъ лишеній. Таково, напримѣръ, ничтожное вознагражденіе за трудъ въ ткацкой промышленности.

Нужно замѣтить, что хотя паровой ткацкій станокъ изобрѣтенъ и введенъ давнымъ давно въ ткацкой промышленности, но примѣненіе его въ Германіи оказывается невыгоднымъ, такъ какъ деревенскій ткачъ получаетъ за свой трудъ такъ мало, что паровая машина со своимъ фабричнымъ рабочимъ обходится дороже. Гдѣ она введена, тамъ, вслѣдствіе соперничества съ деревенскимъ ткачемъ, плата и фабричному рабочему понижена такъ, что она оказывается совсѣмъ ничтожной. Чтобы это понять, нужно сказать хотя нѣсколько словъ о деревенскихъ ткачахъ.

Въ Силезіи и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Гер-

мані ткацкимъ промысломъ занимаются цѣлыя деревни. Эти ткачи ткуть на своихъ домашнихъ, первобытныхъ станкахъ и получаютъ заказы отъ особыхъ скупщиковъ; у нихъ же они покупаютъ весь матеріалъ для своей работы. Положеніе этихъ ткачей самое ужасное: большинство изъ нихъ имѣетъ ничтожные клочки земли, которые лѣтомъ обрабатываются ихъ семьями, зимою же всѣ члены семьи присоединяются къ своему кормильцу и помогаютъ ему въ ткацествѣ. Внѣшній видъ ткачей болѣзненный и изнуренный, очень часто совершенно чахоточный. Но что особенно ужасно, такъ это то, что съ каждымъ новымъ поколѣніемъ ткачи выглядятъ все хуже. Громадное большинство поражаетъ теперь своимъ страшнымъ, свинцовымъ цвѣтомъ лица, необыкновенной худобой, особенно же худобой рукъ и ногъ, очень часто искривленіемъ костей и лихорадочнымъ блескомъ глазъ. Такое ухудшеніе здоровья ткачей изъ поколѣнія въ поколѣніе происходитъ оттого, что всѣ они родились уже отъ болѣзненныхъ, изнуренныхъ работою ткачей, существовавшихъ при самыхъ отвратительныхъ условіяхъ для здоровья, то-есть жившихъ въ плохихъ квартирахъ и питавшихся малопитательною пищею. Родившись уже болѣзненными, дѣти ткачей продолжаютъ жить при тѣхъ же отвратительныхъ условіяхъ. Дѣти ткачей начинаютъ работать очень рано: обыкновенно уже съ 5-ти-лѣт. возраста ихъ засаживаютъ за мотальное колесо разматывать нитки, въ то время, когда отецъ и старшіе члены семьи сидятъ за тканьемъ. Такимъ образомъ ребенокъ съ 5-ти-лѣт. возраста сидитъ за работой въ душной комнатѣ, переполненной людьми, при томъ въ самомъ неудобномъ положеніи, — съ сжатыми колѣнями, съ сгорбленной спиной. Понятно, что многіе изъ нихъ прогуливаютъ школу, а тѣ, которые посѣщаютъ ее, не дѣлаютъ никакихъ успѣховъ, потому что приходятъ въ нее совер-

шенно усталыми отъ домашней работы, которую они начинаютъ уже съ 6-ти ч. утра. Если бы ткачи отъ времени до времени не сидѣли безъ работы, громадное большинство ихъ дѣтей не отдыхало бы отъ работы иначе, какъ во время ѣды. Работаютъ дѣти отъ 6-ти час. утра до 8—9-ти час. вечера, а взрослые еще дольше. Чтѣ же получаютъ ткачи за свой продолжительный рабочій день? Если вычесть, во чтѣ ткачамъ обходится матеріалъ для работы, то они за работу въ 15—16 часовъ въ сутки получаютъ лишь 30—40 коп. на наши деньги. Между тѣмъ этотъ заработокъ ткачъ вырабатываетъ не одинъ, а съ помощью 3—4-хъ и болѣе членовъ своей семьи, такъ что выходитъ, что каждый изъ нихъ вырабатываетъ въ сутки никакъ не болѣе 10-ти копѣекъ.

Въ этомъ очеркѣ однако мы хотѣли говорить преимущественно о фабричныхъ рабочихъ, слѣдовательно о такомъ ткацествѣ, гдѣ введена паровая машина. О деревенскихъ же ткачахъ необходимо было сказать нѣсколько словъ, чтобы показать, какъ они при своемъ убогомъ заработкѣ должны невольно содѣйствовать пониженію цѣны труда фабричнаго ткача. Положеніе и заработокъ фабричныхъ ткачей, хотя и несравненно лучше заработка ихъ сельскихъ собратій, но все же большинство изъ нихъ едва могутъ сводить концы съ концами. Недостаточенъ заработокъ не только сельскихъ и фабричныхъ ткачей, но и громаднаго большинства промышленныхъ рабочихъ. Если промышленный рабочій одинокъ и отличается трезвостью, расчетливостью и другими подобными качествами, тогда онъ можетъ сводить концы съ концами, но громадному большинству людей семейныхъ, «при господствующей въ Германіи дороговизнѣ жизненныхъ припасовъ, это совсѣмъ не удастся. Надо замѣтить, что потребности фабричнаго рабочаго несравненно шире, чѣмъ у какого-нибудь деревенскаго ткача. Первое,

на что они обращают внимание, — одежда. «Оборванецъ» — эта бранная кличка производитъ слишкомъ неблагоприятное впечатлѣніе на нанимателя, чтобы городской рабочій въ поискахъ за работой рѣшился явиться въ фабричную контору въ лохмотьяхъ. Ему совершенно необходимо имѣть одно хорошее платье и нѣсколько крахмальныхъ рубашекъ, иначе онъ не можетъ показаться ни на общественное собраніе, ни даже въ церковь, и это вовсе не франтовство. Затѣмъ городской рабочій не можетъ обойтись безъ книги, тѣмъ болѣе безъ газеты; помимо того, что многимъ изъ нихъ книга такъ же нужна, какъ хлѣбъ насущный, рабочій изъ газеты узнаетъ, гдѣ есть спросъ на рабочія руки. Онъ считаетъ также необходимымъ по временамъ сходиться съ товарищами, чтобы хорошенько потолковать объ общихъ дѣлахъ; а это возможно только въ трактирѣ, и слѣдовательно стоитъ денегъ. Между тѣмъ рабочій видитъ въ такихъ сходкахъ не одно развлеченіе: онъ сознаетъ, что только единеніе съ товарищами дастъ ему возможность улучшить свое положеніе. Наконецъ, городской рабочій нуждается въ значительномъ расходѣ на наемъ квартиры, отъ чего избавленъ деревенскій житель. На другія потребности у рабочаго остается очень не много денегъ.

«Всего проще экономничать на пищѣ, и потому рабочіе и ихъ семьи видятъ мясо только по воскресеньямъ. Обыкновенную пищу составляетъ: по утрамъ кофе съ хлѣбомъ и масломъ, около полудня обѣдъ, состоящій изъ картофельнаго, рисоваго, гороховаго и т. под. супа, какихъ-нибудь овощей, пары яицъ или селедки и опять-таки хлѣба съ масломъ. Затѣмъ обыкновенно два ужина: одинъ часовъ въ 6, другой передъ сномъ, которые отличаются отъ обѣда только меньшимъ количествомъ пищи, — сверхъ того часто стаканъ или два пива. Какъ ни скудна эта

пища, она все-таки несравненно лучше пищи силезских ткачей.

«Квартиры рабочих тоже оставляют желать многого. Онѣ состоятъ обыкновенно изъ 1—2 комнатъ (окна въ два каждая), считая въ томъ числѣ и кухню; иногда къ этому присоединяется не то прихожая, не то корридоръ съ однимъ окномъ и безъ печки, или еще комнатка на чердакѣ безъ настоящаго окна. И въ такую квартиру набивается 8—12 и болѣе человекъ, такъ какъ сравнительно рѣдко семья живетъ одна; изъ экономіи она въ своей квартирѣ сдаетъ еще «углы» одинокимъ работникамъ или работницамъ. Далеко не всегда каждый жилецъ имѣетъ особую кровать: спанье вдвоемъ, даже втроемъ на кровати не представляетъ особой рѣдкости. Надо замѣтить еще, что нѣмецкій рабочій настойчиво стремится имѣть гостиную, изъ которой онъ очень неохотно дѣлаетъ спальню. Тѣмъ тѣснѣе приходится набиваться на ночь въ остальные каморки. Гостиная выглядит довольно уютно: ее украшаютъ обыкновенно диванчикъ, круглый столъ, комодъ, зеркало, нѣсколько стульевъ, одно-два кресла, стѣнные часы, по стѣнамъ картинки». Но громадное большинство рабочихъ не имѣетъ никакой гостиной, а нанимаетъ или одну комнату, въ которой помѣщается со всей своей, иногда весьма многочисленной, семьей, или беретъ лишь уголь въ комнатѣ. Та семья, которая нанимаетъ двѣ комнаты, одну изъ нихъ обыкновенно сдаетъ внаймы. Вообще рабочіе страдаютъ отъ тѣсноты. Изъ этихъ квартиръ вѣчно раздаются плачь дѣтей, крики и брань взрослыхъ, скученныхъ на небольшомъ пространствѣ. Не мало заболѣваній происходитъ отъ слишкомъ спертаго воздуха: одинъ въ своемъ уголку жарить на керосинкѣ, другой моетъ бѣлье, третій развѣшиваетъ его для просушки, и вслѣдствіе этого отовсюду несутся чадъ, смрадъ и отвратительныя испаренія.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что рабочій, окончивъ свою работу, не бѣжитъ домой, а отправляется въ трактиръ, гдѣ на минуту онъ забываетъ домашній адъ и тяжелую работу.

ЧТО ДѢЛАЮТЪ ГЕРМАНСКІЕ РАБОЧІЕ ДЛЯ УЛУЧШЕНІЯ СВОЕГО ПОЛОЖЕНІЯ И ЧТО УСТРОИЛО ДЛЯ НИХЪ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Рабочіе союзы.—Стачки.—Бойкотъ.—Страхованіе.

Германскіе рабочіе давно пришли къ мысли, что для того, чтобы улучшить свое положеніе, имъ необходимо соединяться вмѣстѣ въ различныя общества и союзы. Особенно распространены между ними «рабочіе союзы». Теперь уже въ нихъ участвуетъ 400.000 человекъ, и число членовъ увеличивается съ каждымъ годомъ. «Рабочіе союзы» устраиваются какъ между фабричными рабочими, такъ и между земледѣльческими и ремесленниками. Такъ, напримѣръ, существуютъ союзы: «углековъ», «портныхъ», «булочниковъ», «каменщиковъ» и множество другихъ. Каждый такой союзъ состоитъ изъ большаго или меньшаго количества членовъ, которые вносятъ въ кассу «союза» извѣстную сумму, отъ 2 до 10 к. въ недѣлю, а нерѣдко и болѣе. Изъ этихъ членскихъ взносовъ составляется капиталъ; есть союзы, у которыхъ онъ доходитъ до сорока, пятидесяти тысячъ, а иногда и гораздо болѣе. Изъ этихъ денегъ «союзы» выдаютъ вспоможеніе безработнымъ, помогаютъ во время болѣзни и различныхъ несчастій, а также при похоронахъ, но болѣе всего денегъ тратятъ на стачки.

«Стачки въ Германіи происходятъ очень часто. Каждый годъ бываетъ нѣсколько десятковъ стачекъ то въ одной отрасли промышленности, то въ другой; иная охватить

одну фабрику, другая цѣлый округъ. Самая знаменитая была стачка углекоповъ въ 1889 году.

«Она началась въ Вестфалии, главномъ каменноугольномъ районѣ Германіи. Объясняется она тѣмъ, что хозяева копей мало-по-малу отказались отъ стариннаго обычая заставлятъ работать въ шахтахъ не болѣе 8 часовъ въ сутки и довели продолжительность рабочаго дня до 10 часовъ, между тѣмъ какъ работа въ этихъ шахтахъ чрезвычайно тяжела. Въ Вестфалии каменный уголь лежитъ на очень большой глубинѣ, гдѣ температура постоянно повышенная; во многихъ шахтахъ она доходитъ до 20° R. Никакая вентиляція не можетъ доставить достаточнаго количества свѣжаго воздуха; его хватаетъ лишь на то, чтобы лампы могли горѣть, люди и лошади дышать, но лишь съ трудомъ. Духота въ шахтахъ такова, что люди, работая безъ одежды, обливаются потомъ, можно сказать, купаются въ немъ. Въ то же время въ нѣкоторыхъ корридорахъ, на спускахъ и подъемахъ, невыносимые сквозняки увеличиваютъ опасность заболѣванія. Опытъ показалъ, что работать при такихъ условіяхъ долѣе 8 часовъ крайне вредно, что даже выносливые рабочіе не долго выдерживаютъ: хирѣютъ, преждевременно старѣютъ, быстро становятся инвалидами и массами умираютъ. Что же касается заработной платы, то она постепенно падала и упала къ 1889 году до 2 марокъ въ день для большей части рабочихъ. Но хозяева дѣлали все, чтобы только понизить и этотъ скромный доходъ: рабочіе должны были сами покупать и масло для своихъ лампъ, и даже порохъ для работъ, а хозяева продавали имъ все это значительно выше настоящей цѣны.

«Въ 1889 году доведенные до крайняго раздраженія рабочіе начали волноваться. Ихъ «союзъ» началъ устраивать общіе для всей Вестфалии съѣзды, на которыхъ об-

суждалось ихъ положеніе, и, наконецъ, онъ потребовалъ отъ промышленниковъ, чтобы они, во-первыхъ, повысили рабочимъ заработную плату на 15⁰/₀, во-вторыхъ, чтобы, по прежнему, заставляли работать не болѣе 8 часовъ въ день, въ третьихъ, продавали бы масло и порохъ рабочимъ по настоящей цѣнѣ и, наконецъ, улучшили бы вентиляцію въ шахтахъ. Никто изъ владѣльцевъ шахтъ не согласился на исполненіе этихъ требованій, и тогда рабочій союзъ постановилъ устроить всеобщую стачку. 4-го мая рабочіе прекратили работу въ одномъ мѣстечкѣ, а къ 13-му маю отъ работы отказалось уже 90.000 человекъ. Черезъ нѣсколько дней стачка перекинулась и въ другія, болѣе отдаленныя мѣстности. вмѣстѣ со стачкой началось то, что всегда ее сопровождаетъ, — голодъ. Разумѣется, даже сравнительно богатый «союзъ углекоповъ» не обладалъ достаточными средствами, чтобы поддерживать сотню тысячъ человекъ, и рабочимъ приходилось продавать все, что было у нихъ цѣннаго: часы, послѣдній сюртукъ и т. д.; но рабочіе все-таки еще крѣпились.

«Стачка произвела сильное впечатлѣніе не только на промышленниковъ, но на все общество и правительство, и это понятно: уголь необходимъ во всѣхъ производствахъ, между тѣмъ стачка сразу уменьшила его добычу, что немедленно повело за собою пріостановку работъ на многихъ фабрикахъ, и при этомъ явилась даже необходимость сократить число поѣздовъ на нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ и проч. Сочувствіе всѣхъ въ Германіи было на сторонѣ рабочихъ, и самъ императоръ очень милостиво принялъ ихъ депутацію и довольно сурово депутацію отъ шахтовладѣльцевъ. Голодъ сломилъ наконецъ рабочихъ, и уже съ 17-го мая число стачечниковъ начало уменьшаться, а къ концу мѣсяца стачка совсѣмъ прекратилась.

Казалось, что дѣло проиграно рабочими. Весь ихъ выигрышъ состоялъ въ повышеніи платы на 10⁰/₀, и то далеко не во всѣхъ шахтахъ. Однако это было не совсѣмъ такъ. Стачка показала всю силу рабочей организаціи; при этомъ потери хозяевъ были тоже слишкомъ велики для того, чтобы они согласились рисковать въ другой разъ, и потому въ теченіе слѣдующихъ за стачкой 3-хъ лѣтъ повышение платы на 10—15⁰/₀ распространилось почти на всѣ копи Вестфаліи.

«Въ Германіи рабочіе союзы прибѣгаютъ къ стачкѣ не только какъ къ средству борьбы: въ послѣднія 5—10 лѣтъ они начали пользоваться также «бойкотированіемъ». Вотъ что это означаетъ: если какой-нибудь ресторанъ, или другое заведеніе въ этомъ родѣ, отказывается дать помѣщеніе для собранія рабочихъ, тогда рабочей союзъ публикуетъ въ газетахъ приглашеніе рабочимъ не пить пива въ этомъ ресторанѣ и вообще не посѣщать его. Сперва хозяева ресторановъ смѣялись надъ такими приглашеніями. Во многихъ мѣстахъ они и теперь еще могутъ смѣяться, но тамъ, гдѣ рабочіе составляютъ большинство населенія, гдѣ они уже объединены въ союзы, тамъ хозяева ресторановъ начали нести такіе убытки, что скоро почувствовали всю дѣйствительность этого приѣма,—и въ настоящее время въ Берлинѣ, напримѣръ, нѣтъ, кажется, ни одного ресторана, какимъ бы аристократическимъ онъ ни выглядѣлъ, хозяинъ котораго отказалъ бы рабочимъ въ залѣ для ихъ собранія, тогда какъ въ провинціи рабочіе сплошь да рядомъ не находятъ для него мѣста. Ободренные этою побѣдою, рабочіе союзы стали примѣнять «бойкотъ» вездѣ, гдѣ только можно, и весьма часто съ успѣхомъ. Въ настоящее время въ главной рабочей газетѣ, издающейся въ Берлинѣ, вы раза два въ мѣсяць встрѣтите такіа воззванія: рабочихъ просятъ не

покупать произведеній такихъ-то фабрикъ, въ такихъ-то лавкахъ, у такихъ-то хозяевъ, и затѣмъ идетъ длинный списокъ портныхъ, шляпочниковъ, табачныхъ фабрикантовъ и продавцовъ, и т. д., у которыхъ рабочій день слишкомъ длиненъ или рабочая плата слишкомъ низка. Затѣмъ обратный списокъ: рабочіе приглашаются курить табакъ только такихъ-то фирмъ, носить шляпы только такихъ-то мастеровъ, заказывать платье лишь у такихъ-то портныхъ, — идетъ списокъ портныхъ и другихъ предпринимателей, у которыхъ рабочимъ живется болѣе сносно. И эти списки, по крайней мѣрѣ въ Берлинѣ и т. п. городахъ, производятъ такое сильное впечатлѣніе, что если фабрикантъ изготовляетъ не предметы роскоши, недоступные для рабочихъ, а что нибудь существенно необходимое, то онъ сильно боится попасть въ первый списокъ и желаетъ видѣть свое имя во второмъ. Однажды въ рабочей газетѣ появилось заявленіе, что одинъ мясникъ (было названо его имя и адресъ), когда къ нему обратились съ предложеніемъ пожертвовать что-нибудь въ пользу одного рабочаго союза, сказалъ: «Я этой сволочи не дамъ ни гроша». Въ наказаніе газета объявила его подлежащимъ бойкоту. Мясникъ страшно перепугался и побѣжалъ объясняться въ редакцію рабочей газеты, которая нарядила цѣлое слѣдствіе; доказать, чтобы мясникъ дѣйствительно произнесъ эти слова, оказалось невозможнымъ, и потому разорительный бойкотъ былъ снятъ съ обвиняемаго.

«Зайдемъ на собраніе какого-нибудь союза. На уличныхъ столбахъ, предназначенныхъ въ городахъ Германіи для расклейки афишъ, красуется приглашеніе на собраніе портныхъ — работницъ города Берлина; тутъ же обозначенъ адресъ ресторана, гдѣ будетъ происходить это собраніе. Предполагается: выборъ предсѣдательницы, чтеніе отчета о состояніи кассы, затѣмъ докладъ такой-то работницы

о положеніи портнихъ въ Германіи. Внизу надпись: входъ свободенъ для всякаго.

«Громадная съ хорами зала, залитая электрическимъ свѣтомъ, масса народа, расположившагося за кружками пива у маленькихъ столиковъ; эстрада еще пуста (въ большей части ресторановъ имѣется зала, спеціально предназначенная для всевозможныхъ общественныхъ собраній, публичныхъ чтеній, любительскихъ концертовъ и т. д.; въ ней всегда бываетъ эстрада). Въ публикѣ преобладаютъ женщины. Всѣ одѣты очень прилично, — очевидно, послѣдній грошъ истраченъ на одежду. Да и кто дастъ работу портнихѣ, не умѣющей сшить платье даже на себя? Тутъ есть и молодыя, свѣжія, веселыя лица, и молодыя, но уже изнуренныя лица, на которыя нужда и горе наложили свой отпечатокъ и какъ рукой сняли всякое веселье; встрѣчаются и совершенныя старухи. Не мало и мужчинъ, но исключительно портныхъ-подмастерьевъ. Совсѣмъ посторонней публики нѣтъ или почти нѣтъ.

«Въ назначенный часъ, обыкновенно въ 9-ть, являются и занимаютъ мѣста на эстрадѣ сперва два полицейскихъ, обязательно присутствующихъ на всѣхъ подобныхъ собраніяхъ; въ случаѣ шума, оскорбленія императора, вообще нарушенія закона, они имѣютъ право распустить собраніе. Прежде это случалось, но теперь уже рабочіе настолько дисциплинировались, что умѣютъ дѣйствовать въ предѣлахъ закона. Нѣсколько позже появляется предсѣдательница, секретарша, казначейша и другія.

«Выборъ бюро на слѣдующій годъ происходитъ очень быстро, просто и безъ шума. Кто-нибудь изъ толпы выкрикиваетъ: предлагаю такихъ-то; другая посѣтительница предлагаетъ иныхъ, и затѣмъ поднятіемъ рукъ собраніе выражаетъ свою волю, которой всѣ подчиняются беспрекословно. Докладъ казначея о расходахъ союза тоже не

вызывает прений; такъ же спокойно избирается ревизионная коммиссія, и затѣмъ предсѣдательница предоставляет слово портнихѣ.

«Нисколько не смущаясь, портниха всходитъ на эстраду и начинаетъ говорить; передъ ея глазами нѣтъ ни бумажки, ни тетрадки, по которой многіе профессора читаютъ свои лекціи, и тѣмъ не менѣе она говоритъ толково. Она сообщаетъ длинный рядъ фактовъ, какъ жалкая заработная плата работницъ сокращалась насильственно хозяевами, которые подъ всевозможными предлогами удерживали часть платы, какъ хозяева пользовались своею властью, чтобы оскорблять работницъ; она описываетъ жилища работницъ, словомъ, говоритъ о томъ, что присутствующая публика знаетъ не хуже ея. Но она настолько искусно все излагаетъ, что у нея выходитъ живая картина положенія работницъ по всей Германіи; она сравниваетъ, гдѣ это положеніе лучше, гдѣ хуже,—не даромъ же она сама, по ея заявленію, объѣздила чуть не всѣ города Германіи, въ поискахъ за тѣмъ, гдѣ лучше, и убѣдилась, что вездѣ хуже. Плата нигдѣ не превышаетъ 3—6 марокъ въ недѣлю для среднихъ работницъ, повышаясь только для особенно искусныхъ до 10 и 15, и за это работница должна, не разгибая спины, трудиться 12—15 часовъ въ сутки въ своей нетопленной каморкѣ гдѣ-нибудь на чердакѣ, гдѣ «звѣзды сквозь кровлю глядятъ». Затѣмъ идетъ подробный расчетъ, во сколько марокъ чистаго дохода обращается для хозяина каждый лишній часъ труда швей. Не то было бы, если бы работницы были организованы по настоящему, если бы всѣ онѣ вошли въ «союзъ», къ которому въ настоящее время принадлежитъ лишь ничтожная часть портнихъ даже Берлина. Далѣе она въ общихъ чертахъ набрасываетъ исторію рабочаго движенія въ Германіи, указывая,

какъ организація во всѣхъ отрасляхъ труда, гдѣ она развилась до извѣстной степени, привела къ значительному улучшенію положенія рабочихъ.

«Посторонній слушатель пораженъ: откуда у этой простой, повидимому только грамотной портнихи столько знаній, откуда у нея столько ораторскаго таланта, и какъ въ этой преждевременно состарившейся, немного сгорбленной женщинѣ столько страсти и огня. Она кончаетъ среди восторженныхъ аплодисментовъ, и затѣмъ цѣлый десятокъ лицъ, и женщинъ, и мужчинъ, выражаютъ желаніе говорить. Одни возражаютъ противъ нѣкоторыхъ мелочей въ вышеприведенной рѣчи, другіе дополняютъ ее, и слушатель поражается еще болѣе. Рѣчи здѣсь, очевидно, не приготовленныя заранѣе, и тѣмъ не менѣе всѣ, по крайней мѣрѣ мужчины, тоже простые рабочіе, говорятъ хорошо, какъ настоящіе ораторы. Общій смыслъ всѣхъ рѣчей одинъ, — необходимо расширить «союзъ», чтобы онъ угрозой стачки могъ вліять на хозяевъ.

«Чѣмъ болѣе объединяются рабочіе въ «союзы», тѣмъ очевиднѣе выступаетъ перемѣна даже въ характерѣ ихъ требованій отъ хозяина. Пока рабочій одинокъ, онъ не думаетъ ни о чемъ другомъ, какъ о лишнихъ 50 пф. въ день; но стоитъ ему организовать, и онъ отодвигаетъ требованіе о повышеніи заработной платы на второй планъ и выставляетъ требованіе сокращенія рабочаго дня. Рабочій начинаетъ болѣе цѣнить свою личность и свободу отъ обязательныхъ занятій, дающую ему возможность и отдохнуть, и подумать, и почитать, а потому и не соглашается за нѣсколько лишнихъ копѣекъ отдать всего себя фабрикѣ. Кромѣ того онъ начинаетъ понимать лучше, чѣмъ прежде, что его интересы находятся въ тѣсной связи съ интересами всего рабочаго класса. Если для него лично двѣ-три добавочныхъ марки въ недѣлю имѣютъ, можетъ

быть, большее значеніе, чѣмъ лишнихъ полчаса свободы въ день, то для всѣхъ рабочихъ, какъ цѣлаго класса, полчаса свободы гораздо важнѣе: всякое сокращеніе рабочаго дня еще болѣе облегчаетъ сближеніе рабочихъ между собою, а тамъ, гдѣ рабочіе объединились, они уже успѣли значительно сократить рабочій день».

Громадное значеніе для рабочихъ классовъ Германіи, имѣютъ законы о страхованіи рабочихъ. Страхуваніе бываетъ трехъ родовъ: 1) *отъ болѣзни*, 2) *отъ старости и потери способности къ работѣ*, 3) *отъ несчастныхъ случаевъ*. Вслѣдствіе этихъ законовъ каждый рабочій обязанъ вносить въ страховыя кассы двухъ первыхъ разрядовъ извѣстную сумму, смотря по размѣру своего заработка, и, если только онъ аккуратно выплачивалъ этотъ налогъ, или, лучше сказать, страховую премію, опредѣленную закономъ, онъ въ случаѣ временной болѣзни или окончательной потери способности къ труду можетъ получить опредѣленное вспомошествованіе. Но если-бы этотъ страховой взносъ дѣлали только рабочіе, имъ было бы это слишкомъ тяжело, да это было бы и несправедливо, — такъ какъ ихъ трудомъ пользуются и хозяева; вотъ потому-то хозяева тоже привлечены къ участию во взносахъ, а правительство беретъ на себя извѣстную часть расходовъ по страхованію рабочихъ отъ старости и потери способности къ работѣ.

Страховаться *отъ болѣзни* должны всѣ служащіе и рабочіе въ горныхъ и соляныхъ промыслахъ, на фабрикахъ и заводахъ, на верфяхъ, постройкахъ, желѣзныхъ дорогахъ и въ судоходствѣ, на почтѣ и телеграфахъ, однимъ словомъ всѣ рабочіе, получающіе въ годъ менѣе 2000 марокъ (на наши деньги приблизительно болѣе девятисотъ рублей). Въ страховыя кассы *отъ болѣзни* рабочими выплачивается $\frac{2}{3}$ всѣхъ взносовъ, а $\frac{1}{3}$ — ихъ хозяевами.

Взносъ рабочаго въ страховую кассу *отъ болѣзни* не долженъ превышать 2% заработной платы обыкновеннаго поденщика данной мѣстности. Такимъ образомъ рабочимъ, смотря по мѣстности, приходится дѣлать очень различный взносъ. Въ большей части Пруссіи, гдѣ обычный заработокъ чернорабочаго рѣдко превышаетъ на наши деньги 60—70 коп. въ день, ему приходится вносить въ страховую кассу то 3, то 3½ или 4 копѣйки каждую недѣлю; фабриканты же и вообще всѣ хозяева въ названныхъ мѣстностяхъ вносятъ отъ 1½ до 2 коп. въ недѣлю за cadaго рабочаго. Каждый рабочій, вносящій въ страховую кассу, имѣетъ право во время болѣзни пользоваться слѣдующими выгодами: онъ получаетъ дароваго доктора и всѣ лѣкарства бесплатно, а въ случаѣ невозможности работать онъ въ продолженіе 13½ недѣль, ежедневно, получаетъ половину своей обычной заработной платы. Когда онъ умираетъ, та же касса выдаетъ его семейству вспомошествованіе на похоронныя издержки; въ случаѣ смерти его жены или ребенка, за котораго не дѣлали страховыхъ взносовъ, а иногда и при рожденіи ребенка, страховыя кассы тоже выдаютъ небольшое пособіе. По отношенію къ холостымъ своимъ членамъ, не живущимъ въ семьѣ, кассы пользуются правомъ замѣнять пособіе помѣщеніемъ въ больницѣ. Рабочіе же семейные и женатые только тогда должны идти въ больницу, когда по роду ихъ заболѣванія нуженъ уходъ и питаніе, которыхъ больной не можетъ имѣть дома. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ семейныхъ можно послать въ больницу только съ ихъ собственнаго согласія. Какъ холостые, поддерживающіе своихъ родителей, такъ и женатые, находясь въ больницѣ, имѣютъ право на то, чтобы половина ихъ пособія была предоставлена ихъ семьямъ. Въ нѣкоторыхъ кассахъ существуетъ обычай, чтобы и тѣ больные, которые не имѣютъ

никого на своихъ рукахъ, получали, лечась въ больницѣ, $\frac{1}{8}$ пособія деньгами на карманные расходы. Но если болѣзнь произошла вслѣдствіе разгула, пьянства или какой-нибудь драки, въ такомъ случаѣ кассы не выдаютъ никакого пособія.

Издержки на страхованіе *отъ несчастныхъ случаевъ* возлагаются цѣликомъ на хозяевъ. Рабочихъ, застрахованныхъ отъ несчастныхъ случаевъ, особенно много, а именно, ихъ теперь уже болѣе 16 милліоновъ. Это и понятно: угольные копи, фабрики съ многочисленными машинами и тому подобныя учрежденія представляютъ на каждомъ шагу множество опасностей для жизни и здоровья рабочаго; земледѣльческіе рабочіе тоже обязаны страховаться *отъ несчастныхъ случаевъ*. Трудно представить себѣ, какую массу горя и страданій еще недавно приносила съ собою промысловая работа въ Германіи до изданія этихъ законовъ о страхованіи *отъ несчастныхъ случаевъ*. На фабрикахъ, заводахъ, копияхъ ежегодно бывали тысячи несчастныхъ случаевъ, оканчивавшихся смертью или различными увѣчьями. Семья рабочаго, пострадавшаго отъ неожиданнаго несчастія, кромѣ очень рѣдкихъ случаевъ, оставалась безъ вознагражденія даже и тогда, когда несчастіе произошло по винѣ и небрежности хозяина. Эти семьи убитыхъ или искалѣченныхъ рабочихъ ежегодно представляли очень большое число людей, которымъ ничего не оставалось другого, какъ прибѣгать къ общественной благотворительности, милостынѣ или воровству. Особенно измѣнилась въ этомъ отношеніи судьба германскихъ рабочихъ послѣ того, когда утверждены были законы о страхованіи. Если теперь вслѣдствіе несчастнаго случая умираетъ рабочій, то его семья получаетъ, на основаніи страхованія *отъ несчастныхъ случаевъ*, прежде всего на погребеніе небольшую сумму, но не менѣе 30 марокъ. Со дня смерти

рабочаго его семья, т.-е. жена, малолѣтнія дѣти, родители (если онъ былъ единственнымъ ихъ кормильцемъ) получаютъ ежегодную пенсію. Вдова получаетъ 20 процентовъ заработка мужа для себя и по 15⁰/₀ для каждаго изъ дѣтей до достиженія ими 15-ти-лѣтняго возраста, но всѣ эти полочки должны составлять вмѣстѣ не болѣе 60⁰/₀ заработка пострадавшаго. Если же пострадавшій не убитъ, не умеръ отъ несчастнаго случая, а сталъ инвалидомъ или полувинвалидомъ, ему уплачиваютъ, начиная съ 14-ой недѣли послѣ несчастія, всѣ расходы на леченіе (совершенно такъ, какъ при страхованіи отъ болѣзни) и назначается постоянная пенсія въ 66²/₃⁰/₀ его заработка. Эту пенсію онъ получаетъ до тѣхъ поръ, пока длится его неспособность къ труду. Но несчастные случаи причиняютъ иногда лишь временную неспособность къ труду: въ этомъ случаѣ пенсія выдается въ томъ же размѣрѣ, какъ полному инвалиду, но лишь до возстановленія силъ. Если рабочій пострадалъ внѣ производства или въ то время, когда не было работы на фабрикѣ, онъ не имѣетъ права на вознагражденіе. Законъ о страхованіи *отъ несчастныхъ случаевъ* оказываетъ въ высшей степени благотѣльное вліяніе во всѣхъ отношеніяхъ. Каждая отрасль промышленности заинтересована теперь въ уменьшеніи количества несчастій: страхованіе вынуждаетъ каждаго фабриканта, каждаго хозяина употреблять всѣ усилія, чтобы уменьшить опасность производства,—вѣдь чѣмъ болѣе произойдетъ несчастныхъ случаевъ, тѣмъ болѣе хозяину придется тратиться на вознагражденіе пострадавшихъ рабочихъ. Страхованіе *отъ несчастныхъ случаевъ* оказываетъ и другія благотѣянія рабочимъ: давнымъ давно извѣстно каждому, что въ опасныхъ производствахъ несчастія случаются гораздо чаще съ дѣтьми и подростками, чѣмъ со взрослыми,—вотъ потому-то теперь уже и сами хозяева, если только они

мало-мальски образованные люди, начинают устранять дѣтей и подростковъ отъ опасныхъ работъ. Замѣчено также и то, что число несчастныхъ случаевъ тѣмъ болѣе увеличивается, чѣмъ болѣе утомлены рабочіе, а потому очень многіе образованные фабриканты и хозяева Германіи сами начинаютъ приходить къ мысли, что черезчуръ длинный рабочій день не можетъ имъ теперь приносить особенныхъ выгодъ, такъ какъ увеличиваетъ число несчастныхъ случаевъ, а это ихъ же самихъ заставляетъ много тратить на обязательную выдачу вспомошествованій и пенсій рабочимъ, пострадавшимъ отъ несчастныхъ случаевъ.

Законъ о страхованіи *на случай старости и потери способности къ работѣ* (инвалидности) обезпечиваетъ рабочему, платившему свой взносъ въ инвалидную и старческую кассы, право на пенсію. Средства на вспомошествованіе рабочимъ въ этихъ случаяхъ получаютъ на $\frac{1}{3}$ изъ взносовъ самихъ рабочихъ, на $\frac{1}{3}$ уплачиваются хозяевами, а третью часть беретъ на себя правительство. Чтобы дѣлать взносы въ страховыя кассы *на случай старости и потери способности къ работѣ*, рабочіе раздѣлены на четыре разряда: рабочіе перваго разряда вносятъ 1 копѣйку, втораго 3 коп., третьяго 5 коп., четвертаго 7 коп. въ недѣлю,—кто больше получаетъ, тотъ больше и обязанъ вносить. Какое же вспомошествованіе получаютъ застрахованные? При потерѣ способности къ труду и на старости лѣтъ они получаютъ пенсію. Но чтобы получить старческую пенсію, нужно дожить до 70-ти лѣтъ и уплачивать страховыя преміи въ теченіе 30 лѣтъ (при этомъ однако нужно замѣтить, что годъ въ этихъ случаяхъ считается въ 47 недѣль), слѣдовательно въ теченіе 1410 недѣль. Кто дожилъ до 70-ти лѣтъ и платилъ въ теченіе этого времени по первому разряду, получаетъ пенсію въ 53 рубля на наши деньги,

если онъ платилъ по второму разряду—67 рублей, по третьему разряду—81 р. и наконецъ по четвертому разряду—95 руб. Правда, что очень немногіе рабочіе, при постоянной работѣ, доживаютъ до 70-ти лѣтъ, но тѣ, которые раньше выбились изъ силъ и сдѣлались инвалидами, получаютъ инвалидную пенсію, которая, въ большинствѣ случаевъ, не ниже, а выше старческой. Конечно, всѣ эти пенсіи и вспомошествованія очень не велики, но, чтобы увеличить ихъ, пришлось бы увеличить взносы рабочихъ, а рабочимъ и такъ не легко уплачивать всѣ эти взносы въ различныя страховыя кассы. Инвалидная пенсія отличается отъ старческой пенсіи тѣмъ, что для ея полученія не надобно ожидать извѣстнаго возраста: разъ только рабочій дѣлалъ взносы въ продолженіе 5 лѣтъ и оказывается неспособнымъ къ труду, ему выдаютъ инвалидную пенсію. Рабочій, ставшій неспособнымъ къ труду вслѣдствіе потери зрѣнія или какой-нибудь другой болѣзни, можетъ до конца своихъ дней получать инвалидную пенсію. При этомъ, чѣмъ позже наступаетъ неспособность къ труду, тѣмъ выше пенсія. Для ея полученія не требуется, чтобы неспособность къ труду была неизлѣчимая: кто въ продолженіе года неспособенъ къ труду, имѣетъ право получать инвалидную пенсію. Возстаноятся силы настолько, что рабочій въ состояніи будетъ зарабатывать свой хлѣбъ, и пенсія прекратится.

Эти законы о страхованіи рабочихъ, къ сожалѣнію, совсѣмъ не касаются безработныхъ: такъ какъ они не состоятъ ни при какомъ дѣлѣ, то и не платятъ въ страховыя кассы, а слѣдовательно и не пользуются никакими вспомошествованіями. Такимъ образомъ безработнымъ въ Германіи до сихъ поръ остается одно—прибѣгать лишь къ милостынѣ и благотворительности, что такъ возвращаетъ человѣка и приучаетъ его къ лѣни. Но на ра-

бочихъ Германіи, которые имѣютъ хотя небольшой заработокъ, которые могутъ дѣлать взносы въ страховыя кассы, эти законы оказываютъ въ высшей степени хорошее вліяніе: давая возможность получать помощь въ самыя тяжелыя минуты жизни, они удерживаютъ рабочихъ отъ всевозможныхъ пороковъ, вызываемыхъ нищетой, и отъ привычки къ попрошайничеству. Къ тому же вспоможеніе изъ страховыхъ кассъ, куда рабочій самъ дѣлалъ еженедѣльные взносы изъ своихъ трудовыхъ грошей,—не милостыня, которой долженъ стыдиться каждый, пока въ немъ не утрачено человѣческое достоинство и благородная гордость.

Какъ только вошли въ силу эти страховыя законы, а это случилось лишь въ послѣднее десятилѣтіе, такъ замѣтно уменьшилось число людей, призываемыхъ общественною благотворительностью. Но это еще не все: обязательное страхованіе оказываетъ огромное вліяніе на улучшеніе народнаго здравія и ведетъ къ полному перевороту во врачебномъ и больничномъ устройствѣ: большія страховыя кассы начинаютъ заводить свои больницы, тысячи врачей превращаются спеціально во врачей рабочаго люда, и такимъ образомъ теперь между высшими и средними классами Германіи все болѣе начинается развиваться интересъ, сочувствіе къ трудящемуся люду и пониманіе его нуждъ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО.

Нынѣшняя Германская имперія—государство союзное; оно состоитъ изъ 25-ти государствъ ¹⁾, которые въ 1871

¹⁾ Двадцать пять государствъ, составляющихъ нынѣшнюю Германскую имперію, слѣдующія: 4 королевства (Пруссія, Баварія, Вюртембергъ, Саксонія), 6 великихъ герцогствъ (Баденъ, Мекленбургъ-Шверинъ,

году соединились въ одну имперію и предложили императорскую корону королю Пруссіи, —самаго большого изъ германскихъ государствъ: вся остальная Германія, вмѣстѣ взятая какъ по пространству, такъ и по числу жителей, значительно менѣе, чѣмъ одна Пруссія.

Каждое изъ этихъ 25-ти государствъ, составляющихъ нынѣ Германскую имперію, имѣетъ свое особое государственное устройство, свой парламентъ, который называется *ландтагомъ*, своего особаго государя (кромѣ вольныхъ городовъ). Государя, смотря по государству, главой котораго они являются, называются то королями, то великими герцогами, то просто герцогами или князьями. Каждое изъ этихъ 25-ти государствъ самостоятельно и пользуется самоуправленіемъ: вполне по своему усмотрѣнію распоряжается народнымъ просвѣщеніемъ, полиціей, дѣлами по правосудію и церкви, несетъ отчасти на себѣ и нѣкоторыя обязанности военнаго управленія, даже издаетъ законы и наблюдаетъ за ихъ исполненіемъ. Но, конечно, такая самостоятельность предоставлена каждому изъ этихъ государствъ только относительно мѣстныхъ дѣлъ. Всѣ эти государства, входящія въ составъ Германской имперіи, обязаны подчиняться имперской власти и имперскимъ законамъ. Но подчиненіе это совсѣмъ не такого рода, какъ подчиненіе вассальныхъ государствъ. Имперская власть и мѣстная власть отдѣльныхъ государствъ строго разграничены другъ отъ друга, —одна совсѣмъ не мѣшается въ дѣла другой, и государя всѣхъ двадцати пяти государствъ, составляющихъ нынѣшнюю Германскую имперію, считаютъ

Гессенъ, Ольденбургъ, Саксенъ-Веймаръ, Мекленбургъ-Стрелицъ), 5 *герцогствъ* (Брауншвейгъ, Ангальтъ, Саксенъ-Мейнингенъ, Саксенъ-Кобургъ-Гота, Саксенъ-Альтенбургъ), 7 *княжествъ* (Вальдекъ, Липпе, Шаумбургъ-Липпе, Шварцбургъ-Рудольштадтъ, Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ, Рейсъ-Шлейцъ, Рейсъ-Грейдъ) и 3 *вольныхъ города* или *республики* (Гамбургъ, Любекъ и Бременъ).

себя равноправными союзниками прусскаго короля, а не его вассалами или подданными.

Имперская власть сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ прежде всего армію и флотъ, затѣмъ иностранныя дѣла, таможни и заграничную торговлю, ей же предоставлены организація торговаго флота, установленіе единства мѣръ, вѣсовъ и монетной системы, законодательство о банкахъ и промышленности, управленіе почтами и телеграфами, желѣзнодорожное законодательство, изданіе общихъ для всѣхъ государствъ постановленій о свободѣ передвиженія и осѣдности въ предѣлахъ имперіи, о порядкѣ вступленія въ германское подданство, о правахъ иностранцевъ, объ условіяхъ эмиграціи (выселенія), о паспортахъ, о патентахъ на изобрѣтенія, объ авторскомъ правѣ, и т. д. Вотъ со всѣми этими отраслями государственнаго управленія, признанными общими, и должны считаться всѣ государства, входящія въ составъ Германской имперіи. Но изъ этихъ 25-ти государствъ три—Баварія, Вюртембергъ и Бадень, сравнительно съ остальными, пользуются большею самостоятельностью. Присоединившись къ Германіи позже другихъ и при болѣе благопріятныхъ для себя условіяхъ, они выговорили для себя особыя льготы. Наибольшею самостоятельностью изъ названныхъ трехъ государствъ пользуется Баварія: она имѣетъ самостоятельное управленіе не только желѣзнодорожное, почтовое, но и военное; войска въ Баваріи въ мирное время вполнѣ подчинены не германскому императору, а баварскому королю.

За тѣмъ, чтобы всѣ государства, входящія въ составъ Германской имперіи, повиновались имперскимъ законамъ, слѣдитъ императоръ. Въ случаѣ нецвиновенія, императоръ, по постановленію *Союзаго Совѣта*, можетъ прибѣгнуть къ военной силѣ, т.-е. ввести войско въ непокорное государство. Съ своей стороны имперская власть

обязана защищать отъ внѣшнихъ враговъ подданныхъ всѣхъ германскихъ государствъ и упрочивать ихъ благосостояніе и безопасность, какъ посредствомъ мирной политики, такъ и путемъ оружія, если это понадобится. Имперская власть обязана предоставлять всѣмъ государствамъ, входящимъ въ составъ Германской имперіи, участіе въ *Рейхстагъ* и *Союзномъ Совѣтѣ* и допускать ихъ къ занятію имперскихъ должностей. Отдѣльные государства должны за все это нести военныя и финансовыя (денежныя) повинности.

Верховною властью въ Германіи считаются: *императоръ* (король прусскій, въ настоящее время Вильгельмъ II), *Союзный Совѣтъ* и *Рейхстагъ*.

Такъ какъ Германская имперія—союзное государство, то *Союзный Совѣтъ* состоитъ изъ представителей отдѣльныхъ государствъ и представляетъ ихъ интересы, или, точнѣе говоря, интересы ихъ правительствъ, такъ какъ его члены назначаются именно правительствами. Число голосовъ, предоставленныхъ въ *Союзномъ Совѣтѣ* отдѣльнымъ государствамъ, не одинаково: всѣ 25-ть германскихъ государствъ имѣютъ 58 голосовъ (Пруссія—17, Баварія—6, остальные еще меньше, а 17 государствъ имѣютъ въ *Союзномъ Совѣтѣ* даже по одному голосу). Президентская власть въ *Союзномъ Совѣтѣ* принадлежитъ Пруссіи, и дѣйствительно ею пользуется старшее по званію лицо, назначаемое прусскимъ королемъ, а именно: канцлеръ Германской имперіи, состоящій обязательнымъ членомъ этого учрежденія. *Союзный Совѣтъ* является прежде всего властью законодательною, даже преимущественно передъ *Рейхстагомъ*, не имѣющимъ права санкціи (утвержденія) законовъ. Но этимъ далеко не ограничиваются его права и обязанности,—онъ является также исполнительной властью: ему предоставляется право изданія правительственныхъ распоряженій для приведенія законовъ въ исполненіе, ему же принадлежитъ право толкованія за-

коновъ и право участія въ назначеніи чиновниковъ. Мало того, Союзный Совѣтъ является иногда административнымъ судомъ для рѣшенія споровъ между государствами Германской имперіи. Наконецъ, безъ его согласія императоръ не можетъ объявить войны ¹⁾ и до срока распустить Рейхстагъ.

Права и значеніе императора чрезвычайно велики: по значенію и вліянію онъ выше монарховъ другихъ государствъ, составляющихъ Германскую имперію. Будучи королемъ Пруссіи, самаго большого изъ всѣхъ 25-ти государствъ Германіи, онъ въ то же время занимаетъ императорскій престолъ; его никто не имѣетъ права ни смѣнить, ни назначить, — онъ становится императоромъ по собственному праву. Въ виду того, что король Пруссіи носитъ въ то же время и титулъ германскаго императора, не существуетъ особыхъ законовъ о престолонаслѣдіи. Слѣдовательно, наслѣдникъ прусскаго престола, сдѣлавшись королемъ, становится въ то же время и императоромъ германскимъ. Сообразно же съ прусскими законами, королевская власть наслѣдственна въ мужскомъ поколѣніи по праву первородства. Императоръ — единственный представитель имперіи въ сношеніяхъ ея съ иностранными державами, а также и съ отдѣльными государствами, входящими въ составъ Германской имперіи. Ему же принадлежитъ право поддерживать порядокъ во всей имперіи: въ тѣхъ случаяхъ, когда странѣ или отдѣльной какой-нибудь ея части грозитъ опасность, императоръ, какъ въ военное, такъ и въ мирное время, можетъ объявить каждую часть имперіи въ осадномъ положеніи. Вся административная власть находится въ его рукахъ: онъ назначаетъ и смѣняетъ канцлера, министровъ и другихъ чиновниковъ. Хотя безъ согласія Союзнаго Со-

¹⁾ Однако въ случаѣ внезапнаго чужеземнаго вторженія право объявить войну принадлежитъ императору.

вѣта императоръ не можетъ до истеченія законнаго (пятилѣтняго) срока распустить Рейхстагъ и назначить новые выборы въ него, но онъ открываетъ и закрываетъ каждую его сессию, такъ же, какъ сессию Союзнаго Совѣта, вноситъ проекты законовъ на обсужденіе, изготавляетъ и обнародуетъ имперскіе законы и слѣдитъ за исполненіемъ ихъ. Императоръ—главный начальникъ военныхъ силъ имперіи, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ; онъ можетъ пользоваться ими какъ для борьбы съ внѣшними врагами, такъ и противъ государствъ Германской имперіи, нарушившихъ имперскіе законы. Заключеніе мира всецѣло зависитъ отъ императора. Однако право участія въ законодательствѣ не предоставлено ему: законъ, принятый Союзнымъ Совѣтомъ и Рейхстагомъ, не нуждается въ его одобреніи. Тѣмъ не менѣе онъ участвуетъ въ законодательствѣ косвенно, какъ прусскій король, такъ какъ Пруссія имѣетъ 17-ть голосовъ въ Союзномъ Совѣтѣ.

Рейхстагъ состоитъ изъ депутатовъ, выбранныхъ народомъ посредствомъ прямой, всеобщей и закрытой подачи голосовъ. Выбирать депутата, то-есть быть избирателемъ, имѣетъ право каждый нѣмецъ какого-бы то ни было германскаго государства, какъ богатый, такъ и бѣдный, какъ знатный, такъ и простой рабочій, достигшій 25-тилѣтняго возраста, за исключеніемъ лицъ, лишенныхъ правъ по суду, а также тѣхъ, кто въ теченіе послѣдняго года жилъ на счетъ общественной благотворительности. Точно также и выбраннымъ въ депутаты можетъ быть каждый, кто, не менѣе года принадлежалъ къ одному изъ государствъ германскаго союза. Число депутатовъ 397. Время выборовъ—самое горячее, самое оживленное во всей Германіи. День выборовъ назначается императоромъ, при чемъ во всей имперіи выборы происходятъ въ одинъ и тотъ же день. Но гораздо ранѣе, иногда за нѣ-

сколько мѣсяцевъ, начинается оживленіе. Каждая партія, а ихъ очень много въ Германіи, старается изо всѣхъ силъ, чтобы депутатами въ разныхъ округахъ были выбраны люди, принадлежащіе къ ней, то-есть такіе, которые были бы однихъ съ нею убѣжденій и взглядовъ на государственное управленіе и на различные государственные вопросы.

Вотъ партія, такъ называемая, *консерваторовъ*: она стремится при помощи рейхстага обезпечить на будущее время существованіе нынѣшней системы управленія въ Германіи. Она очень недовольна тѣмъ, что при выборахъ въ рейхстагъ принимаютъ участіе всѣ, и богатые, и бѣдные, и была бы рада добиться отмѣны этого права. Всего важнѣе, однако, для консерваторовъ различныя мѣры для покровительства земледѣлію. Такъ въ 1879 г. имъ удалось добиться обложенія высокими пошлинами хлѣба, ввозимаго изъ-за границы въ Германію; это повысило цѣны на хлѣбъ и доставило громадные барыши землевладѣльцамъ, преимущественно крупнымъ. Впослѣдствіи (1892—1893 гг.) Германія, вопреки желанію консерваторовъ, заключила нѣсколько торговыхъ договоровъ съ Россіей, Австріей и другими государствами, изъ которыхъ по преимуществу ввозится въ Германію хлѣбъ, и на основаніи этихъ договоровъ понизила пошлины. Крайне недовольные этимъ консерваторы упорно противились принятію договоровъ, но не могли ничего подѣлать, такъ какъ не составляли большинства въ рейхстагѣ. Понятно, что наибольшую симпатію встрѣчаютъ консерваторы среди крупныхъ помѣщиковъ и зависящаго отъ нихъ люда.

Округа съ торгово-промышленнымъ населеніемъ чаще всего выбираютъ въ рейхстагъ либо либерала (иначе свободо-мыслящаго), либо соціалъ-демократа. *Либеральная партія* стремится къ водворенію въ странѣ свободы слова, свободы

торговли, старается добиться свободы и легкой доступности для каждого передвиженія (т.-е. между прочимъ пониженія непомерно высокихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ), требуетъ свободы труда и капитала (т.-е. чтобы государство какъ можно меньше вмѣшивалось въ отношенія между рабочими и хозяевами).

Соціалъ-демократическая партія требуетъ фабричнаго законодательства, которое ограничивало бы рабочій день на фабрикахъ 8-ю часами въ сутки, и многихъ другихъ мѣръ въ пользу рабочихъ. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими партіями, социалъ-демократы высказываются противъ увеличенія расходовъ на армію и флотъ, противъ новыхъ косвенныхъ налоговъ и пошлинъ на хлѣбъ и на другія потребленія массъ, противъ ухудшенія законодательства о печати.

Въ Баваріи, Вюртембергѣ и въ другихъ мѣстностяхъ, населенныхъ католиками, до сихъ поръ господствуетъ *клерикальная партія*, иначе называемая *партіей центра* (по мѣстамъ, которые ея сторонники занимаютъ въ рейхстагѣ), стремящаяся къ восстановленію преобладающаго положенія католической церкви. Существуетъ еще болѣе десятка и менѣе значительныхъ партій.

Всѣ эти партіи передъ выборами начинаютъ сильно волноваться. Ихъ дѣятельность въ это время особенно проявляется въ томъ, что они издають въ огромномъ количествѣ различные листки и брошюры, въ которыхъ высказываютъ свои взгляды на задачи государственнаго управленія и совѣтуютъ народу подавать голосъ за своихъ единомышленниковъ. Кромѣ всевозможныхъ изданій, выходящихъ въ это время въ несмѣтномъ количествѣ, люди, принадлежащіе къ различнымъ партіямъ, стараются проводить свои взгляды и въ общественныхъ собраніяхъ. Поэтому передъ выборами устраиваются такія собранія въ различ-

ныхъ помѣщеніяхъ. Каждая партія, желающая заманить къ себѣ побольше публики, наклеиваетъ повсюду афиши, на которыхъ объявляетъ о предстоящемъ собраніи. На нихъ ораторами выступаютъ какъ простые рабочіе, такъ и люди высшаго и средняго круга. По окончаніи рѣчи, каждый изъ присутствующихъ можетъ возражать оратору, защищать его или разбивать его воззрѣнія. Иногда въ этихъ собраніяхъ подымается такой шумъ и споръ, что вмѣшивается полиція и заставляетъ собравшихся немедленно разойтись.

Но вотъ, наконецъ, наступаетъ и день выборовъ. Для выборовъ вся страна дѣлится на избирательные округа, числомъ 397. Въ каждомъ изъ нихъ правительство нанимаетъ для выборовъ нѣсколько помѣщеній. Въ каждомъ такомъ помѣщеніи, въ день выборовъ, за столомъ сидятъ три чиновника и нѣсколько лицъ отъ различныхъ партій. На столѣ стоитъ урна. Въ 10-ть часовъ двери помѣщенія открываются и входятъ избиратели съ бумажками, написавъ на нихъ имя челоуѣка, котораго они желаютъ выбрать въ депутаты. Каждый избиратель можетъ подать голосъ за кого угодно, а для тѣхъ изъ нихъ, которые колеблются или совсѣмъ не знаютъ, кого выбрать, всегда найдется множество совѣтниковъ. Прежде чѣмъ войти въ помѣщеніе выборовъ, избиратель встрѣчаетъ у дверей не мало лицъ — агентовъ различныхъ партій, которые стараются всучить каждому изъ нихъ листокъ съ уже написаннымъ или обыкновенно даже напечатаннымъ именемъ своего кандидата. Когда избиратель такъ или иначе выбралъ своего кандидата, онъ бросаетъ свой листокъ съ его именемъ, или, какъ принято говорить, свой избирательный бюллетень въ закрытую урну. Такимъ образомъ никто не можетъ узнать, кто подалъ голосъ за того или другого депутата, если только самъ избиратель пожелаетъ сохранить

тайну; слѣдовательно, тайна выборовъ вполнѣ обезпечена; оттого это и называется тайною подачею голосовъ. Голоса подаются свободно, и всякое незаконное вліяніе на выборы (посредствомъ подкупа деньгами, спаиванія или же угрозъ), строго наказывается. Тѣмъ не менѣе, желая, чтобы избиратель выбралъ того или другого кандидата, его иногда уговариваютъ, стращаютъ, обѣщаютъ ему нерѣдко даже совершенно невозможныя вещи, а то и подкупаютъ. Избиратель, котораго можно стращать, подкупать или которому можно обѣщать невозможное, очень рѣдко пойдетъ на это жаловаться; такимъ образомъ, несмотря на то, что здѣсь преслѣдуется незаконное вліяніе на выборы, оно все-таки нерѣдко существуетъ. Въ 6-ть часовъ вечера двери избирательнаго бюро закрываются и начинается подсчетъ голосовъ. Тотъ, кто получаетъ въ округѣ болѣе половины голосовъ, считается выбраннымъ. Если это никому не удалось, то назначается перебалотировка между двумя кандидатами, получившими наибольшее число голосовъ.

Какое же значеніе въ государствѣ имѣетъ Рейхстагъ, который состоитъ изъ депутатовъ, свободно выбранныхъ нѣмецкимъ народомъ? Права Рейхстага весьма невелики сравнительно съ парламентами Англіи, Франціи, Бельгіи. Не имѣя права постановлять что либо безъ согласія Союзнаго Совѣта, Рейхстагъ неравноправенъ съ нимъ, а стоитъ ниже его. Рейхстагъ не можетъ контролировать государственнаго управленія, не можетъ предотвратить войну (хотя можетъ ее затруднить, отказавъ въ деньгахъ); онъ пользуется только однимъ важнымъ правомъ—предлагать законы, обсуждать тѣ изъ нихъ, которые предложены Союзнымъ Совѣтомъ и давать на нихъ свое согласіе или отказывать въ немъ. Но такъ какъ право санкціи (утвержденія) закона принадлежитъ только Союзному Совѣту, то безъ него ни одинъ законъ и не можетъ быть проведенъ въ

жизнь. Согласіе Рейхстага требуется при утвержденіи договоровъ съ иностранными державами. Рейхстагъ опредѣляетъ воинскую повинность, возвышаетъ и понижаетъ пошлины на хлѣбъ, на спиртъ, на табакъ, на пиво, на соль, на сахаръ, на кофе,—на предметы первой необходимости. Однимъ словомъ, всякій налогъ, всякая подать, всякій расходъ изъ государственнаго казначейства вообще, весь государственный бюджетъ должны быть утверждены Рейхстагомъ,—это самое важное его право: благодаря ему онъ можетъ вліять на императора и вообще на все правительство. Бывали случаи, когда Рейхстагъ отказывалъ въ средствахъ, въ которыхъ правительство нуждалось; тогда оно или временно уступало, или до срока распускало Рейхстагъ и назначало новые выборы; когда оно потомъ вновь его созывало, то уже не получало отказа.

Почему же Рейхстагъ, который состоитъ изъ депутатовъ, выбранныхъ народомъ, мало заботится о нуждахъ крестьянъ, громадное большинство которыхъ находится въ крайне тяжеломъ положеніи? Нужно замѣтить, что въ каждомъ государствѣ Германской имперіи есть свой *ландтагъ* или свой мѣстный парламентъ. Эти ландтаги рѣшаютъ дѣла, весьма близко касающіяся крестьянства (напр., о разныхъ мѣрахъ относительно сельскаго хозяйства), вѣдаютъ и многія важныя стороны народной жизни.

Въ то время, какъ право выбора въ Рейхстагъ принадлежитъ всѣмъ мужчинамъ, достигшимъ 25-тилѣтняго возраста, право выбора въ ландтагъ, въ большинствѣ государствъ Германской имперіи, ограничено очень многими стѣснительными условіями; при этомъ оно не одинаково во всѣхъ государствахъ Германіи, но отличается одною общею чертою: право выбора въ ландтагъ даровано не всѣмъ подданнымъ государства, а только болѣе или менѣе зажиточнымъ. Тамъ же, гдѣ правомъ выбора пользуются

всѣ, оно предоставлено на совершенно неодинаковыхъ условіяхъ. Такимъ образомъ почти во всѣхъ государствахъ Германіи въ ландтагахъ имѣютъ вѣсъ только голоса людей богатыхъ и значительныхъ. Въ Вюртембергѣ выборы въ ландтагъ производятся всеобщею подачею голосовъ, и въ этомъ отношеніи онъ составляетъ исключеніе, — вотъ потому-то здѣсь положеніе крестьянъ лучше, чѣмъ въ остальной Германіи. Благодаря стѣснительной системѣ выборовъ въ другихъ государствахъ Германіи, народъ относится къ нимъ крайне равнодушно, и въ Пруссіи, напр., $\frac{3}{4}$ населенія вовсе не желаетъ пользоваться своимъ правомъ и не принимаетъ участія въ выборахъ, тогда какъ изъ того же самаго населенія, при выборахъ въ Рейхстагъ, къ избирательнымъ урнамъ не является изъ сотни только человѣкъ 25—30. Такимъ образомъ почти во всей Германіи сравнительно небольшая группа населенія, преимущественно крупные землевладѣльцы, при выборахъ въ ландтагъ того или другого государства Германіи, пользуются неизмѣримо большими привилегіями сравнительно съ самою огромною частью населенія.

Нетрудно себѣ представить, что рѣшенія палаты депутатовъ этихъ ландтаговъ вовсе не соотвѣтствуютъ желаніямъ народа, — въ нихъ распоряжается небольшая горсть людей привилегированныхъ классовъ, чаще всего крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ, имѣющихъ въ виду лишь выгоды и интересы своего класса. Однако, какъ бы ни было мало друзей у народа при такомъ составѣ палаты депутатовъ, но несомнѣнно, что и въ ея средѣ попадаются люди понимающіе, какъ губительно для государства (а слѣдовательно въ близкомъ будущемъ и для другихъ классовъ общества) крайне печальное положеніе крестьянъ. Неужели же никто изъ нихъ никогда не возвышаетъ своего голоса въ защиту крестьянскихъ интересовъ? Напротивъ, они весьма нерѣдко

возвышаютъ свой голосъ въ пользу крестьянъ, но онъ всегда заглушается несравненно большимъ количествомъ голосовъ представителей привилегированныхъ классовъ.

Ландтаги въ большихъ и среднихъ государствахъ Германіи состоятъ изъ двухъ палатъ: 1) *палаты депутатовъ* и 2) *палаты господъ* ¹⁾. Постановленіе одной палаты можетъ вступить въ силу не иначе, какъ съ согласія другой; предложеніе, принятое въ *палатѣ депутатовъ* и отвергнутое *палатой господъ*, не можетъ стать закономъ. Нужно имѣть въ виду, что *палата господъ* cadaго ландтага состоитъ изъ представителей дворянства, крупныхъ землевладѣльцевъ-помѣщиковъ и денежныхъ тузовъ. Если бы въ палатѣ депутатовъ народолюбцамъ и удалось провести какую-нибудь мѣру, направленную на благо народа, она будетъ совершенно отвергнута, если не соотвѣтствуетъ интересамъ высшихъ классовъ и крупныхъ капиталистовъ. Такимъ образомъ въ ландтагахъ, въ этихъ представительныхъ учрежденіяхъ Германіи, участіе народной массы совсѣмъ почти незначительно. Всѣмъ верховодитъ въ нихъ денежная и земельная аристократія, которая заботится лишь о своихъ выгодахъ. Вотъ почему въ то время, какъ въ этой странѣ фабричныя рабочіе, чиновники, дворяне принимаютъ живое участіе въ борьбѣ партій передъ выборами въ Рейхстагъ, крестьяне совершенно равнодушно относятся къ выборамъ въ ландтагъ.

Но не только этимъ объясняется печальное положеніе крестьянъ, а и тѣмъ еще, что даже при выборахъ въ Рейхстагъ, гдѣ ничто, казалось бы, не могло помѣшать крестьянину подать голосъ за депутата, который будетъ бороться за его интересы, онъ очень часто, вслѣдствіе

---

¹⁾ Въ мелкихъ государствахъ Германіи ландтагъ состоитъ изъ одной палаты.

своей умственной неразвитости, подаетъ его за того, кто ему больше наобѣщаетъ, хотя бы и совершенно неисполнимаго.

Говоря о государственномъ управленіи Германской имперіей, нельзя не упомянуть объ огромномъ значеніи въ немъ *канцлера*: всякое письменное изъявленіе воли императора нуждается въ его скрѣпѣ. Благодаря этому на канцлера падаетъ вся отвѣтственность, а потому-то императоръ и является безотвѣтственнымъ. Канцлеръ—единственный отвѣтственный министръ Германской имперіи, и потому его отвѣтственность распространяется на всѣ отрасли управленія. Какъ министръ императора, канцлеръ ведетъ всѣ дѣла, подвѣдомственныя императору: дѣла по представительству имперіи, по созыву и закрытію Рейхстага и Союзнаго Совѣта, руководитъ управленіемъ, насколько оно предоставлено императору, и наблюдаетъ за исполненіемъ имперскихъ законовъ отдѣльными государствами, входящими въ составъ Германской имперіи.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія книги

Е. Н. ВОДОВОЗОВОЙ:

1. Жизнь европейскихъ народовъ. Часть 1-я. Жители юга. Подробное описаніе жизни, нравовъ и обычаевъ: болгарь, сербовъ, черногорцевъ, турокъ, албанцевъ, румынь, грековъ, итальянцевъ, испанцевъ, португальцевъ, французовъ и швейцарцевъ. Вмѣстѣ съ характеристиккою народныхъ нравовъ даны описанія мѣстной природы и государственнаго устройства. Къ книгѣ приложено 26 оригинальныхъ рисунковъ, представляющихъ типы названныхъ народовъ. (Книга въ 640 стр. большого формата). Цѣна книги 3 р. 75 к. Въ изящномъ переплетѣ 4 р. 55 к. Изд. 5-е, совершенно переработанное и дополненное по новымъ источникамъ. *Одобр. Учен. Комит. Минист. Народн. Просв.*

2. Жизнь европейскихъ народовъ. Часть 2-я. Жители сѣвера. Подробное описаніе жизни, нравовъ и обычаевъ: англичанъ, шотландцевъ, прландцевъ, голандцевъ, бельгійцевъ, норвежцевъ, шведовъ и датчанъ. Къ книгѣ приложено 24 оригинальныхъ рисунка, представляющихъ типы названныхъ народовъ. Цѣна книги 3 р. 75 к. Въ изящномъ переплетѣ 4 р. 55 к. Изд. 3-е, переработанное и дополненное. *Одобр. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв.*

3. Жизнь европейскихъ народовъ. Часть 3-я. Жители средней Европы. Подробное описаніе жизни, нравовъ и обычаевъ нѣмцевъ Германіи и Австріи, сербовъ-лужичанъ, словенцевъ, чеховъ, словаковъ, русинъ, поляковъ и венгерцевъ. Къ книгѣ приложено 26 рисунковъ. Цѣна 3 р. 75 к. Въ изящномъ переплетѣ 4 р. 55 к. Изд. 2-е. *Одобр. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв.*

4. На отдыхъ. Иллюстрированные рассказы для маленькихъ дѣтей. Книга отпечатана на толстой альбомной бумагѣ съ 40 картинами въ текстѣ. Цѣна книги въ папкѣ 1 р. 35 к.; безъ переплета 1 р.

5. Изъ русской жизни и природы. Рассказы для дѣтей съ 24 картинками, рисованными художниками Пановымъ, Савицкимъ и Бухгольцемъ. Содержаніе книги: рассказы о животныхъ, растеніяхъ, явленіяхъ природы, временахъ года, промыслахъ, повѣсти и очерки изъ народной жизни. Изд. 6-е. Цѣна книги 1 р. 50 к. Въ изящномъ переплетѣ 2 р. *Одобр. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв.*

6. Умственное и нравственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до школьнаго возраста. Содержаніе: Исторія домашняго воспитанія въ Россіи. Наслѣдственность. Роль воспитанія. Значеніе привычекъ. Воспитаніе внѣшнихъ органовъ чувствъ. Нервность. Воспитаніе воли. Работы, физическія упражненія на воздухѣ и въ комнатѣ, рассказы, сказки, пословицы, арифметическія задачи и наблюденія надъ явленіями природы. Изд. 4-е, совершенно переработанное. Цѣна книги 2 руб.

7. Одноголосныя дѣтскія пѣсни съ русскими народными мелодіями. Съ аккомпанементомъ для фортепіано. Музыка А. И. Рубца. Изд. 5-е. Цѣна 1 руб.

Складъ книгъ у автора: С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 2-я линія, домъ Шрейдеръ, Елизавета Николаевна Водовозова. Тутъ же можно приобрѣтать и книги покойнаго *Василія Ивановича Водовозова*. Всѣ означенныя книги продаются съ уступкою 30% съ cadaго экземпляра; съ цѣны переплетовъ уступки не дѣлается.

Подъ общимъ названіемъ „**Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ**“ издано семь книжекъ

Е. Н. ВОДОВОЗОВОЙ:

- 1) Турки, 2) Англичане, 3) Итальянцы, 4) Нѣмцы,
- 5) Испанцы, 6) Чехи, Поляки, Русины, 7) Болгары, Сербы, Черногорцы.

Шесть книжекъ „Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ“ а именно: 1) Испанцы, 2) Итальянцы, 3) Турки, 4) Нѣмцы, 5) Англичане и 6) Чехи, Поляки, Русины, одобрены Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ къ приобрѣтенію въ ученическія бібліотеки духовно-учебныхъ заведеній.

Шесть книжекъ „Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ“: 1) Итальянцы, 2) Турки, 3) Нѣмцы, 4) Англичане, 5) Чехи, Поляки, Русины, 6) Болгары, Сербы, Черногорцы, одобрены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ каждой книжкѣ „Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ“ отъ 6-ти до 14-ти картинокъ, изображающихъ типы названныхъ народовъ. Картинки нарисованы художниками *Васнецовымъ*, *Пановымъ*, *Бухгольцемъ* и другими. Цѣна каждой книжки (отъ 160 до 225 стр.) 40 коп.

Складъ изданія у автора: С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 2 линія, домъ № 11, д. Шрейдеръ, кв. 15, Елизавета Николаевна *Водовозова*. Тутъ же можно приобрѣтать книги покойнаго *Василія Ивановича Водовозова*. Всѣ книги продаются съ уступкою 30% съ cadaго экземпляра; съ цѣны переплетовъ уступки не дѣлается.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СОЧИНЕНІЯ

В. И. СЕМЕВСКАГО:

- 1) Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Т. I, стр. LIII+517. Цѣна 3 руб.

- 2) Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Т. II, стр. 625. Ц. 3 руб.

- 3) Крестьяне при Екатеринѣ II. т. I Ц. 3 руб.

- 4) *Василій Ивановичъ Водовозовъ*. Біографическій очеркъ съ портретомъ. Ц. 50 коп.

- 5) Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. Историческое изслѣдованіе. Т. I, 84+577 стр. Ц. 3 р.

- 6) Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ Т. II, 914 стр. Ц. 3 р.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія книги

В. И. ВОДОВОЗОВА:

1. Книга для первоначальнаго чтенія. Часть 1-я. Изд. 20-е. Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія *одобрено* изданіе 18-е. Настоящее 20-е изданіе напечатано безъ всякихъ перемѣнъ съ 18-го изд. Ц. 45 коп.

2. Служащая ей объясненіемъ Книга для учителей. Изд. 5-е, одобрено Ученымъ Ком. Мин. Народн. Просвѣщенія. Ц. 60 коп.

Обѣ книги, т.-е. „Книга для первоначальнаго чтенія“ и „Книга для учителей“, удостоены тремя наградами: 1) С.-Петербургскимъ Педагогическимъ Обществомъ *преми* въ память К. Д. Ушинскаго, 2) большой золотой медали отъ Вольнаго Экономическаго Общества, по присужденію Комитета грамотности, и 3) золотой медали, по присужденію Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ.

3. Русская азбука для дѣтей. Изд. 3-е, одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія. Ц. 30 коп.

4. Руководство къ русской азбуцѣ. Практическіе уроки бесѣдъ, звуковаго разбора, черченія, письма и чтенія въ первый годъ обученія. Одобр. Учен. Ком. Мин. Народ. Просвѣщенія. Ц. 20 коп.

5. Предметы обученія въ народной школѣ, для учителей. Изд. 2-е, Ц. 70 коп.

6. Дѣтскіе рассказы и стихотворенія, съ картин. Изд. 2-е. Ц. 75 к.

7. Словесность въ образцахъ и разборахъ. Изд. 6-е. Ц. 1 р. 25 коп.

8. Новая русская литература (отъ Жуковскаго до Гоголя включительно). Изд. 6-е. Ц. 1 р. 25 коп.

9. Русскія сказки въ стихахъ, съ картинками и въ папкѣ. Ц. 1 р. 50 коп.

10. Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія. Переводы изъ Сафо, Анакреона, Пиндара, Софокла, Еврипида, Катула, Горація, Гете, Байрона, Гейне, Беранже и оригинальныя посмертныя стихотворенія, 512 стр. Ц. 1 р. 50 к.

11. Рассказы изъ русской исторіи, выпускъ 1-й, 9-е изданіе. Содержаніе: Рассказы изъ лѣтописи Нестора.—Слово о полку Игоревѣ.—Нашествіе Батя на Русскую землю.—Александръ Невскій и Дмитрій Донской.—Народныя быliny.—Великій Новгородъ.—Взятіе Пскова.—Состояніе Руси до Іоанна III. Ц. книги 40 коп. *Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.*

12. Рассказы изъ русской исторіи, выпускъ 2-й, новое 7-е изданіе. Содержаніе: Іоаннъ III и сынъ его Василій.—Смерть Василя III.—Дѣтство, юность и правленіе Іоанна Грознаго.—Сильвестръ и Адашевъ.—Опричнина.—Курбскій и его переписка съ Іоанномъ.—Домострой.—Образованіе и бытъ народа. Ц. книги 60 коп. *Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.*

13. Очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка. Новое 2-е изданіе. Ц. 1 р. 50 к.; въ папкѣ 1 р. 75 к. Содержаніе: Допетровская Русь.—Переходное время. (Патріархъ Никонъ и Крижаничъ. Западно-русскіе ученые и начало раскола).—Царствованіе Петра Великаго.—Царствованіе Екатерины I-й, Петра II и Анны Леопольдовны.—Царствованіе Елисаветы Петровны.—Внутреннее состояніе Россіи послѣ Петра I-го.—Петръ III и Екатерина II. Царствованіе Екатерины II.—Императоръ Павелъ I-й и его время. *Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.*

